

SERIES MINOR

М.Е. Лошкарева Особая страна

М.Е. Лошкарева Особая страна: из политической и правовой истории средневекового Уэльса (XII – XIV вв)

Maria Loshkareva

The Unique Country:

Political
and Legal History
of Medieval Wales
(XII – XIV centuries)

Center for humanitarian initiatives
Moscow–Saint-Petersburg
2017

М.Е. Лошкарева

Особая страна:

из политической
и правовой истории
средневекового
Уэльса (XII – XIV вв.)

УДК 94(100-87)(09)

ББК 63.3(0)4

Л81

Серия MEDIAEVALIA
СРЕДНЕВЕКОВЬЕ КАК ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ
ФЕНОМЕН.

[series minor]

Основана в 2015 г.

Составитель и главный редактор А.К. Гладков

Лошкарева М.Е.

- Л81 Особая страна: из политической и правовой истории средневекового Уэльса (XII—XIV вв.). — М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. — 203 с. (MEDIAEVALIA [series minor])

ISBN 978-5-98712-660-8

В монографии, посвященной Уэльсу XII—XIV вв., М.Е. Лошкарева обращается к изучению уникальных, но при этом недостаточно освещенных в российской медиевистике проблем местной правовой культуры и политической мифологии; сделанные наблюдения позволяют говорить об особом значении валлийской традиции для становления европейской цивилизации Средневековья. Кроме того, автор не обходит вниманием сложные и противоречивые по своему характеру англо-валлийские отношения, составляющие, как известно, отдельную главу истории Соединенного Королевства.

Книга адресована историкам, культурологам, политологам и правоведам, а также широкому кругу читателей, интересующимся самобытными традициями средневекового Уэльса.

© Лошкарева М.Е., 2017

© Гладков А.К., составление серии, 2017

© Центр гуманитарных инициатив, оформление, 2017

Оглавление

От автора.....	7
§ 1. Уэльс после нормандского завоевания	11
§ 2. Эпоха Лливелинов. Завоевание Уэльса Эдуардом I.....	31
§ 3. Битва драконов: развитие валлийской политической мифологии в XII—XIII вв.	55
§ 4. Особое право особой страны: Закон Хауэла Доброго.....	73
§ 5. Уэльс после завоевания.....	117
§ 6. Англо-валлийские отношения в XIV в. Движение Овайна Логоха.	137
§ 7. Англо-валлийские отношения в начале XV в. Восстание Овайна Глендура	155
§ 8. В ожидании сына пророчества: развитие валлийской политической мифологии после потери независимости	175
Библиография	197
Summary	201

Британская история всегда считалась одной из приоритетных сфер отечественной медиевистики. Однако и в классических трудах русских медиевистов, и в современных исследованиях, посвященных средневековой Британии, традиционно освещаются проблемы собственно английской истории. Значительно реже объектом исследования становится история других регионов Британских островов. Мало внимания всегда уделялось и истории Уэльса. Данная тема была введена в российскую историографию относительно недавно К.Р. Кобриним.

Англо-валлийские отношения представляют собой одну из интереснейших сторон истории Соединенного Королевства, ибо «валлийский» фактор играл немаловажную роль на протяжении всего Средневековья. Не меньший интерес, без сомнения, вызывает богатейшая культурно-историческая традиция Уэльса, оказавшая серьезное влияние на развитие общеевропейской средневековой культуры (достаточно упомянуть лишь то, что один из главных сюжетов средневековой литературы — артуровский — родился именно здесь). Все это делает Уэльс особой страной, оставшейся в тени могущественных соседей.

Рост интереса современных исследователей к проблемам, связанным с кельтской культурой и истори-

ей, отчасти объясняется подъемом национального движения в кельтских регионах Великобритании.

Данная работа посвящена политической и правовой истории Уэльса в XII—XIV вв. В качестве нижней временной границы выбран XII в., т.е. время усиления трех доминировавших в Уэльсе княжеств (Гвинед, Поуиса и Дехейбарта), а также складывания валлийской правовой традиции. Верхней границей является начало XV в. — время последнего и самого мощного в истории Уэльса антианглийского выступления — восстания Овайна Глендура. Однако обозначенные хронологические рамки не являются жесткими: в ряде мест автор выходит за них.

При изучении истории и культуры такого региона, как Уэльс, неминуемо возникают проблемы терминологии и транскрипции. В российской историографии не сложилось устойчивой традиции передачи валлийских терминов, имен и названий. Значительную часть имен и терминов ввел в научный оборот К.Р. Кобрин, и в большинстве случаев автор следует за ним. Попытка дать русскую транскрипцию без посредства английской или латинской, (за исключением тех редких случаев, когда русская традиция уже сложилась), избегая англизации валлийских имен, подчеркивает, что валлийское и английское общества рассматриваются в качестве равных субъектов.

Первые три параграфа книги посвящены истории Уэльса в XII—XIII вв. Здесь особый интерес представляют проблемы становления валлийской государственности и формирования политической мифологии этого региона. К началу XIII в. Гвинед окончательно занял лидирующее положение в Уэльсе. Принцы гвинедской династии не просто подчинили

своей власти весь Исконный Уэльс, они предприняли попытки укрепления своего феодального статуса по отношению к английской короне. Проблема статуса княжества Уэльс и принца Уэльского была ключевой в англо-валлийских отношениях вплоть до завоевания Уэльса Эдуардом I.

Четвертый параграф посвящен анализу текстов, относящихся к национальному праву Уэльса — Закону Хауэла Доброго, остававшемуся основным источником права в княжестве вплоть до XVI в. Валлийская правовая традиция невероятно богата и совершенно уникальна, при этом, она практически полностью выпала из поля зрения русских медиевистов.

В последующих параграфах анализируются основные этапы инкорпорации княжества Уэльс в состав Английского королевства. Исконный Уэльс был включен в политическую и юридическую систему английской монархии. Процесс инкорпорации княжества не был безболезненным, несмотря на относительную гибкость английской административной системы, определяемой «Валлийским статутом» Эдуарда I и последующим законодательством. Особого внимания заслуживает реакция валлийцев на завоевание и введение английского управления. Уэльс всегда оставался беспокойным регионом, склонность к восстаниям считалась национальной чертой валлийцев, а «валлийская карта» при любой возможности разыгрывалась как внешними, так и внутренними врагами английской короны. Понимание политической истории региона этого периода невозможно без учета идеологии завоеванного народа, стержнем которой был политический миф о грядущей победе бриттов.

Завершающий этап колонизации Уэльса и его инкорпорации связан с принятием “Act of Union” в период правления Генриха VIII, однако политика Тюдоров в отношении Уэльса заслуживает отдельного исследования.

Замок Кардифф

§ 1

Уэльс после нормандского завоевания

Уэльс в эпоху раннего средневековья не представлял собой единого политического целого. К VIII в. на полуострове сложились четыре крупных княжества: Гвинед — на севере, Поуис — в центральной части, Дехейбарт — на юго-западе, Гламорган — на юго-востоке. В сферу их влияния были постепенно вовлечены менее значительные государственные образования. Политическая фрагментарность является отличительной особенностью этого региона.

В середине XI в. Гвинедскому правителю Гриффиту ап Лливелину удалось объединить под своей властью весь Уэльс. Согласно «Хронике принцев»¹, он был «главой и защитником бриттов»². Англо-саксонская хроника называет Гриффита «королем всех валлийцев»³. Как отмечает К.Р. Кобрин, «Гриффит смог добиться поразительных успехов, которых после него до конца XII в. не добивался ни один валлийский правитель. Он превосходно ориентировался в сложном контексте обширного региона, включающего запад Англии, Ирландию, Уэльс и ряд близлежащих островов»⁴.

В августе 1063 г. Гриффит ап Лливелин погиб, а его голова и фигура с носа корабля были посланы в качестве трофеев Гарольду Годвинсону и Эдуарду Исповеднику. Супруга Гриффита Элдгита Мерсийская была выдана замуж за Гарольда Годвинсона. Смерть

Гриффита привела к вакууму власти, ибо его гегемония основывалась исключительно на силе и личных связях. Такая ситуация была весьма характерна для Уэльса на протяжении всего раннего средневековья. Марионеточные правители, контролируемые Эдуардом Исповедником (Блетэн и Риваллон ап Кэнвэны в северном Уэльсе), политические изгои (Мередит аб Овайн из династии Дехейбарта и Гриффит ап Кинан — основатель династии Поуиса) или авантюристы (Трахайрн ап Карадог в северном Уэльсе и Карадог ап Гриффит — в южном) тут же развернули борьбу за власть. Гибель Гриффита нанесла серьезный удар по отношениям Уэльса с соседями, так как он не только удерживал страну в единстве, но был еще и «победителем викингов и саксов в многочисленных сражениях»⁵. В период его правления опасность скандинавских и ирландских нападений была значительно уменьшена. Р. Дэвис отмечает: «Гриффит не только навязал Уэльсу единство; он также расширил его границы и поколебал силу английского натиска»⁶.

После 1066 г. англо-нормандские короли сохранили претензии на верховную власть над Уэльсом, однако о его полном завоевании речи идти не могло. На данном этапе достаточно было согласия валлийских правителей на статус вассала, причем этот статус мог выражаться по-разному: выдача заложников, выплата дани, вассальная присяга и т.д. Таким образом, подобная власть не имела реальных очертаний, ее характер менялся в зависимости от соотношения военно-политических сил сторон. Даже в периоды своего усиления местные вожди не отрицали статус вассала английской короны, для которой Уэльс был периферией: главную проблему в XI в. составляли валлийские на-

беги на пограничные территории. Вильгельм Завоеватель считал себя наследником уэссекской династии и продолжателем ее политики в отношении шотландских и валлийских соседей. Вильгельм и его преемники, прежде всего, стремились оградить свои границы от опасности, связанной с внутренней нестабильностью в Уэльсе. Походы, предпринятые против валлийцев, не были направлены на завоевание этого региона.

1081 г. стал важнейшей вехой в процессе нормандского продвижения в Уэльс. Действительные причины экспедиции Вильгельма Завоевателя остаются невыясненными. Валлийский хронист описал ее как паломничество в Сент-Дэвидс⁷. Возможно, Вильгельм использовал случай, чтобы потребовать вассальной присяги от Риса ап Тюдора.⁸ В том же году произошла битва у Мэнэт Карн⁹, внесшая некоторую ясность в политический хаос, в который был ввергнут Уэльс после смерти Гриффита ап Лливелина. Три лидера: Трахайрн ап Карадог, Карадог ап Гриффит и Мойлер ап Риваллон — были убиты. Эта битва, исключившая многих претендентов из династической борьбы, позволила двум победителям усилить свое влияние в Уэльсе. Первым был Гриффит ап Кинан, внук правителя Гвинеда, убитого в 1039 г.¹⁰ Гриффит пытался заявить о правах на владения деда в 1075 г., атаковав Англси¹¹. Он был единственным валлийским правителем, ставшим героем дошедшей до нас биографии (написанной на латыни, а затем переведенной на валлийский)¹².

Другим победителем был Рис ап Тюдор, пришедший к власти в Дехейбарте в 1078 г.¹³ Его пятнадцатилетнее правление привело к политическому возрождению этого региона, гибель в 1093 г. — к тому, что, по словам валлийского хрониста, «французы захватили все зем-

ли бриттов»¹⁴. Согласно «Хронике принцев», с 1093 г. Уэльс подвергся серьезной англо-нормандской атаке. На юго-востоке были возведены новые замки и разорены соседние районы. Вильгельм II Рыжий, унаследовавший от отца большую часть пограничных земель на юго-востоке Уэльса и присоединивший к ним земли матери в Глостершире, начал активные действия. Следует отметить, что до 1093 г. «Хроника принцев» не уделяет значительного внимания нормандскому продвижению в регион, по мнению К.Р. Кобриня это свидетельствует о том, что «до 1093 года гораздо более важными были «западные» и «северо-западные» угрозы, нежели «восточная», что подтверждает предположение о существовании тогда большого политического региона», включавшего, в частности, Ирландию и Уэльс»¹⁵. Только начиная с 1093 г. можно с полным правом говорить о нормандском завоевании.

Валлийцы пытались противодействовать англо-нормандскому продвижению, хотя говорить о едином национальном сопротивлении было бы некорректно. «Тирания и беззаконие», упоминаемые в хрониках, объясняют череду событий в Уэльсе в 1094—1098 гг. Первое широкомасштабное антинормандское выступление началось в 1094 г., оно было возглавлено Гриффитом ап Кинаном и Кадоганом ап Блетэном ап Кэнвэном¹⁶. Нет смысла утверждать, что эти выступления были организованы и согласованы, более того, валлийцы сами нередко выступали на стороне захватчиков. В эти годы валлийцы нанесли много значительных ударов по англо-нормандским позициям в Уэльсе, заняв все ключевые пункты, исключая Пембрук и Кередигон. Сам король возглавил две безуспешные экспедиции в Уэльс в 1095 и 1097 гг.¹⁷ Хронист отмечает, что тактика валлийцев, избегавших столкновений на

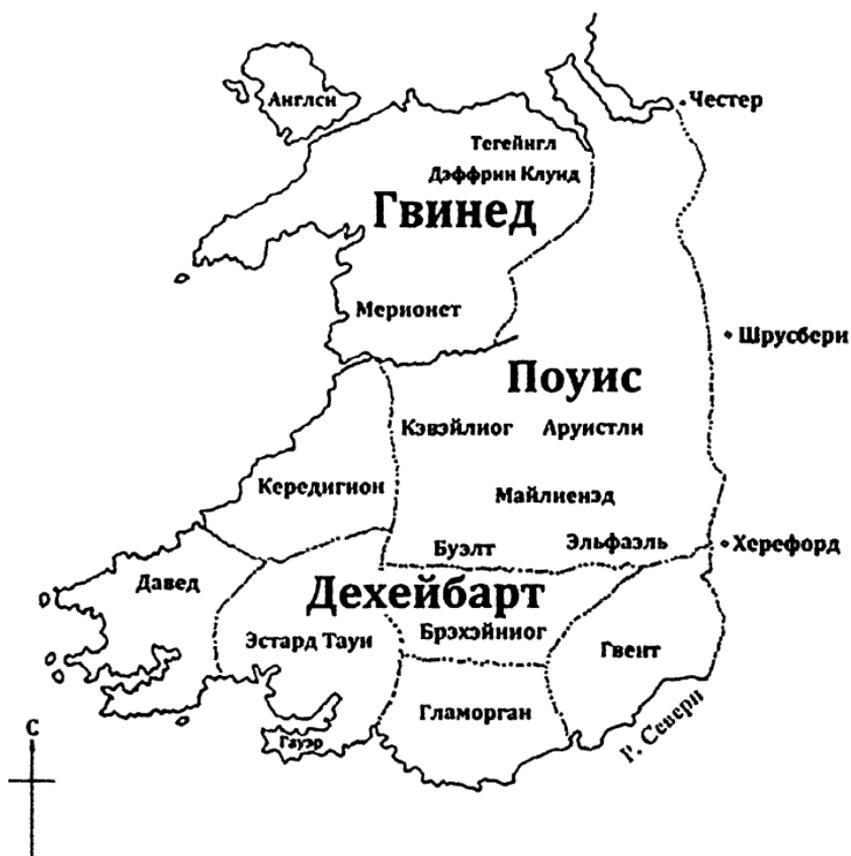
открытых пространствах, была залогом успеха, ибо нормандские войска не рисковали углубляться в леса¹⁸.

В 1098 г. Гуго, граф Честер, и Гуго, граф Шрусбери, начинают вторжение в Гвинед. Флот из Ирландии, нанятый Гриффитом ап Кинаном для обороны острова Англси, был перекуплен нормандцами, в результате и Гриффит, и Кадоган вынуждены были бежать в Ирландию. Однако успех нормандцев был кратковременным, ибо на остров прибыл флот норвежского конунга Магнуса Голоногого¹⁹. По сообщению Уильяма Малмсберийского вместе с Магнусом сражался Гарольд, сын Гарольда Годвинсона²⁰. Гуго, граф Шрусбери был убит. В течение года Гриффит и Кадоган вернулись из Ирландии, хрупкий мир был восстановлен. Кадоган получил земли в Поуисе, а Гриффит — Англси²¹.

С этого момента весь Уэльс надолго разделился на три части: Марка (область, принадлежавшая англо-нормандским лордам, захваченная ими частным образом и управляемая ими по особому законодательству — Обычаю Марки), Коронный Уэльс (валлийские земли, принадлежащие английской короне) и Исконный Уэльс²² (“Pura Wallia” — земли, оставшиеся под управлением валлийских династий, где господствовало традиционное валлийское право). Дальнейшая политическая история Уэльса — история взаимодействия и попыток взаимопоглощения этих элементов.

Говоря об Исконном Уэльсе, следует остановиться на трех наиболее значительных государственных образованиях: Гвинеде, Поуисе и Дехейбарте.

Гвинед всегда являлся крупнейшим княжеством в Уэльсе, но, как и другие, был часто раздираем внутридинастическими распрями. Приход к власти

Уэльс в XII в.

Гриффита ап Кинана несколько стабилизировал ситуацию внутри княжества.

В начале XII в. положение любого валлийского княжества во многом зависело от Генриха I. Англо-валлийские отношения с его приходом к власти перешли на качественно иной уровень. Валлийский хронист отметил, что он подчинил себе весь остров Британию²³. Уэльс не был главной целью Генриха, но уже к 1102 г. он имел там более устойчивые позиции, чем его отец. Падение дома Монтгомери (после неудачной попытки заговора наследников графа Шрусбери против Генри-

ха) принесло ему Шропшир и Пембрук. Другой важной точкой опоры королевской власти был Кармартен. Генрих I создавал оплот своего влияния в Марке с помощью пожалований и брачных союзов. Его феодальная власть была вне сомнений, а отношения с валлийскими правителями основывались на разнообразных способах принуждения (от договоров до применения силы). В 1114 и 1121 гг. Генрих предпринимал экспедиции в Уэльс²⁴. Кампания 1114 г. повергла валлийцев в ужас, ибо, по свидетельству «Хроники принцев», они сочли, что Генрих намерен «истребить всех бриттов, чтобы имя их было забыто»²⁵. На самом деле это были карательные экспедиции, продемонстрировавшие слабость валлийских лидеров. В итоге и Гриффит ап Кинан (Гвинед), и Овайн ап Кадоган (Поуис) признали сеньориальную власть короля. Гриффит и его сыновья успешно пользовались слабостью Поуиса и Честера, вовлекая мелкие местные династии в орбиту своего влияния и уничтожая соперников: по свидетельству хрониста в 1125 г. Кадваллоном ап Гриффитом ап Кинаном были убиты три брата его матери, сыновья Овайна аб Эдвина²⁶. Два других сына Гиффита Овайн и Кадваладр превозносятся хронистом как «добрые, бесстрашные, смелые и удачливые защитники церквей, радители бедных и победители врагов»²⁷. Хотя эта власть и широкое влияние были относительно неустойчивыми, они демонстрировали амбиции Гвинедского правителя и основные направления его политики. К моменту своей смерти в 1137 г. Гриффит ап Кинан являлся ключевой фигурой в Уэльсе на протяжении десятков лет, «королем, защитником и умиротворителем всего Уэльса»²⁸. С его именем связывают литературный ренессанс, особенно расцвет валлийской поэзии.

Смерть Генриха I привела к серьезным изменениям в характере англо-валлийских отношений: степень нормандского контроля значительно уменьшилась в период правления Стефана. В 1136—1138 гг. антинормандские выступления произошли в нескольких частях Уэльса. Главы династий Гвинед и Дехейбарта объединились в серии атак на Кередигион в 1136—38 гг.²⁹ Таким образом, смерть Гриффита ап Кинана в 1137 г. совпала с ослаблением английского влияния. В этот период Гвинед значительно усиливается. Один из наследников Гриффита, Овайн Гвинедский, которого современники именовали «Великим», создал основу для будущей гегемонии княжества. В 1149 г. Овайн строит замок в Йаль, и к концу 60-х годов XII в. часть территории Поуиса оказалась под контролем Гвинедов. Овайн ап Гриффит ап Кинан, особенно после смерти Мадога ап Меридита, правителя Поуиса, был самым значительным из глав валлийских династий до 1170 г.³⁰ С 1121 по 1157 гг. не было ни одной королевской экспедиции в Уэльс: политическая нестабильность в Англии отвлекала внимание от проблем в этом регионе. Валлийцы достаточно успешно использовали в своих интересах внутренние проблемы английского королевства, Дж. Ллойдом этот период был назван «национальным возрождением».

С приходом к власти Генриха II, политика английской короны в отношении Уэльса изменилась. В 1157 г. экспедицию в Уэльс возглавил сам король, но он столкнулся с серьезными трудностями: войска короля попали в засаду, организованную сыновьями Овайна Гвинедского, а десант с флота, атаковавшего Англси, потерпел поражение³¹. Формальным поводом к походу стало обращение к королю брата Овайна Гвинедского — Кадваладра, изгнанного с Англси и бежавшего в

Англию в 1152 г. Несмотря на военные неудачи, Генрих принудил Овайна к миру и заставил выдать заложников и восстановить брата в правах, а также вернуть Поуису Йаль (Поуисский принц Мадог ап Мередит поддерживал короля в этой экспедиции). Завоевание Уэльса не являлось целью Генриха II: его первоочередной задачей было восстановление status quo.

Как свидетельствует «Хроника принцев», в 1164 г. «все валлийцы объединились, чтобы избавиться от французского ига»³². Ответом Генриха была экспедиция, которая по масштабам приготовлений (войска с континента и из Шотландии, флот из Дублина) должна была превзойти все предыдущие. По свидетельству валлийского хрониста, Генрих намеревался «уничтожить всех валлийцев»³³. Перед лицом такой опасности валлийцы Гвинед, Дехейбарта, Поуиса и некоторых владений Марки объединили свои силы в Короене (в долине реки Ди). Кампания 1165 г. оказалась весьма неудачной; заметим, что поражение англичан было вызвано скорее стратегическими ошибками самого Генриха, нежели действиями валлийцев³⁴. Хронист отметил, что Генрих в гневе приказал ослепить валлийских заложников³⁵. Провал королевской экспедиции 1165 г. позволил валлийцам начать относительно активные действия, и вскоре Овайн Гвинедский при помощи брата Кадваладра и Лорда Риса Дехейбартского захватил Хритлан и Басингверк³⁶.

Овайн Гвинедский, безусловно, является самым ярким из валлийских правителей этого периода. Он не только участвовал в коалициях валлийских принцев против английской короны, но и сумел установить дипломатические отношения с французским королем Людовиком VII. Об этом свидетельствуют три

письма Овайна, два из которых адресованы самому королю и одно — канцлеру Гуго де Кампфлери. Овайн поддерживал отношения с французским двором, по крайней мере, до 1168 г., а возможно и до 1170 г. Среди указов Генриха, изданных в октябре-ноябре 1169 г., был и приказ об аресте всех валлийцев, прибывающих в Англию без писем короля, относительно их проезда, а также об исключении валлийцев из школ в Англии³⁷. Эти распоряжения могут объясняться конфликтом короля с Бекетом. В данной ситуации контроль над проливом был мерой, позволявшей пресечь возможные контакты архиепископа с Папой. Помимо прочего, это могла быть и предосторожность, направленная против валлийских отношений с французским двором. Характер подобных отношений не ясен. В письмах нет указаний на союз Людовика с Овайном, вероятно французский король считал Гвинедского правителя одной из многочисленных проблем Генриха и надеялся, что атаки валлийцев заставят Плантагенета оставить французский фронт. Дошедшие до нас письма дают скудную фактическую информацию, но позволяют пролить свет на некоторые аспекты политики Овайна. Прежде всего, попытка заручиться поддержкой Людовика свидетельствует о понимании политической ситуации и возможной выгоды от конфликта двух королей. Кроме того, Овайн мог предпринять дипломатическую инициативу, чтобы продемонстрировать свой отказ от власти Генриха. Но было бы преувеличением утверждать, что Овайн, называя себя “*homo et amicus fidelis*”, а Людовика — “*dominus*”³⁸ относится к нему как к своему лорду. Письма также проливают свет на концепцию власти Овайна. Он подчеркивает свой статус правителя,

чья власть распространяется на весь Уэльс. В первых письмах он именуется себя “rex Walie”³⁹, а в последнем “Waliarum princeps”⁴⁰: использование *genetivus pluralis* от “Walia” выражает претензию на власть и в северном, и в южном Уэльсе. Особый интерес представляет использование титула “princeps”, который выражал неповиновение Генриху и претензию на оммаж других валлийских лордов. Овайн Гвинедский признается первым обладателем титула «принц Уэльский».

Вопрос титулатуры валлийских правителей заслуживает отдельного внимания, ибо он станет краеугольным камнем англо-валлийских отношений в XIII в. Древнейшими валлийскими терминами, традиционно переводимыми как «король», были “brenin” и “rhi”. Причем, если термин “brenin” применим к правителям относительно крупных государственных образований, то “rhi” в равной мере применялся ко всем правителям⁴¹. Следует отметить, что титул “rhi” в XII в. использовался уже главным образом в поэтических произведениях. Термин “rhi” очевидно является родственным латинскому “rex”, некоторые валлийские личные имена сохранили его в своем составе: “brenin”. Происхождение слова “brenin” является спорным вопросом, этимологически оно может быть связано с валлийским “breyn” (знатный), по другой версии — с именем кельтской богини победы “Brigantia”. Англо-саксонские хартии, содержащие имена валлийских правителей в списках свидетелей, обычно именуют валлийских лордов “regulus” или “subregulus”. Хауэл Добрый, самый могущественный из валлийских правителей X в., чья власть простиралась почти на весь Уэльс, в хартиях короля Этельстана 930—933 гг. именуется “subregulus”⁴², а 937 г. — “regulus”⁴³,

как и в хартии Эдреда 946 г.⁴⁴, и только однажды, в хартии Эдреда 949 г. он назван “Howael rex”⁴⁵. После нормандского завоевания в английских источниках даже правители мелких государственных образований обычно назывались королями (“rex”). Примерно со второй половины XII в. только представители династий Гвинеда и Дехейбарта продолжали именоваться королями. В «Хронике» Роджера из Ховедена только Рис ап Гриффит Дехейбартский, присутствовавший на Совете в Оксфорде в 1177 г. в числе прочих валлийских лордов, назван королем: “Resus filius Griflini, dictus rex Sub-Walliae venit in Angliam”⁴⁶.

Валлийская «Хроника принцев» вплоть до конца XI в. применяет титул “brenhin” к правителям Даведа, Кередигона, Гламоргана, Гвента, Гвинеда, Поуиса и Дехейбарта, а равно и к английским королям (“brenhin Lloegyr”). В XII в. значительная часть валлийских лордов, видимо, прекратила именовать себя королями, ибо «Хроника принцев» называет так только трех правителей: Овайна Гвинедского в 1149 г.⁴⁷, Мадоба ап Мередита Поуисского в 1149 г.⁴⁸ и Мередита ап Гриффита ап Риса из Кередигона в 1154 г.⁴⁹ Хроника также именуется Овайна Гвинедского “tywysog Gwynedd”⁵⁰, Мадоба ап Мередита — “arglwydd Powys”⁵¹ (термин “arglwydd” в широком смысле обычно передается как «лорд» и чаще применяется именно к правителям Поуиса), а Лорда Риса Дехейбартского — “tywysog o Deheubarth”⁵². Повествуя о прибытии в Англию в 1153 г. Генриха Плантагенета «Хроника принцев» называет его “tywysog”, а короля Стефана — “brenin”⁵³. В «Анналах Камбрии» Овайн Гвинедский именуется “princeps Norwalliae”⁵⁴ или “rex Norwalliae”⁵⁵, Мадоб ап Мередит — “Powysorum princeps”⁵⁶, Лорд Рис Дехейбартский — “Sudwalliae princeps”⁵⁷.

Анализ валлийских хроник позволяет утверждать, что к концу XII в. титулом “*tywysog*” именуются только правители крупных валлийских государственных образований (таких как Гвинед и Дехейбарт). Сравнивая валлийские и латинские тексты, можно установить соответствие между “*tywysog*” и “*princeps*”, передаваемые по-английски как “*prince*”.

Следует отметить, что титул “*tywysog*”, ставший доминирующим с конца XII в., практически не встречается в дошедших до нас рукописях Закона Хауэла Доброго, остававшегося единственным источником права в Уэльсе до английского завоевания и сохранившим значение вплоть до XVI в. Это довольно странно, учитывая тот факт, что самые ранние из рукописей датируются именно XIII в. Большая часть рукописей закона написана на валлийском, но сохранились и латинские тексты. Выделяются три редакции закона: “*Cyfnernth*”, “*Iorwerth*”, “*Blegywyrd*”. В редакциях “*Cyfnernth*” и “*Blegywyrd*” термин “*tywysog*” не встречается вовсе. В латинских рукописях король именуется “*rex Walliae*” или “*rex Cambriae*”, что коррелирует с валлийским “*brenin*”. В рукописях редакции “*Iorwerth*”, созданной в Гвинедде, легендарный законодатель Хауэл Добрый в преамбуле назван “*tywysog Cymry*”, в латинских версиях, связанных с Гвинедом — “*princeps Walliae*” или “*princeps totius Walliae*”⁵⁸. Это, по всей вероятности, отражает претензии Гвинедских принцев на обладание титулом «принц Уэльский».

Особенно интересным является отказ от использования в титулах традиционного для обозначения Уэльса слова “*Britannia*”, вытесненного в XII в. словом “*Wallia*”, связанным этимологически с древнеанглийским “*walh*” (иноземец). Иное латинское название региона

“Cambria” (“Kambria”), очевидно, не прижилось, несмотря на то, что является латинизацией валлийского слова “Cymry”, также вытеснившего в валлийских текстах “Prydain” (Британия). Использование слова Камбрия для обозначения Уэльса может быть связано с «Историей Бриттов» Гальфрида Монмутского, который вел его происхождение от Камбра, сына Брута. Гиральд настойчиво использовал именно слово Камбрия для обозначения Уэльса, назвав свой труд “*Descriptio Cambriae*” («Описание Уэльса»), а себя Гиральдом Камбрийским. По мнению Х. Прайса, использование новой терминологии означало не утрату национальной идентичности валлийцев, а, напротив, стремление выразить ее в форме, понятной и приемлемой в Англии и на континенте⁵⁹.

Фома Бекет в письме к Папе Александру III (октябрь 1163 г.) упоминает Овайна Гвинедского, указывая, что он разгневал короля присвоением титула принц: “*De Wallensibus, et Oweno, qui se principem nominat, domine, provideatis: quia dominus rex super hoc maxime motus est et indignatus*”⁶⁰. Фразой “*se principem nominat*” («именует себя принцем») Бекет подчеркивает неправомерность поведения Овайна. При этом в 1165 г. в одном из писем Бекета к самому Овайну он использует обращение “*Oweno Wallensium principi*”⁶¹.

Присвоение титула было чрезвычайно важным аспектом политики Овайна, ибо в эту эпоху статус государственного образования во многом определялся статусом его правителя. Заметим, что валлийско-французские отношения прервались со смертью Овайна, хотя попытки их возобновления валлийскими принцами предпринимались неоднократно.

Что касается другого крупного государственного образования — Поуиса, то в этот период политика

его правителей во многом была обусловлена географическим положением: между Гвинедом и Англией. В 1114 г. правитель Поуиса Овайн ап Кадоган был вынужден признать себя вассалом короля, экспедиция Генриха I 1121 г. вновь заставила его покориться⁶². Начало XII в. было благоприятным периодом для Поуиса, чему способствовали королевская благосклонность и ослабление Дехейбарта. Но бесконечные междоусобицы привели регион к упадку. Кередигион был отторгнут Генрихом I, а коммоты Рос, Ривониог, Дэффрин Клуид на севере, и Аруистли, Мерионет на западе один за другим вовлечены в сферу влияния Гвинеда. После продолжительного периода междоусобиц княжество было объединено под властью Мадога ап Меридита (1132—1160). Мадог проводил политику подобную политике Гвинедской династии, пользуясь слабостью королевской власти. В 1149 г. он завладел Озвестри⁶³, а три года спустя частью владений лорда Монтгомери⁶⁴. В мабиноги «Видение Ронабви» указано, что Мадог владел Поуисом от Пулфорда до Аруистли⁶⁵. Кстати, Мадог ап Мередит — единственный из валлийских правителей этого периода, упоминаемый в «Мабиногион». Однако усиление Поуиса было временным. После смерти Мадога началась борьба за власть: его старший сын был вскоре убит, а территория княжества разделена между наследниками⁶⁶.

Дехейбарт после смерти Риса ап Тюдора в 1093 г. пережил период упадка. Наследник Риса, Гриффит после возвращения из Ирландии в 1115 г. поднял восстание, которое в историографии чаще характеризуется как локальное выступление, вылившееся в ряд набегов на восточные районы Даведа⁶⁷. После подавления выступления, которое даже местным

хронистом признано безрассудным, Гриффит ап Рис вынужден был согласиться с выделением ему во владение одного лишь Кантрефа Маур, что отражает бедственное положение династии.

В период правления английского короля Стефана, Дехейбарт, как и другие княжества, переживает подъем. Именно в Дехейбарте успехи валлийцев были самыми значительными. В 1136—1137 гг. они вернули весь Кередигион и заняли почти все замки, за исключением Кардигана. Кармартен был захвачен в 1137 г.⁶⁸, Кантреф Маур и Кантреф Бэхан вышли из-под английского контроля, владения в восточном Даведе оказались под угрозой захвата валлийцами и даже районы близ Пембрука и Уинстона были в опасности. К 1155 г. княжество, пришедшее в упадок при Генрихе I, было полностью восстановлено Рисом ап Гриффитом, вошедшим в историю как Лорд Рис. Он дольше других оказывал сопротивление Генриху II, но в конечном итоге признал власть короля и отправил ему заложников в 1158 г.⁶⁹ В 1163 г. Генрих II предпринял новую экспедицию в Уэльс именно по причине выступления Лорда Риса⁷⁰. Экспедиция была успешной, королю вновь удалось принудить к миру непокорного вассала. Но уже через два года Лорд Рис участвовал в антианглийской кампании валлийцев и отвоевал Кардиган. После кампании 1165 г. в Уэльсе не было крупномасштабных выступлений: Генрих II сумел установить стабильные отношения с Лордом Рисом, ставшим самым могущественным из валлийских принцев после смерти Овайна Гвинедского. Но верховенство Дехейбарта не могло быть долговечным, как и любое государственное образование в Уэльсе оно сохраняло единство только под властью выдающегося лидера. Рис ап Гриффит пытался создать нечто

вроде политической мифологии Дехейбарта, включая развитие культа Хауэла Доброго как основателя династии и легендарного законодателя. После смерти Риса в 1197 г.⁷¹ княжество было разделено между наследниками. Обычай раздела земель между наследниками, закрепленный законом Хауэла Доброго, был одним из важнейших факторов, препятствующих объединению Уэльса.

Как отмечает К.Р. Кобрин, XII век в Уэльсе, в отличие от «политического» XI, стал веком идеологии. «История бриттов» Гальфрида Монмутского заложила идейные основы для «валлийского сопротивления»⁷². Именно в этот период начинается расцвет «артурианы» и валлийской пророческой поэзии: победы и поражения валлийских принцев уподобляются мифическим событиям.

Надгробие Лорда Риса
в Сент-Дэвидс

Примечания

- ¹ «Хроника принцев» начинает изложение событий с 680 г. и доводит его до потери Уэльсом независимости. Это компиляция XIII в., основанная на ранних хрониках, среди которых «Анналы Камбрии». Сохранилось несколько вариантов «Хроники». Наиболее полными из них принято считать «Красную книгу Хергеста» и Peniarth MS 20. «Хроника принцев» содержит богатый материал по политической и военной истории Уэльса, особенно XII—XIII вв. Поскольку «Хроника» создавалась в южном Уэльсе, в ней преобладает изложение событий, происходивших в этом районе.
- ² Brut y Tywysogyon or the Chronicle of the Princes. Peniarth MS. 20 Version / Transl. with introd. and notes T. Jones. Cardiff. 1952. P.15. (далее — Brut.).
- ³ Anglo-Saxon Chronicle, According to the Several Original Authorities / Ed. with a transl. by B.Thorpe. L., 1861. P. 162.
- ⁴ Кобрин К.Р. Политический XI век в Уэльсе // Средние века. 2007. Вып. 68 (1). С. 107.
- ⁵ Brut. P. 13.
- ⁶ Davies R. The Age of Conquest. Wales 1063—1415. Oxford, 2000. P.26.
- ⁷ Brut. P.17.
- ⁸ Davies R. Op. cit. P. 33.
- ⁹ Brut. P.17
- ¹⁰ Ibid. P. 13.
- ¹¹ Ibid. P.16.
- ¹² The History of Gruffydd ap Cynan / Ed. by A. Jones. Manchester, 1910.
- ¹³ Brut. P. 17.
- ¹⁴ Ibid. P.19.
- ¹⁵ Кобрин К.Р. Указ. соч. С. 113.
- ¹⁶ Brut. P. 19.
- ¹⁷ Ibid. P. 20.
- ¹⁸ Ibid.
- ¹⁹ Магнус III Голоногий — король Норвегии (1093—1103 гг.) сын Олава Тихого, внук Харальда Сурового.
- ²⁰ Willelmi Malmesbeiensis Monachi Gesta Rerum Anglorum. L., 1840. V. II. P. 506. По свидетельству Уильяма Мальмсберийского, Магнус принял у себя Гарольда после победы Вильгельма Завоевателя, ибо Гарольд Годвинсон милостиво отпустил его

отца после поражения и гибели Харальда Сурового в Англии в 1066 г.

- 21 Ibid. P. 21.
- 22 Терминология предложена К.Р. Кобриним.
- 23 Ibid. P. 42.
- 24 Ibid. P. 37, 47.
- 25 Ibid. P. 37.
- 26 Ibid. P. 49.
- 27 Ibid. P. 51.
- 28 Ibid. P. 52.
- 29 Brut. P. 51—52.
- 30 Brut. P. 65.
- 31 Brut. P. 59.
- 32 Ibid. P. 63.
- 33 Ibid.
- 34 Pryce H. Owain Gwynedd and Louis VII: The Franco-Welsh Diplomacy of the First Prince of Wales // *Welsh History Review*. 1998. Vol 19. № 1. P. 24.
- 35 Brut. P. 63.
- 36 Brut. P. 64.
- 37 Ibid. P.12.
- 38 Owain Gwynedd to Louis VII. Vatican Library, MS Reg. lat. 179, fo. 233 r-v. // Pryce H. Owain Gwynedd and Louis VII: The Franco-Welsh Diplomacy of the First Prince of Wales. P. 27.
- 39 Ibid. P. 26.
- 40 Ibid. P. 27.
- 41 Charles-Edwards T.M. *Wales and the Britons 350—1064*. Oxford, 2013. P. 319.
- 42 *Codex Diplomaticus aevi Saxonici, opera* / Ed. by J.M. Kemble. L., 1840. T. II. P. 170—196.
- 43 Ibid. P. 205.
- 44 Ibid. P. 269
- 45 Ibid. P. 296.
- 46 *Chronica magistri Rogeri de Houdene* / Ed. by W. Stubbs. L., 1869. Vol. II.
- 47 Brut y Tywysogion or the Chronicle of the Princes of Wales / Ed. by the Rev. John Williams ab Ithel. L. 1860. P. 178.
- 48 Ibid.
- 49 Ibid. P. 182.
- 50 Ibid. P.184.
- 51 Ibid. P.184, 194.
- 52 Ibid. P. 204.

- ⁵³ Ibid. P. 182.
- ⁵⁴ *Annales Cambriae* / Ed. by the Rev. John Williams ab Ithel. L., 1860. P. 46
- ⁵⁵ Ibid. P. 53.
- ⁵⁶ Ibid. P. 48.
- ⁵⁷ Ibid. P. 60.
- ⁵⁸ *Cyfreithjeu Hywel Dda ac Eraill, seu leges Wallicae ecclesiasticae et civiles Hoeli Boni et aliorum Walliae Principum*. L., 1830. P. 3—7.
- ⁵⁹ *Pryce H. British or Welsh? National Identity in Twelfth-Century Wales // English Historical Review*. 2001. P. 797.
- ⁶⁰ *Epistolae Sancti Thomae Cantuariensis*. Oxford, 1845. Vol. I. P. 2.
- ⁶¹ Ibid. P. 389.
- ⁶² *Brut*. P. 48.
- ⁶³ Ibid. P. 57.
- ⁶⁴ Ibid. P. 58.
- ⁶⁵ *Мабиногион. Волшебные легенды Уэльса* / Пер. В.В. Эрлихман. М., 1995. С. 86. Мадог ап Мередит — единственный из валлийских правителей этого периода, упоминаемый в Мабиногион.
- ⁶⁶ *Brut*. P. 61.
- ⁶⁷ Ibid. P. 40.
- ⁶⁸ Ibid. P. 52.
- ⁶⁹ Ibid. P. 61.
- ⁷⁰ Ibid. P. 62.
- ⁷¹ Ibid. P. 77.
- ⁷² *Кобрин К.Р. Указ. Соч. С. 128.*

§ 2

Эпоха Лливелинов. Завоевание Уэльса Эдуардом I

К началу XIII в. Гвинед окончательно занял лидирующее положение в Уэльсе. У Овайна Гвинедского было семь сыновей от разных матерей, конечным результатом борьбы между наследниками стал раздел Гвинеда: восток отошел к Дэвиду, запад — к Родри, а юг — к сыновьям Кинана. Только к следующему десятилетию появился новый лидер — Лливелин ап Йорверт¹, сын Йорверта Сломанного Носа, возможно, самого старшего из законных сыновей Овайна Гвинедского, отстраненного от права наследования. Лливелин начал оспаривать права дядей, и в результате к 1200 г. большая часть княжества оказалась под его контролем, и он был на пути к установлению гегемонии в Уэльсе. Но, прежде всего, необходимо было сломить оппозицию Поуиса в лице Гвенвинвина ап Овайна Кэвэйлиога. Борьба заняла большую часть первого десятилетия XIII в. Иоанн Безземельный, ставший английским королем в 1199 г., вел тонкую политику в Уэльсе, сталкивая Лливелина и Гвенвинвина, посредством возвышения то одного правителя, то другого. В борьбе с королем Лливелин пытался получить поддержку папы. В “*De iure et statu Menevensis ecclesiae*” Гиральда Камбрийского изложен текст письма Лливелина (совместно с Гвенвивином) папе Иннокентию III,

в котором содержатся жалобы на притеснения валлийской церкви со стороны архиепископа Кентерберийского, а именно игнорирование валлийских обычаев и языка епископами, посылаемыми им в Уэльс². Лливелин в этом документе именуется уже “princers Norwallie”.

11 июля 1201 г. было подписано первое сохранившееся соглашение между представителями английского короля и валлийским принцем (показательно, что в самом договоре титул Лливелина не упомянут ни разу)³. Согласно документу, Лливелин, в присутствии епископа Бангорского Роберта, епископа Сент Азафа Рейнера и королевского юстициария Джеффри фиц Питера, присягнул на верность королю (сам Иоанн в этот период был в Нормандии и вернулся в Англию только в 1203 г.). Лливелин получил права на земли, находившиеся на тот момент в его владении. По возвращении короля, Лливелин должен был принести оммаж королю, как своему сеньору. Король прощал все преступления, совершенные до заключения мира. В случае возникновения исков о землях, принадлежавших Лливелину, последний мог выбрать согласно какому закону (английскому или валлийскому) и в каком суде будут разрешаться дела. Лливелин обязывался преследовать любых преступников, бежавших в его земли, и не предоставлять им убежища.

В 1204 г. Лливелин женился на незаконнорожденной дочери короля Джоан. Брак с представительницей дома Плантагенетов должен был значительно повысить статус гвинедской династии: дети Джоан являлись бы потомками Генриха Плантагенета и Элеоноры Аквитанской. В 1226 г. папа Гонорий III при-

знал Джоан законной дочерью Иоанна Безземельного, отметив, что удовлетворяет ее просьбу, дабы не умалять чести Лливелина, а также принимая во внимание его преданность церкви⁴. Этот брак был огромным достижением: Джоан оказывала помощь Лливелину в делах с тестем, и ситуация стабилизировалась. Но короля беспокоило возрастающее могущество гвинедского принца. В 1211 г. он вторгся в Гвинед, сжег Бангор и увез оттуда епископа⁵. Согласно «Хронике принцев» Лливелин не справился с натиском короля и послал на переговоры о мире Джоан. Валлиец вынужден был подчиниться королю, уступить земли на северо-востоке, дать заложников «столько, сколько пожелает король», в том числе старшего сына Гриффита,⁶ и выплатить значительную контрибуцию. Лливелин гарантировал переход его владений короне в случае, если у него не будет наследников от Джоан⁷.

В августе 1212 г. Иоанн отдал приказ о казни валлийских заложников, в ответ на мятеж Лливелина и Гвенвинвина, однако получил предупреждение от Джоан о том, что, продолжая антиваллийскую кампанию, король подвергает себя опасности и может быть даже убит баронами⁸. Это письмо Джоан упоминается Роджером Уэндовером в "Flores Historiarum". Иоанн начал строительство замков в Уэльсе и многие валлийские лорды, бывшие до сих пор его союзниками, заключили мир с Лливелином,⁹ который в это время получил поддержку папы Иннокентия III. Гвинедский принц воспользовался тем, что понтифик находился в состоянии продолжительного конфликта с английским королем. В результате папа освободил валлийского принца от присяги королю, а владения Лливелина, Гвенвинвина и Майлгэна ап Риса от интер-

дикта, независимо от Англии¹⁰ и, видимо, выступил посредником при заключении договора между Лливелином и французским королем Филиппом-Августом в 1212 г. Лливелин обещал французскому королю, что ни он, ни другие валлийские принцы не заключат мир с Иоанном. Следует заметить, что этот союз был весьма недолговечен: после того, как Иоанн подчинился папе в 1213 г., Лливелин заключил с ним перемирие и не поддерживал Филиппа во время антифранцузской кампании короля 1214 г.

В 1213 г. Лливелин отвоевал северо-восточные земли¹¹, а в 1216 г. провел успешную кампанию в Южном Уэльсе и нанес поражение Гвенвинвину, продемонстрировав претензию на оммаж всех валлийских лордов¹². Гвинедский принц сумел наладить отношения с соседями; его дети заключили браки с представителями влиятельных семейств. Так, его дочь Елена была выдана замуж за наследника графа Честера,¹³ а Дэвид женился на Изабелле, дочери Уильяма де Браоза¹⁴. Эти браки были нацелены на упрочение позиций Гвинеда и развитие династических связей с Маркой. Заметим, что сам Уильям де Браоз был приговорен Лливелином к смерти и повешен в 1230 г. за любовную связь с Джоан, о которой весьма недвусмысленно намекает хроника¹⁵.

Главной целью Лливелина ап Йорверта стало оформление статуса Гвинеда и его отношений с Англией. Мир в Вустере, заключенный в 1218 г. закрепил территориальные приобретения Лливелина¹⁶. Грамота, касающаяся статуса Кармартена и Кардигана, закрепляла их за Лливелином до совершеннолетия короля Генриха III. Лливелин получал право вершить суд в указанных землях над англичанами

согласно английскому праву, а над валлийцами — согласно валлийскому¹⁷.

За этим последовал период мира в англо-валлийских отношениях, но в середине 20-х гг. XIII в. принцу пришлось столкнуться с регентом молодого короля Губертом де Бургом, который укрепил свои позиции в Марке и построил для короля новый замок в Монтгомери. Лливелин был в состоянии сдерживать натиск, и период относительного спокойствия длился вплоть до его смерти (хотя без военных действий в 1231 и 1233 гг. не обошлось)¹⁸. Лливелин был теперь бесспорным лидером в Исконном Уэльсе и в 1230 г. он принял титул принца Аберффрау и лорда Сноудона (“princeps Aberfrau”, “dominus Snawdini”),¹⁹ до этого он именовал себя только принцем Северного Уэльса (“princeps Norwallie”). Новый титул отражал основу его власти, ассоциируя его верховенство с традиционным центром власти в Гвинеде. Прочие валлийские лорды прекратили к этому времени именовать себя королями и принцами.

С 1220-х гг. главной задачей Лливелина стало обеспечение безраздельного наследования созданного им княжества. Из двух сыновей (незаконного Гриффита и Дэвида от Джоан) в качестве наследника был выбран Дэвид, ибо в его жилах текла кровь королей Англии. Однако существовало серьезное препятствие: Закон Хауэла Доброго не делал различий между законнорожденными детьми и бастардами в вопросах наследования (в Уэльсе до введения Эдуардом I Валлийского статута незаконнорожденные имели право на имя отца, его опеку, наследовали имущество и власть)²⁰. Лливелин отменил эту норму в 1220 г. (с согласия короля Генриха III и епископа Кентерберий-

ского Стефана). В 1222 г. папа Гонорий III утвердил это постановление²¹. Лливелин ап Йорверт стремился решить вопрос наследования еще при жизни, поэтому сделал все для того, чтобы Дэвида признали валлийские лорды, король и папа. Старший сын Гриффит получил собственный удел, но, тем не менее, был обижен и не раз восставал против отца (к моменту смерти Лливелина Гриффит и его сын Овайн были заключены в замке Крикиет, супруга Гриффита леди Сенана обращалась к Генриху III с просьбой об их освобождении, но безуспешно)²².

Даже больше, чем в признании Дэвида, Лливелин нуждался в формальном договоре с английской короной о статусе княжества и принца. Ставший английским королем Генрих III хорошо понимал, чего добивается валлиец, и не собирался принимать его условия: он вынужден был мириться с положением самого Лливелина, но не мог позволить его унаследовать. Договор мог дать валлийскому княжеству гарантии безопасности и узаконить статус принца Уэльского, а в долгосрочные планы короля входило возвращение верховенства над каждым валлийским лордом. С 1231 по 1239 г. между валлийским принцем и королем было заключено несколько соглашений о перемириях, постоянно нарушаемых сторонами²³. Роковым для Лливелина стал 1237 г., когда умерли его жена Джоан и зять граф Честер, что в значительной мере ослабило позиции принца²⁴. Уход из жизни супруги был тяжелейшей утратой для Лливелина: несмотря на эпизод с супружеской изменой, Джоан играла огромную роль в его жизни и политике. После тяжелой болезни Лливелина фактическим правителем стал Дэвид. В 1238 г. на собрании валлийских

лордов в аббатстве Страта Флорида оммаж должен был быть принесен Дэвиду, но состоялась только церемония принесения присяги²⁵. Старший сын Лливелина Гриффит, который значительную часть жизни провел в заключении, будучи заложником у английского короля или взятым под стражу собственным отцом, получил во владение только Лен.

Все, чего достиг Лливелин, держалось на его личной власти, в его княжестве еще не сложилось ни сколько-нибудь сильного государственного аппарата, ни единообразной административной системы, правовые реформы Лливелина игнорировались, поэтому оно имело мало шансов на дальнейшее существование.

Лливелин ап Йорверт, вошедший в историю как Великий, умер в апреле 1240 г.²⁶ Намерения Генриха III стали очевидны сразу после его смерти. В течение месяца Дэвид был вызван к королю в Глостер, где принес оммаж²⁷. 15 мая 1240 г. был также заключен и договор, но он не имел ничего общего с тем, которого добивался Лливелин ап Йорверт. Согласно этому документу, все валлийские лорды приносили оммаж непосредственно королю²⁸. Дэвид теперь оказался в том же положении, что и все остальные: это было публичным унижением для гвинедского принца. По возвращении домой он попытался проигнорировать условия договора. Ответом короля стало вторжение в Уэльс в 1241 г., в результате Дэвид был вынужден согласиться с договором в Гверн Ойгрон (29 августа 1241 г.), по которому он уступал все территориальные приобретения своего отца, в том числе кантреф²⁹ Энглфилд (Флинтшир), и передавал своего брата Гриффита и его сына Овайна английскому ко-

ролю³⁰. Несколько месяцев спустя в Вестминстере он согласился, что Гвинед отойдет к английской короне, если он умрет, не оставив прямых наследников³¹. Дэвид находился в затруднительном положении, понимая, что любой его неверный шаг приведет английские войска в Гвинед, а Гриффита — к возвращению. Но 1 марта 1244 г. одна из проблем Дэвида решилась: Гриффит погиб при попытке бегства (по версии хрониста, веревка по которой Гриффит пытался спуститься из окна Тауэра оборвалась)³² и Генрих III потерял ценнейшего заложника. В этом же году Дэвид пытался перевести Гвинед под папское верховенство,³³ но неудачно: когда Генрих узнал об этом, он заплатил недоимки по обязательствам Иоанна и использовал свое влияние в Риме: Иннокентий IV нуждался в поддержке и расположении могущественного английского короля в борьбе с домом Гогенштауфенов. Папа отказал Дэvidу, ссылаясь на то, что предки принца с незапамятных времен были вассалами английского короля. Военные действия между Дэвидом и короной возобновились в 1245 г.³⁴ В 1246 г. «щит Уэльса» принц Давид ап Лливелин умер, не оставив наследников³⁵.

После смерти Дэвида Гвинед вновь встал перед проблемой наследования. У брата Дэвида — Гриффита ап Лливелина было четыре сына: Овайн, Лливелин, Дэвид и Родри. Лливелин находился в Гвинед в 1246 г. и, видимо, оказывал поддержку дяде, рассчитывая стать его наследником (Лливелин, в отличие от братьев не был заложником). Овайн (освобожденный Генрихом III еще в 1244 г. на условии службы)³⁶ прибыл в Гвинед, чтобы заявить о правах. Братья вынуждены были заключить договор в Вуд-

стоке 30 апреля 1247 г.³⁷ Согласно этому документу Овайн и Лливелин соглашались держать свои земли от короны на условиях военной службы. Каждый из них обязывался предоставить по 1000 пеших воинов и 24 рыцаря в случае кампании в Уэльсе или Марке и по 500 пеших воинов и 10 рыцарей в случае призыва в Англию. Другими словами, их положение теперь больше напоминало положение английских держателей, нежели суверенных правителей. Они также согласились на уступку короне Четырех Кантрефов. Договор предусматривал потерю всех земель в случае измены братьев. Следует отметить, что Овайн и Лливелин не именуется принцами в этом документе, хотя, весьма показательно, что король не настаивал на выполнении условий, принятых Дэвидом ап Лливелином в Вестминстере о переходе княжества короне, если тот умрет, не оставив прямых наследников.

Доминирование английской короны в регионе на этом этапе не могло долго продолжаться, прежде всего, из-за роста политической нестабильности в самой Англии. Какой-либо прогресс в антианглийской политике валлийцев мог наметиться только при условии объединения княжества под властью одного принца. Генрих III прекрасно понимал это и потому настаивал на выделении наследственных долей в княжестве Дэвиду и Родри, ссылаясь при этом на валлийское право. Объединителем Уэльса в конечном итоге стал Лливелин ап Гриффит, в 1255 г. он разбил войска своих братьев Овайна и Дэвида³⁸. Следующие 22 года Овайну было суждено провести в тюрьме,³⁹ за что современники нередко упрекали Лливелина. Овайн Гох был старшим из братьев и явно не менее способным,

чем Лливелин, а стало быть, представлял угрозу для единства княжества.

В 1256 г. король передал Четыре Кантрефа старшему сыну Эдуарду, чиновники которого произволом и неуважительным отношением к обычаям вызвали возмущение местного населения. Жители Четырех Кантрефов обратились за помощью к Лливелину. Осенью 1256 г. он пересек Конви, и через неделю вся территория, кроме двух замков, перешла под его контроль⁴⁰. За этим последовало еще два года успешных военных действий, в результате которых Мерионет, Дехейбарт и Поуис оказались под властью валлийского принца. В 1257 г. королевская армия была разбита близ Кармартена и планируемая кампания в северный Уэльс не состоялась⁴¹. Король несколько раз пытался заручиться поддержкой Дэвида, суля ему новые земли, но безуспешно⁴².

К 1258 г. все валлийские лорды, исключая Гриффита ап Гвенвинвина и Мередита ап Риса, были на стороне Лливелина. В этом году они принесли ему оммаж, и он стал именовать себя «принцем Уэльским»⁴³. Кроме этого, им была предпринята попытка соглашения с шотландскими лордами против Генриха III. Договор от 18 марта 1258 г. заключили 18 шотландских лордов, включая Уолтера Комина, графа Ментит и Александра Комина, графа Бахана, юстициария Шотландии и принц Уэльский Лливелин вместе с братом Дэвидом и еще 24 валлийскими лордами. Шотландцы обязывались не заключать соглашений с английским королем, не оказывать ему военной помощи против принца и действовать в интересах последнего, а также пытаться убедить своего короля поддержать данное соглашение (договор даже содержал положе-

ние о шотландских купцах, которые получали право свободного передвижения в Уэльсе)⁴⁴. И хотя этот договор ничего не дал, он продемонстрировал возможную линию развития событий, крайне опасную для Англии. Военные действия продолжались, новое перемирие с королем было подписано в Оксфорде 17 июня 1258 г. (до 1 августа 1259 г., а затем продлено еще на год)⁴⁵.

1260 г. принес Лливелину новые успехи и территориальные приобретения. Он сумел установить контроль над всеми частями Уэльса, находившимися под властью валлийских лордов. Теперь он контролировал стратегическое «сердце» Уэльса. Очередное перемирие было заключено в Монтгомери 22 августа 1260 г.⁴⁶ К концу 1263 г. даже Гриффит ап Гвенвинвин под давлением одного из влиятельных соседей заключил мир с принцем Уэльским⁴⁷. Но в этом же году Лливелину изменил его брат Дэвид⁴⁸.

В 1264 г. в Англии разразилась гражданская война. Лливелин и лидер баронской оппозиции Симон де Монфор были союзниками. События развивались весьма удачно для валлийца, побег английского принца (наследника Генриха III) Эдуарда из плена и измена графа Глостера укрепили его позиции: он являлся едва ли не единственным союзником Монфора и мог диктовать условия⁴⁹. Результатом стало соглашение в Пиптоне 19 июня 1265 г., подписанное Симоном де Монфором от имени короля: Лливелин в нем именуется принцем Уэльским и Лордом Сноудона, признается правителем всего Уэльса и соглашается выплатить 30000 марок королю⁵⁰.

Лливелин, без сомнения, был выдающимся полководцем и харизматическим лидером. Один из ан-

глийских хронистов отметил, что валлийцы следовали за ним словно «привороженные». Подвижность была секретом большинства из его военных успехов: он мог переводить войска из одного конца Уэльса в другой очень быстро, используя горные дороги, чем заслужил репутацию мастера неожиданностей. Лливелин был талантливым политиком, который хорошо понимал, что военный успех не является достаточным условием власти, и приобретения, полученные посредством военных действий, могут быть только временными. Единственной возможностью защитить его княжество был договор, заключенный с английским королем. Лливелин сознавал, что соглашение, подписанное в Пиптоне, не может дать никаких гарантий, тем более что судьба самого Монфора была уже решена. Победа Эдуарда и гибель лидера баронской оппозиции ознаменовали конец гражданской войны. Для восстановления мира в Англию в качестве посредника прибыл папский представитель. Переговоры между представителями Лливелина и короны закончились договором в Монтгомери 29 сентября 1267 г.⁵¹ Этот договор стал высшим политическим достижением принцев Гвинеда. Лливелину прощался весь вред, нанесенный королю в период войны, утверждались территориальные приобретения принца, включая пограничные (при условии соблюдения там Обычая Марки). Пункт 9 договора гласил: «Желая оказать честь Лливелину и его наследникам, король с согласия Эдуарда жалует Лливелину и его наследникам княжество Уэльс (“Wallie principatum”), поэтому Лливелин и его наследники должны именоваться принцами Уэльскими (“principes Wallie)»⁵². Чрезвычайно важным является то, что

не только сам Лливелин, но и его гипотетические наследники признавались короной. Согласно пункту 10 Лливелин признавался верховным правителем над остальными валлийскими лордами (исключая Мередида ап Риса, который приносил оммаж непосредственно королю). Он обязывался примириться с братом Дэвидом и восстановить его в правах. Лливелин согласился выплатить короне 25000 марок, из которых 1000 выплачивалась в течение месяца, 4000 — до Рождества, а затем по 3000 ежегодно⁵³. Впервые в истории англо-валлийские отношения базировались на формальной основе, заключенной в договоре, принятом обеими сторонами. Лливелин ап Гриффит добился того, к чему его дед Лливелин ап Йорверт стремился с 1230 г.

Генрих III умер в 1272 г. и к власти пришел его сын Эдуард, но в Англию из крестового похода он смог возвратиться только в 1274 г. К этому времени англо-валлийские отношения очень осложнились. Первым серьезным столкновением стал конфликт между Лливелином и Гилбертом де Клером, графом Глостером, начавшим строительство замка Кайрфилли в Гламоргане. Лливелин взял замок в 1270 г.⁵⁴ За этим последовал затяжной конфликт, принц, в конечном итоге, вынужден был отступить, а затем прекратил выплаты по договору. К 1272 г. он заплатил только треть положенного, а далее не платил ничего, заявив, что произведет необходимые выплаты после того, как нанесенное ему оскорбление будет компенсировано. Лливелин обратился к королю с требованием принудить графа Глостера и других графов Марки, вернуть ему земли, захваченные ими в нарушении договора в Монтгомери⁵⁵. На коронации

Эдуарда I валлийский принц не присутствовал, хотя должен был.

В 1274 г. Лливелин столкнулся с серьезной внутренней проблемой: Дэвид, его брат и наследник, и Гриффит ап Гвенвинвин составили заговор. Если бы он удался, то Дэвид стал бы принцем, а старший сын Гриффита женился бы на дочери Дэвида. После разоблачения Дэвид бежал в Англию, а Гриффит вскоре присоединился к нему. Заговорщикам покровительствовал Эдуард, и они совершили несколько набегов на земли Лливелина⁵⁶. Принц Уэльский вызывался для принесения оммажа пять раз, первая встреча была отложена по причине болезни Эдуарда, но Лливелин не появился и потом, даже когда Эдуард специально прибыл в Честер, чтобы встретиться с ним. Принца Уэльского извиняло то, что король покровительствовал Дэvidу и Гриффиту. Согласно «Хронике принцев» Лливелин собрал валлийских лордов и они посоветовали ему не являться к королю, ибо беглецы Дэвид ап Гиффит и Гриффит ап Гвенвивин были с королем⁵⁷. В 1275 г. Лливелину было нанесено новое оскорбление. Он должен был жениться на дочери Симона де Монфора, и после формальной церемонии во Франции Элеонора отправилась в Уэльс, но ее корабль был захвачен англичанами, а сама она была заключена в Виндзорский замок⁵⁸. Несмотря на требования папы Григория X, Эдуард не освободил Элеонору (она содержалась под стражей до 1278 г.). Лливелин обещал принести оммаж и продолжить выплаты после передачи ему заговорщиков, Эдуард же обещал сделать это, если принц Уэльский принесет оммаж и выполнит обязательства по договору. 12 ноября 1276 г.

Лливелин был объявлен бунтовщиком и король начал войну⁵⁹. Три его армии двинулись в Уэльс: одна из Честера, другая из Монтгомери, третья из Кармартена. Дэвид выступал на стороне короля. Территориальные приобретения Лливелина 50-х—60-х гг. быстро перешли в руки англичан. Королевский флот блокировал Англси, лишив войска принца основного источника пополнения запасов. Начались работы по строительству замков во Флинте, Хритлане, Ритине, Буэлте, Абериствите, чтобы контролировать периферию Гвинеда⁶⁰. Лливелину оставалось только покориться и принять требования короля, закрепленные договором в Аберконви 9 ноября 1277 г.⁶¹ Условия были чрезвычайно жесткими: Лливелин обязывался выплатить королю 50000 фунтов, его территории ограничивались теми, которые он и Овайн держали после договора в Вудстоке, Четыре Кантрефа возвращались короне, принц сохранял права на Англси, выплачивая за него 1000 марок ежегодно. Лливелин должен был явиться в Хритлан для принесения присяги, и перед этим интердикт должен был быть снят с его земель, а его брат Овайн должен был быть освобожден из тюрьмы. Лливелин сохранял титул принца Уэльского, но только пожизненно, договор содержал указание на то, что валлийские лорды, приносившие оммаж Лливелину, после смерти последнего должны приносить оммаж королю.

Таким образом, через десять лет после заключения договора в Монтгомери будущее княжества Уэльс представлялось весьма туманным. На самом деле события, приведшие к последнему договору, нельзя считать результатом недальновидной политики принца. Проблема состояла в самом договоре

1267 г.: княжество Уэльс признавалось короной, но характер взаимоотношений определялся недостаточно четко. Договор в Монтгомери подтверждал территориальные приобретения Лливелина за счет таких персон, как граф Херефорд и Роджер Мортимер, и это тоже порождало нестабильность. Правовая сторона вопроса также составляла серьезную проблему: все судебные дела, согласно договору, должны были разбираться в соответствии с валлийским правом или обычаем Марки, в зависимости от исторической принадлежности земель. У Лливелина произошел конфликт с епископами Бангора и Сент-Азафа: принц пытался распространить на них свою власть, как на прочих валлийских лордов, и оба епископа обратились к Эдуарду за защитой. Брак Лливелина с Элеонорой, представительницей опального семейства, на первый взгляд тоже кажется ошибкой, но дело в том, что к этому времени Лливелин, которому было далеко за сорок, еще не был женат и не имел детей. С одной стороны, это было странно, но с другой, — отсутствие наследника в какой-то мере обеспечивало поддержку Дэвида. Столь скоропалительный брак может быть объяснен бегством Дэвида: принц остро нуждался в наследнике. Двумя главными проблемами оставались оммаж и деньги. Отказ Лливелина от оммажа королю кажется безрассудством только на первый взгляд: его брат и наследник, а также один из крупных лордов пытались убить его, принц не мог закрыть на это глаза. Княжество нуждалось в сплоченности, и поблажки заговорщикам могли быть расценены как слабость. Король, в свою очередь, не мог мириться с отказом Лливелина: учитывая события гражданской войны, нельзя было позволить вассалу,

пусть даже именитому, уклоняться от оммажа и уплаты денег по договору. Ни король, ни принц по определенным причинам не делали попыток достижения компромисса.

После подписания договора Лливелин принес оммаж в Лондоне и в октябре 1278 г. обвенчался с Элеонорой⁶². Он все еще оставался принцем Уэльским, и возвращение к прежним условиям казалось возможным. Лливелин стал постепенно укреплять свои позиции. После 1277 г. разногласия касались в основном прав Лливелина как принца и не приводили к военным действиям.

Но выступление валлийцев все-таки началось, хотя и не в Гвинеде, и не на спорной территории, а в Четырех Кантрефах, два из которых управлялись Эдуардом, а два — Дэвидом. Именно последний и возглавил выступление валлийцев. В ночь на 21 марта 1281 г. он атаковал замок Хаварден, и восстание охватило Четыре Кантрефа⁶³. На следующий день после атаки Хавардена валлийские лорды Поуиса атаковали Озвестри, и в течение следующей недели важнейшие замки на юго-западе оказались в руках восставших⁶⁴. В предшествующей войне почти все валлийские лорды (не гвинедские) поддерживали Эдуарда, теперь все, кроме двух (Гриффита ап Гвенвинвина и Риса ап Мередида), присоединились к Принцу Уэльскому. Эти события застали Эдуарда врасплох, т.к. он полагал, что ни у Лливелина, ни у Дэвида нет поводов для недовольства, кроме того, европейская политика требовала его внимания. Но Эдуард не заставил себя долго ждать. Он и теперь воспользовался стратегией, которая принесла успех в 1276—1277 гг., используя три армии, базировавшиеся в Честере, Монтго-

мери и Кармартене, чтобы продвинуться в Сноудон. Англси вновь был осажден флотом из Пяти Портов, и командующему Люку де Тани было приказано построить понтонный мост через пролив Менай, но не пересекать его, пока армия из Честера под командованием самого короля не войдет в Сноудон. Целью была безоговорочная капитуляция Лливелина и Дэвида. Король медленно продвигался к Хритлану, подавляя валлийское сопротивление⁶⁵. Архиепископ Кентерберийский Джон Пекэм попытался выступить в качестве посредника, но его усилия оказались бесплодны. Условия мира, предлагаемые принцу Уэльскому, были абсолютно неприемлемы: Лливелину предлагалось сдать Сноудон в обмен на наследственное владение в Англии с годовым доходом в 1000 фунтов. Дэвиду было предложено отправиться в Святую землю и не возвращаться без разрешения короля⁶⁶. Ответ принца содержал гневный отказ и пояснение, что он не может отказаться от земель, которыми его предки владели со времен Брута, а народ Сноудона не может покориться иноземцу, чей язык, обычай и право не знакомы ему⁶⁷. Во время перемирия, которое было установлено для визита архиепископа, Люк де Тани попытался установить понтонный мост, но он рухнул, и отряд его людей попал в засаду⁶⁸. Лливелин, пользуясь этой победой, двинулся в центральный Уэльс, но 11 декабря 1282 г. погиб при странных обстоятельствах, которые до сих пор остаются загадкой⁶⁹. Согласно «Хронике принцев» Лливелин был убит в результате нападения Гриффита ап Гвенвинвина и Роджера Мортимера. Его голова была продемонстрирована войскам Эдуарда и выставлена на Тауэре, а тело было похоронено в Цистерианском

аббатстве Кум-хир. Жена принца Элеонора умерла при родах еще в июне 1282 г., оставив дочь Гвенлиан, которую король отправил в аббатство Семпрингэм в Линкольншире, где она и скончалась в 1337 г.⁷⁰ Так прервалась линия Лливелина Последнего. Дэвид, ставший принцем, продолжал военные действия, но смерть Лливелина практически решила исход дела. Дэвид был пленен в июне 1283 г. и в октябре казнен в Шрусбери⁷¹. Его голову выставили рядом с головой брата, дочери последовали вслед за кузиной в монастырь, а сыновья провели остаток жизни в тюрьме. Война закончилась 9 июля 1283 г. Злотая корона Лливелина и венец Артура были торжественно перенесены в Вестминстер, печати Лливелина и Дэвида были переплавлены. Часть Крета Господня (“Y Groes Naid”), главная реликвия Гвинеда была доставлена в Лондон. Уэльс был лишен символов государственности и надежды.

Война 1282—1283 гг. положила конец политической независимости Уэльса. События этой короткой войны вызывают массу споров в научных кругах. До сих пор остается невыясненной степень участия самого Лливелина в ее развязывании. Рождение дочери и смерть жены принца делали бесспорным наследником Дэвида, и Лливелину нечего было терять. По мнению современников, Дэвид начал войну с согласия брата⁷². Смерть Лливелина тоже остается загадкой: двигался ли он на юг, чтобы открыть второй фронт или попал в западную, устроенную Мортимерами, был ли связан с кем-то в Англии — не ясно. Трудно сказать, почему принц оставил основные силы своей армии на брата в тот момент, когда погиб. Роль, которую играл Дэвид в этот период нельзя оценить

однозначно. Его измены явно свидетельствуют не только о личных амбициях, но и о несогласии с политикой брата: вполне возможно, что он не разделял стремления Лливелина распространить свою власть за пределы Исконного Уэльса (ибо территориальные приобретения за счет лордов Марки действительно не могли добавить стабильности).

Завоевание Уэльса обусловлено целым рядом причин. Первой являлся сам договор 1267 г.: положение принца как независимого правителя и одновременно вассала английского короля стало залогом будущих конфликтов: договор не вносил ясности в вопрос, считался ли валлийский принц независимым правителем или держателем. Второй причиной являются внутренние проблемы княжества. Это государственное образование не имело унифицированной административной системы, действующее законодательство сильно устарело, а попытки его изменения встречали сопротивление. Жесткая политика принца в Уэльсе, направленная на удержание княжества в единстве, привела к недовольству валлийских лордов. Кроме прочего, вопрос наследования власти оставался открытым на протяжении всего правления Лливелина.

По мнению К.Р. Кобриня: «Английская корона в течение двухсот лет не могла завоевать Исконный Уэльс, в частности потому, что не была в состоянии надежно контролировать территорию, на которой ситуация постоянно менялась, будучи зависимой от изменений баланса сил множества политических субъектов. Как только этот баланс начинал определяться одним местным центром власти, стало возможным полное завоевание Исконного Уэльса — достаточно

было нанести удар по этому правителю»⁷³. При этом, английские короли всегда пытались препятствовать объединению Уэльса, настаивая на оммаже каждого из валлийских лордов и требуя неукоснительного соблюдения валлийского закона при разделе княжества между наследниками.

Валлийцы были согласны признать власть английского короля, сохранив свои право и обычай. Эдуард же отстаивал абсолютное верховенство короны. Уэльс, будучи слабым государственным образованием, не имевшим серьезной поддержки извне, едва ли мог устоять перед английским натиском. Потеря континентальных владений английских королей неизбежно должна была привести к переносу центра тяжести на Британию и Ирландию. Завоевание Уэльса стало неизбежным этапом расширения власти английской короны на Британских островах.

Примечания

- ¹ По другой версии — Лливелин аб Йорверт (аб в имени указывает на незаконнорожденность).
- ² Lliywelyn ap Iorwert to Pope Innocent III // *The Acts of Welsh Rulers 1120—1283* / Ed. by H. Pryce. Cardiff, 2005. P. 369.
- ³ Lliywelyn ap Iorwert: Agreement with representatives of King John // *The Acts of Welsh Rulers 1120—1283*. P. 371.
- ⁴ Joan, Lady of Wales to Pope Honorius III // *The Acts of Welsh Rulers 1120—1283*. P. 446.
- ⁵ Brut. P. 85.
- ⁶ Гриффит аб Лливелин был возвращен, вместе с другими заложниками согласно «Великой хартии вольностей».
- ⁷ Lliywelyn ap Iorwert to King John 12 August 1211 // *The Acts of Welsh Rulers 1120—1283*. P. 387.

- ⁸ Joan, Lady of Wales to King John // *The Acts of Welsh Rulers 1120—1283*. P. 445.
- ⁹ Brut. P. 86.
- ¹⁰ Ibid. P. 87.
- ¹¹ Ibid. P. 88.
- ¹² Ibid. P. 92.
- ¹³ Llywelyn ap Iorwert: Agreement with Ranulf III, earl of Chester // *The Acts of Welsh Rulers 1120—1283*. P. 413.
- ¹⁴ Llywelyn ap Iorwert to Eva de Braose // *The Acts of Welsh Rulers 1120—1283*. P. 428.
- ¹⁵ Brut. P. 101.
- ¹⁶ Brut. P. 96.
- ¹⁷ Llywelyn ap Iorwert: Letter patent concerning Carmarthen and Cardigan castles // *The Acts of Welsh Rulers 1120—1283*. P. 399.
- ¹⁸ Brut. P. 102.
- ¹⁹ *The Acts of Welsh Rulers 1120—1283*. P. 422.
- ²⁰ *The Law of Hywel Dda* / Transl. and ed. by D. Jenkins. Llandysul, Ceredigion, 2000. P. 131.
- ²¹ Pope Honorius III to Llywelyn ap Iorwert // *The Acts of Welsh Rulers 1120—1283*. P. 415.
- ²² Senana, wife of Gruffud ap Llywelyn: Agreement with Henry III // *The Acts of Welsh Rulers 1120—1283*. P. 452.
- ²³ Llywelyn ap Iorwert: Agreement with Henry III // *The Acts of Welsh Rulers 1120—1283*. P. 434—444.
- ²⁴ Brut. P. 104.
- ²⁵ Ibid.
- ²⁶ Ibid. P.105.
- ²⁷ Ibid.
- ²⁸ Dafydd ap Llywelyn: Agreement with Henry III // *The Acts of Welsh Rulers 1120—1283*. P. 458.
- ²⁹ Кантреф — валлийская административная единица.
- ³⁰ Dafydd ap Llywelyn: Letter patent concerning Henry III // *The Acts of Welsh Rulers 1120—1283*. P. 466.
- ³¹ Dafydd ap Llywelyn: Letter patent concerning Henry III // *The Acts of Welsh Rulers 1120—1283*. P. 477.
- ³² Brut. P. 106.
- ³³ Dafydd ap Llywelyn to Pope Innocent IV // *The Acts of Welsh Rulers 1120—1283*. P. 478.
- ³⁴ Brut. P. 107.
- ³⁵ Ibid.
- ³⁶ Owain ap Gruffudd: Letter patent concerning Henry III // *The Acts of Welsh Rulers 1120—1283*. P. 482.

- ³⁷ Agreement between the king and Owain and Llywelyn sons Gruffud // The Acts of Welsh Rulers 1120—1283. P. 483.
- ³⁸ Brut. P. 110.
- ³⁹ Ibid.
- ⁴⁰ Brut. P. 110.
- ⁴¹ Ibid. P. 111.
- ⁴² Carr A.D. The Last and Weakest of His Line: Dafydd ap Gruffydd, The Last Prince of Wales // The Welsh History Review. 1999. Vol. 19. № 3. P. 379.
- ⁴³ Ibid.
- ⁴⁴ Agreement between Walter Comyn, earl of Menteith and other Scottish lords and Llywelyn ap Gruffud, prince of Wales and other Welsh lords // The Acts of Welsh Rulers 1120—1283. P. 499.
- ⁴⁵ Truce with Henry III and the Lord Edward // The Acts of Welsh Rulers 1120—1283. P. 503.
- ⁴⁶ Truce with Henry III and the Lord Edward // The Acts of Welsh Rulers 1120—1283. P. 509.
- ⁴⁷ Agreement with Gruffudd ap Gwewywyn // The Acts of Welsh Rulers 1120—1283. P. 529.
- ⁴⁸ Brut. P.113.
- ⁴⁹ Ibid. P.114.
- ⁵⁰ Letter patent concerning an agreement with Henry III // The Acts of Welsh Rulers 1120—1283. P. 534.
- ⁵¹ Brut. P. 115; The Treaty of Montgomery // The Acts of Welsh Rulers 1120—1283. P. 538.
- ⁵² The Treaty of Montgomery // The Acts of Welsh Rulers 1120—1283. P. 540.
- ⁵³ Ibid.
- ⁵⁴ Brut. P. 115.
- ⁵⁵ Llywelyn ap Gruffud to Edward I // The Acts of Welsh Rulers 1120—1283. P. 557.
- ⁵⁶ Brut. P.117; Llywelyn ap Gruffud to Edward I // The Acts of Welsh Rulers 1120—1283. P. 563.
- ⁵⁷ Ibid.
- ⁵⁸ Ibid.
- ⁵⁹ Ibid. P.118.
- ⁶⁰ Ibid
- ⁶¹ Ibid. P.119; Letter patent ratifying the Treaty of Aberconwy // The Acts of Welsh Rulers 1120—1283. P. 591.
- ⁶² Brut. P. 119.
- ⁶³ Ibid. P. 120.
- ⁶⁴ Carr A.D. Medieval Wales. L.,1995. P. 78.

- ⁶⁵ Brut. P. 120.
- ⁶⁶ Daffyd ap Gruffud to Archbishop Pecham // The Acts of Welsh Rulers 1120—1283. P. 653.
- ⁶⁷ The reply of the Welsh to Archbishop Pecham // The Acts of Welsh Rulers 1120—1283. P. 627.
- ⁶⁸ Brut. P. 120.
- ⁶⁹ Ibid.
- ⁷⁰ Carr A.D. Medieval Wales. P. 79.
- ⁷¹ Brut. P.121.
- ⁷² Carr A.D. The Last and Weakest of His Line. P. 397.
- ⁷³ Кобрин К.Р. Указ. Соч. С. 110.

§ 3

Битва драконов: развитие валлийской политической мифологии в XII – XIII вв.

Одной из главных тем валлийской литературной традиции как поэтической, так и прозаической является противостояние Уэльса Англии. Эта традиция, берущая начало в VI в., на протяжении столетий подвергалась серьезным изменениям, сохраняя, тем не менее, основной стержень, каковым является вера в непреходящую победу бриттов, обретение ими свободы и торжество справедливости. Валлийцы считали себя потомками и наследниками древнего и славного народа, который был полноправным хозяином Британии. Они были лишены прав «варварами-саксами», но не утратили надежды на возвращение былого могущества. Бриттский триумф был связан с возвращением великих героев Кинана или Кадваладра, Овайна или Артура. Возвращение героя должны были предвещать страшные катаклизмы, несчастья, битвы и кровопролитие. В конечном итоге все это увенчалось бы победой валлийцев, поддержанных союзниками из Ирландии, Шотландии и Бретани. Такой миф позволял сделать прошлое понятным, а будущее значительным, поэтому его привлекательность сложно

переоценить. В условиях постоянного страха перед потерей национальной индивидуальности, утратой социальных и культурных ценностей развитие подобного мифа было явлением закономерным.

С этим связана особая популярность жанра пророчеств в валлийской литературе. По общему признанию, ни одна из дошедших до нас валлийских пророческих поэм не датируется ранее IX в. И даже тогда они приписываются Талиесину или Мэртину. Оба поэта являются историческими личностями. Из творчества Мэртина до нас не дошло ничего. Талиесин был придворным поэтом короля Регеда Уриена и считается одним из крупнейших бриттских бардов наряду с Анейрином. Среди прочих работ, принадлежащих его перу, до нас дошли панегирики и элегии, посвященные Овайну, принцу Регеда, который в валлийской легендарной традиции связывается с королем Артуром.

Традиция приписывать поэту роль пророка восходит к кельтским друидам, барды на протяжении всего средневековья составляли особый класс: закон Хауэла Доброго даже предусматривает при дворе должность главного барда¹. Патронируемые правителями, барды выполняли роль историков, генеалогов и пророков. Их обязанностью было сочинение панегириков в честь патронов и песен, воздающих хвалу Богу и святым. Бард обязан был присутствовать при дележе военной добычи, исполняя «Свободу Британии». Валлийская придворная поэзия сохраняла архаичные традиции, восходящие к мабиноги и триадам. Этим объясняется обязательное упоминание имен героев (или их анималистических символов), определенных топонимов, псевдоисторических событий. Поэты были носителями политической идеологии, в центре

которой стояла гордость за свое прошлое. Особенно подчеркивались два аспекта этого мифического прошлого. Во первых, память о «Старом Севере» (“Yr Hen Ogledd” — королевства северной Британии V—VII вв.). Генеалогии основных валлийских династий велись именно от принцев Севера. Там же родились прототипы таких валлийских легендарных героев, как Овайн аб Уриен, принц Регеда. Второй точкой опоры валлийского исторического сознания была память о Римском прошлом, связанная с легендой о Максене Вледиге² (Magnus Maximus, ум. 388 г.). Мифологизированное прошлое было для валлийцев предметом гордости, передававшейся из поколения в поколение. Но к гордости за прошлое примешивалось чувство потери и стыда за утрату могущества. Это чувство рождало горечь и негодование, а глубоко укоренившаяся ненависть к саксам укрепляла надежду на освобождение. Валлийцы никогда не отказывались от видения единой Британии с центром в Лондоне, вновь возвращенной под их контроль. Это видение оставалось главной аксиомой исторической мифологии на протяжении всего средневековья.

Первое из сохранившихся валлийских пророчеств о победе валлийцев содержится в “Historia Brittonum”, приписываемой Неннию и датируемой IX в.: юный пророк по имени Амброзий разъясняет королю бриттов Гвортиргерну суть увиденного ими знамения: борьбы белого и красного драконов, предрекая победу белому³. Белый и красный драконы будут символами Англии и Уэльса (соответственно) в валлийской литературе на протяжении веков. Пророчество о битве драконов использовано Гальфридом Монмутским в «Истории Бриттов». Но он назвал мальчика-проро-

ка Мерлином (Мэртином, по-валлийски “Myrddyn”), приписав пророчество придворному барду короля Артура: «Горе дракону красному, ибо близится его унижение. Пещеру его займет белый дракон, который олицетворяет призванных тобой саксов, тогда как красный — исконное племя бриттов, каковое будет утеснено белым драконом»⁴. Далее в «Истории» следуют пророчества Мерлина, темные и неопределенные, некоторые из них соотносятся с событиями, о которых Гальфрид повествует в последующих главах, другие выходят за хронологические рамки повествования: «Горы Британии сровняются с ее долами, и реки в долах её станут струиться кровью. Почитание истинной веры иссякнет, и взорам предстанут развалины господних церквей. И всё же вера, гонимая и утесняемая, в конце концов, возьмет верх и устоит перед свирепостью иноземцев. Придет на подмогу вепрь из Корнубии⁵ и своими копытцами растопчет их выи. Господству его попадут на океане лежащие острова, и он овладеет Галльскими лесами и рощами. Вострепещет дом Ромулов пред его свирепостью, и будущее римской державы станет сомнительным»⁶.

Главные пророческие темы, активно развиваемые валлийскими бардами, содержатся в известной поэме “Armes Prydein” («Пророчества Британии»), которую большинство исследователей датируют первой четвертью X в⁷. Здесь впервые говорится об объединении кельтского мира как об обязательном условии победы над варварами:

“A chymot Kymry a gwyr Dulyn.
Gwydyl Iwerdon Mon a Phrydyn.
Cornyw a Chludwys eu kynnwys genhyn”⁸.

Заметим, что в ранних пророчествах освобождение не связывается с фигурой Артура.

Пророчество об объединении всех кельтов используется и в «Истории бриттов» Гальфрида: «Кадвалдр призовет Конана и примет в союз Альбанию. Тогда произойдет избиение чужеземцев, тогда реки потекут кровью, тогда в Арморике наружу вырвутся родники и будут увенчаны короною Брута. Камбрия преисполнится радости, и зазеленеют дубы Корнубии. Остров будет наречен именем Брута и изникнет название, данное ему чужеземцами»⁹.

Пророчества сохраняли свою привлекательность вплоть до конца XV века, однако живучесть этой традиции не является результатом застойности и негибкости бардов и их патронов, а лишь свидетельствует о существовании необходимого обществу мифа. Ранние поэмы, в том числе «Пророчества Британии», отражают политические и военные проблемы валлийцев в англо-саксонскую эпоху. Поэзия и легенды XII—XIII вв. отражают нужды общества и политику принцев в бурное время после нормандского завоевания. Важную роль в укреплении этой традиции сыграла «История Бриттов» Гальфрида Монмутского. В Уэльсе «История» пользовалась огромной популярностью, о чем свидетельствует большое количество валлийских переводов. В качестве пролога к одной из версий «Истории» приводится поэма, написанная, возможно, Мадогом Эдойрнионом. Автор поэмы торжествует по поводу подвигов бриттов, а сама «История» представлена как книга, из которой валлийцы могут узнать о себе, ибо валлийцы — это гордый народ, отличающийся этим от других народов Европы¹⁰. И именно «История бриттов» стала стержневым произведением в валлийской политической мифологии.

Консерватизм является характерной чертой валлийской литературной традиции. Образцы произведений, как поэтических, так и прозаических, сложились еще в VI в. и продолжали существовать до XIV. И форма, и содержание валлийских литературных произведений отвечают канонам, сложившимся в раннее средневековье. Образцом для подражания на протяжении веков служили поэтические произведения Талиесина. Ряд поэм, приписываемых ему, посвящен Овайну аб Уриену, принцу Регеда, который связан с королем Артуром и его двором в «Мабиногион» (ему посвящена мабиноги «Овайн и хозяйка Фонтана»). Поэма “Argoed Llwyfain” рассказывает о победе Овайна над англичанами. Поэт воспеваает Овайна и доблесть его «воронов»¹¹. Воронами традиционно именовалась дружина Овайна аб Уриена, но позже это название стало переноситься на валлийских воинов в целом. Талиесину же приписывается и песнь на смерть Овайна аб Уриена. Панегирики и элегии стали господствующими формами в валлийской поэзии.

XII в. стал периодом национального подъема в Уэльсе. Легенды и поэтические произведения этого периода отражают политику и амбиции сильнейших валлийских принцев. Тогда поэты воспевали деяния Мадоба ап Мередита, принца Поуиса, Овайна ап Гриффита ап Кинана, принца Гвинедда и Лорда Риса Дехейбартского.

Героем целого ряда поэм этого периода являлся Овайн Гвинедский. Как всякий могущественный сеньор, Овайн покровительствовал многочисленным поэтам, которые составляли неотъемлемую часть его двора. При дворе Гвинедского принца творили Кэнтэлой Маур и Гвальхмай. Замечательно, что старший сын первого «принца Уэльского» Хауэл аб Овайн тоже был поэтом.

Кэнтэлой (1155—1200 гг.) признается поэтами двух последующих столетий лучшим мастером панегириков. В начале карьеры Кэнтэлой участвовал в бардовских соревнованиях, и его оппонент Сейсил Брыфффорх назвал его Великим (видимо, с этого времени он и стал называться Маур). Кэнтэлой был главным поэтом при дворе Мадога ап Мередита Поуисского, после смерти которого стал воспевать Гвинедских принцев и членов династии Дехейбарта. Большая часть его работ находится в Красной книге Хергеста и Черной книге Кармартена¹².

Кэнтэлой Маур посвятил Овайну Гвинедскому хвалебную песнь:

«Я воспеваю своего патрона, мужественного в битве

...

Я восхваляю достойнейшего Овайна.

В битве против англов в землях Тегейнгла.

Кровь лилась потоком.

...

В битве с Драконом Востока

Благородный Западный Дракон был лучшим.

...

Как при Бадоне звучал гордый боевой клич...

Я видел схватку и ужасное смятение,

...

Я видел скорбные трупы саксов.

Битва выиграна, принцем сынов отечества»¹³

Этот панегирик был написан, видимо, до кампании 1165 г., о чем свидетельствует упоминание реальных событий, имевших место в правление Овайна, в том числе захвата Тегейнгла. Замечательно, что поэт наро-

чито преувеличивает значение битвы за Тегейнгл и ее последствия, сравнивая ее с битвой при Бадоне, самой значительной из побед Артура, произошедшей в 516 г. Страшные катастрофы и кровопролитие, согласно пророчествам, должны были предвещать победу бриттов. Поэт, по традиции, воспеваешь доблесть Овайна и его мудрость. Битва, описываемая здесь, уподобляется битве Драконов: Восточный Дракон символизирует Генриха II Плантагенета, а Западный — Овайна Гвинедского. Победа традиционно на стороне благородного Западного Дракона. Кроме того, в песне упоминаются вороны Овайна, традиционно сопровождавшие в легендах принца Регеда. Возможно, что определенную роль сыграло само имя «Овайн», часто появлявшееся в пророчествах и легендах. Подобные упоминания традиционны для валлийской поэзии, которая никогда не теряла связи с бриттской мифологией. Примечательно, что все сыновья гвинедского правителя Гриффита ап Кинана носили имена легендарных валлийских героев (Овайн, Кадваладр, Кадваллон).

Перу поэта Гвальхмая (1130—1180) принадлежит панегирик «Триумф Овайна»:

«Восхвалению Овайна посвящена моя песнь,
Овайна быстрого, Овайна смелого,
Прекраснейшего цветка на ветви Родри¹⁴,
Щиту Гвинеда, драгоценности Британии.

...

Там вдалеке нормандские суда
Подняли паруса и вступили в бой...

...

Бесстрашно на родном берегу
Стоит сын Дракона...»¹⁵

Эта поэма, судя по всему, описывает кампанию 1165 г. против Генриха II. И Овайн здесь именуется сыном Дракона, а значит носителем миссии освободителя Уэльса.

Все произведения, посвященные Овайну Гвинедскому, представляют собой образец традиционного для средневековья литературного патронажа: Овайн восхваляется поэтами, не только как бесстрашный воин и мудрый правитель, но и как щедрый патрон.

Сын Овайна Гвинедского Хауэлл (видимо, от раннего брака) был известным поэтом. В своем «Ликовании» он прославляет валлийскую свободу:

«Я люблю то, что ненавидят англичане,
Свободную землю Севера...»¹⁶

Эта поэма, вероятно, относится к тому времени, когда Гвинед становится доминирующим княжеством в Уэльсе, а его принц возглавляет антианглийскую коалицию.

Заслуги, доблесть и благородство правителя Поуиса Мадога ап Мередита были также воспеты Кэнтлоем Мауром. Одним из лучших произведений, посвященных Мадогу, является элегия на его смерть¹⁷.

«С тех пор как Мадог умер...
Весь мир, который известен мне —
В печали...
Если бы он был жив,
Люди Гвинеда не расположились бы
В самом сердце Поуиса ...»

Это произведение видимо было написано после 1160 г., так как, кроме Мадога, поэт оплакивает и его сына Лливелина, убитого вскоре после смерти отца.

Кэнтэлой со смертью Мадога связывает триумф Гвинедской династии, в качестве главного врага выступают люди Гвинеда, а не англичане. Это объясняется долгим противостоянием Мадога ап Мередита и Овайна Гвинедского, в ходе которого Мадог выступал на стороне английского короля. Здесь может быть установлена прямая связь с мабиноги «Видение Ронабви», одной из тем которой является борьба Гвинеда и Поуиса.

Лорд Рис Дехейбартский после смерти Мадога ап Мередита и Овайна Гвинедского стал доминирующей фигурой в Уэльсе. Кэнтэлой Великий был и его придворным поэтом. В «Просьбе о примирении» поэт называет Лорда Юга покровителем искусств и храбрым воином, которому «короли не могут противостоят»¹⁸. Рис именуется «дерзким львом», а его воины «бриттскими соколами»¹⁹. Эти традиционные сравнения подчеркивают связь с древней мифологией (сокол — “Gwalh”, и лев — “Llew” в пророчествах всегда символизируют героев). Самым интересным произведением из всех посвященных Лорду Рису является написанная на латыни анонимная элегия «На смерть Лорда Риса», включаемая в состав «Хроники принцев»²⁰:

«Пал венец знатного валлийца,
Это Рис умер, вся Камбрия стонет.

...

Риса нет, враг здесь, потому что нет Риса.
Уже никто не поможет тебе, Камбрия, Риса нет.
Рис умер, люди плачут, торжествуют враги.
Англия стоит, пала Камбрия, Рис умер.

Камбр, Локрин и Альбанакт
Риса были ниже именем и доблестью.
Цезарю и Артуру Рис был подобен...»²¹

В данной элегии неизвестный поэт обращается к сюжету о разделе Британии после смерти легендарного бриттского вождя Брута, разработанному Гальфридом Монмутским в «Истории Бриттов». Со смертью Риса, уподобляемого Артуру, по мнению поэта, утрачена надежда на объединение бриттов.

Бриттская надежда в поэзии этого периода всегда ассоциируется с какой-то фигурой, реально существовавшей в прошлом. В элегиях всегда оплакивается не столько сам факт смерти лидера, сколько несбывшиеся надежды. Смерть патрона является несчастьем, но еще большим несчастьем является крах надежд. Ни один из валлийских правителей XII в. не стал воплощением «бриттской надежды», что во многом объясняется «обычностью» их смертей, не ознаменованной какими-либо чудесами. Пророчества этого периода, приписываемые, по традиции Талиесину или Мэртину (обычный для валлийской литературной традиции прием, позволяющий придать тексту значимость) сложны для толкования и прямо не связаны ни с одним из лидеров.

В «Черной Книге Кармартена», датируемой концом XII—первой четвертью XIII в. содержится анонимная поэма о могилах валлийских героев²², в которой перечислены имена многочисленных героев, связанных традицией с Артуром (большинство из них — герои «Мабиногион»): Дилан сын Тона, Овайн аб Уриен, Гвальхмай, Придери и другие. Поэма заканчивается словами: «Где могила Артура — загадка

для мира»²³. Без сомнения, эта поэма содержит пласт раннего материала, но записана она была в начале XIII в., то есть тогда, когда место погребения Артура якобы перестало быть загадкой. В конце XII в. по приказу английского короля Генриха II Плантагенета в Гластонбери были проведены раскопки и обнаружена могила легендарного предводителя бриттов. Эти раскопки были подробно описаны Гиральдом Камбийским в “*De principis instructione*”²⁴. Казалось, эксгумация останков легендарного короля должна была похоронить «бриттскую надежду», но это событие, очевидно, не имело большого значения для валлийцев, ибо Артур навсегда остался бессмертным героем, ожидающим своего часа.

«Книга Талиесина» (“*Canu Taliesin*”), записанная в последней четверти XIII в., содержит богатейший материал. Поэтические произведения, включенные в нее (а их более шестидесяти), условно можно разделить на три группы: 1) стихи, посвященные разным лицам, в числе которых мифические герои (Геркулес, Дилан и прочие) и реальные исторические личности (Уриен, король Регеда, Кинан); 2) мифологические и религиозные поэмы, сложные для понимания из-за многочисленных ссылок на детали неизвестных валлийских легенд (видимо, существовавших только в устной традиции); 3) стихотворные строфы, связанные впоследствии с «Историей Талиесина».

По мнению ряда валлийских ученых, часть поэтических произведений «Книги Талиесина», действительно, относится к VI в. и может принадлежать перу придворного барда короля Регеда, однако, исторический Талиесин не имеет ничего общего с Талиесином «Истории». «История Талиесина» не являет-

ся целостным памятником, поэтому название этого произведения условно. «История Талиесина» была скомпонована леди Шарлоттой Гест из фольклорного прозаического сюжета о приключениях юноши Гвиона Баха, познавшего истину и ставшего Талиесином (впервые встречается в сочинении Элиса Гриффита XVI в.) и поэтических произведениях из «Книги Талиесина». Леди Шарлотта включила «Историю Талиесина» в первый английский перевод «Мабиногион». Сам сюжет «Истории Талиесина» сложился, судя по всему, в XIII в.: он имеет целый ряд совпадений с сюжетами «Мабиногион». Основой пророческо-мифологической части этого произведения является, видимо «Armeis Prydein»:

«...Рабами станут бритты
У саксов жесткосердных.
Оберегая веру
И древние сказанья,
Страну свою утратят,
Лишь Сутгу²⁵ сохранивши.
Но минет скоро время
Покорности и рабства,
Когда терпенья чашу
Обиды переполнят.
Тогда вернуться к бриттам
Их земли и корона,
А злые чужеземцы
Рассеются бесследно.
И ангелов реченья
О судьбах мирозданья
Доподлинно свершатся
В Бриттском королевстве»²⁶.

Загадочные, сложные для толкования пророчества этого периода обычно приписываются Ата Фрасу и Горною Ти. Хотя точно определить авторство не представляется возможным. Пророчества поддерживали надежду на реванш и возрождение. Но в XIII в. тема сопротивления и защиты своих земель в легендарной традиции занимает несомненно большее место, чем пророческая.

Придворные барды этого периода создавали произведения, отражавшие политику принцев и их цели. Вплоть до завоевания Уэльса Эдуардом I, существовала реальная политическая сила, позволявшая надеяться на разрешение спора двух драконов. Придворным поэтом Лливелина ап Йорверта был Дэвид Бенфрас (1230—1260)²⁷. После смерти Лливелина он воспевал Гриффита ап Лливелина и Дэвида ап Лливелина, а затем стал главным бардом при дворе Лливелина Последнего. Панегирики, посвященные Лливелину ап Йорверту, вполне традиционны и не выходят за рамки сложившейся системы. Дэвид Бенфрас видел в Лливелине ап Йорверте сбывшееся древнее пророчество о торжестве бриттов²⁸.

Замечательно, что Лливелин ап Йорверт стал героем народных легенд, сформировавшихся в устной традиции²⁹. В этих легендах Лливелин представлен не в образе бесстрашного воина, сражающегося с саксами, главными чертами принца являются мудрость, хитрость и набожность. В одной из легенд описывается прием, оказанный валлийскому принцу при дворе его тестя — английского короля Иоанна. Лливелин, будучи «лишь бедным валлийским принцем», был унижен при дворе короля, но сумел удивить всех чудесами, которыми так богата его родина. Сам Лли-

велин не был наделен никакими сверхъестественными способностями, но ему оказал помощь рыжеволосый колдун (фигура чрезвычайно популярная в валлийском фольклоре и не раз встречающаяся в «Мабиногион»), доказавший свое превосходство над королевским магом. Легенда по содержанию напоминает историю Талиесина, ибо последний, благодаря своим познаниям, помог королю Элфину.

Дэвид Бенфрас в одном из поэтических обращений к Дэвиду ап Лливелину прославляет Уэльс, ибо там «валлийская речь льется свободно»³⁰. Поэт прославлял победы Лливелина ап Гриффита, одержанные в его войне с братом Овайном и англичанами. Экспедиции принца в Кередигион, Давед и Гламорган представлены автором как огромные достижения принца³¹. Поэтов более всего интересовали военные победы патронов, а не их дипломатические достижения, ибо только кровопролитные сражения и страшные несчастья, согласно пророчествам, могли предшествовать освобождению Уэльса: «И я предрекаю битву “Coed Llwyfain”, и красные похоронные дроги последуют за атакой Овайна» (пророчество из «Книги Талиесина») ³².

Празднование побед Лливелина ап Гриффита сменилось оплакиванием несчастий, обрушившихся на Уэльс. Никогда еще элегии не были столь трагичны. Война 1282—1283 гг., потеря политической независимости, угасание древней гвинедской династии привели к ряду серьезных перемен в сознании валлийцев. В элегиях, посвященных Лливелину Последнему, главной является тема обреченности. Лучшей из многочисленных элегий признается написанная Гриффитом аб Эр Эйнад Гохом³³:

«Сердце похолодело от ужаса, оплакивая
Принца, надежную защиту Абберфрау.

...

Страна опустошена,
Слышен стон, как при Камлане³⁴.

...

К чему мне голова, если он обезглавлен,
Голова поверженного знаменует поражение,

...

Голова принца, голова дракона,
Голова могущественного Лливелина, грозы мира...»

Смерть Лливелина была воспринята как страшная трагедия. Хотя Лливелин Последний и не был особенно любим валлийскими лордами (его режим был чрезвычайно обременителен для них), все они, за исключением Риса ап Мередита, были на его стороне в последней войне. Его поражение сравнивается с роковым поражением Артура при Камлане, утрата короны Лливелина отождествляется с потерей короны Артура, а значит с утратой надежды. Элегия описывает знамена, предшествовавшие трагедии, и страдания, обрушившиеся на земли, оставшиеся без защиты принца. Лливелин, однако, не мог войти в пантеон традиционных валлийских героев, его смерть была бесспорной: голова Лливелина — голова валлийского красного дракона, поверженного в смертельной схватке и помещенная на Тауэр, была доказательством краха надежд. Последний правитель независимого Уэльса Дэвид ап Гриффит был обезглавлен в Шрусбери в 1283 г. Перед казнью его короновали венком из плюща, в насмешку над валлийскими пророчествами о торжестве бриттов. Не сохранилось ни

одной поэмы, посвященной Дэвиду при жизни, но последний придворный поэт гвинедских принцев Блэтэн Фард составил две элегии на его смерть³⁵.

Весьма интересно, что идея единства, к которой столь часто обращаются барды и пророчества, в полной мере была реализована только в правовой сфере. Политически раздробленный Уэльс в правовом отношении всегда выглядел весьма монолитно.

Примечания

- ¹ The Law of Hywel Dda. P. 20.
- ² Ему посвящена мабиноги «Видение Максена Вледига».
- ³ Ненний. История бриттов / Пер. с лат. А.С. Бобовича // Гальфрид Монмутский. История бриттов. Жизнь Мерлина. М., 1984. С. 183.
- ⁴ Гальфрид Монмутский. История бриттов. Жизнь Мерлина / Пер. с лат. А.С. Бобовича М., 1984. С. 75.
- ⁵ Вепрем из Корнубии Гальфрид называет Артура.
- ⁶ Гальфрид Монмутский. Указ. соч. С. 75.
- ⁷ Пророческая поэма могла быть написана в правление Хауэла Доброго.
- ⁸ Armes Prydein Vawr. Llyfr Taliesin VI (<http://www.maryjones.us/texts/t06w.html>)
- ⁹ Гальфрид Монмутский. Указ. соч. С. 77.
- ¹⁰ Smith J.B. The Sense of History in Medieval Wales. Aberystwyth, 1994. P. 5.
- ¹¹ The Oxford Book of Welsh Verse in English, Chosen by Gwyn Jones. Oxford, 1977. P. 3.
- ¹² The Dictionary of Welsh Biography Down to 1940. L., 1959. P. 90.
- ¹³ The Oxford Book of Welsh Verse in English. P. 26.
- ¹⁴ Родри Маур (Rhodri Mawr) — Великий (844—878) является родоначальником династий Гвинеда, Дехейбарта и Поуиса.
- ¹⁵ Presenting Welsh Poetry. An Antology of Welsh Verse in Translation and of English Verse by Welsh Poets / Ed. by Gwyn Williams. L., 1959. P. 25.

- ¹⁶ The Oxford Book of Welsh Verse in English. P. 21.
- ¹⁷ A Book of Wales / Ed. by D.M. and E.M. Lloyd. London—Glasgow, 1971. P. 117.
- ¹⁸ The Oxford Book of Welsh Verse in English. P. 24.
- ¹⁹ Ibid. P. 25.
- ²⁰ Brut. P. 77.
- ²¹ Ibid. P. 78.
- ²² The Oxford Book of Welsh Verse in English. P.14.
- ²³ Ibid.
- ²⁴ Кобрин К.Р. Средние века: очерки о границах, идентичности и рефлексии. М.;СПб., 2016. С. 25—26.
- ²⁵ Уэльс (этноним сумгу получил распространение в VII в.).
- ²⁶ Мабиногион. Волшебные легенды Уэльса. С. 176.
- ²⁷ The Dictionary of Welsh Biography Down to 1940. L., 1959. P. 99.
- ²⁸ Carr A. Owen of Wales. The End of House of Gwynedd. Cardiff, 1991. P. 89.
- ²⁹ Sheppard-Jones E. Welsh Legendary Tales. Edinburgh, 1959. P. 137.
- ³⁰ The Oxford Book of Welsh Verse in English. P. 30.
- ³¹ The Dictionary of Welsh Biography Down to 1940. P. 99.
- ³² Evans. R.W. Prophetic Poetry // Guide to Welsh Literature 1282 — с. 1550. Cardiff, 1997. P. 259.
- ³³ The Oxford Book of Welsh Verse in English. P. 33.
- ³⁴ Последнее сражение Артура (точное место не известно), после которого он, согласно Гальфриду, удалился на остров Аваллон.
- ³⁵ Carr A.D. The Last and Weakest of His Line: Dafydd ap Gruffydd, The Last Prince Of Wales // The Welsh History Review. 1999. Vol. 19. № 3. P. 399.

§ 4

Особое право особой страны: Закон Хауэла Доброго

Тексты, относящиеся к национальному праву Уэльса, известному как Закон Хауэла Доброго (по-валлийски — “Cyfraith Hywel”, по-латыни — “Leges Hoeli”), являются предметом оживленных дискуссий как в исторической, так и в юридической науке. Довольно солидный корпус правовых текстов, состоящий из сорока манускриптов, открывает уникальную возможность рассмотреть богатую правовую традицию, сохранявшую значение вплоть до XV в.

Традиция приписывает создание закона валлийскому королю Хауэлу Доброму. Закон Хауэла оставался действующим источником права в Уэльсе до введения Эдуардом I в 1284 г. Хритланского статута. После английского завоевания в Уэльсе было введено английское уголовное право, а вещное, обязательственное и наследственное (с некоторыми изъятиями) — остались валлийскими. Окончательная отмена закона Хауэла произошла только в 1536 г. с принятием Act of Union.

«Хроника принцев» упоминает Хауэла Доброго лишь дважды: в 920 г. по поводу его паломничества в Рим и в 949 г. по поводу его смерти¹. Следует заметить, что Хроника именует Хауэла «главой и честью всех бриттов». Анналы Камбрии содержат ту же информацию, но путешествие в Рим отмечено 928 г., а смерть — 950 г.² Более вероятной датой смерти явля-

ется 950 г., ибо имя Хауэла включено в список свидетелей в хартии короля Эдрета, датированной 950 г.³

Заметим, что правителем всего Уэльса Хауэла считать, разумеется, нельзя, ибо до середины XIII в. Уэльс вообще не характеризовался сколько-нибудь заметным политическим единством.

Хауэл получил власть над Даведом после смерти тестя Лливарха ап Хифайда в 904 г.⁴, а в последствии, после смерти его отца Каделла ап Родри в 909 г., брата Клидога в 920 г. и кузенов Идвала и Элисета в 942 г.⁵ увеличил территорию своих владений вдвое за счет присоединения Гвинета. Смерть самого Хауэла неминуемо должна была привести к распаду королевства, ибо подобные государственные образования, не отличались устойчивостью.

Исследователи отмечают относительное «спокойствие» правления Хауэла, характеризующееся отсутствием антианглийских кампаний. Он приносил оммаж английским королям и был принят при их дворах, имел право чеканить монету. В хартии короля Эдрета 949 г. он упоминается как «Howael rex»⁶. Паломничество Хауэла Доброго в Рим принято связывать с подражанием королю Альфреду (871—899)⁷. Не исключено, что именно законодательная деятельность этого короля могла стать побудительной причиной создания валлийского свода законов. Следует отметить, что «проанглийская» политика Хауэла, «подражание» королям Уэссекса Альфреду и Ательстану не нашли никакого отражения в Законе. Хауэл остался единственным из всех валлийских правителей раннего средневековья, именуемым хронистами Добрым.

Согласно предисловию к валлийскому закону, Хауэл созывал собрание представителей от всех его владе-

ний в Уайтлэнде: «Хауэл, сын Каделла, правитель всего Уэльса, видя злоупотребления законом, созвал по шесть мужчин от каждого кантрефа в Уэльсе в Уайтлэнде на реке Таф. Там должны были присутствовать мудрейшие люди королевства, четверо из них должны были быть мирянами, а двое — клириками. Клирики были приглашены с тем, чтобы не допустить внесения в закон того, что могло бы противоречить Священному Писанию. Их собрали во время Великого поста, ибо именно в этот период каждый должен быть честен. Прибывшие мудрейшие сообща изучили старые законы, и некоторые из них было решено сохранить, другие — исправить, третьи — полностью отменить, иные — написать заново. После того как они объявили законы, которые приняли, Хауэл утвердил их и приказал соблюдать их точно и неукоснительно. Хауэл и мудрейшие, бывшие вместе с ним, наложили проклятие на всех в Уэльсе, кто осмелится нарушить закон, и на судью, принесшего присягу, и на лорда, принявшего ее, если он не знает трех разделов Закона и стоимости диких и домашних животных и того, что необходимо для ведения дел»⁸.

Достоверность этой преамбулы вызывает сомнения, ибо ни в одной хронике сведений о созыве представительства не содержится. Валлийские хроники вообще не упоминают Хауэла в связи с законодательной деятельностью. Описание ассамблеи едва ли представляет собой констатацию исторического факта и является, скорее, примером мифа о политической унификации, созданного, вероятно, в XII в. (т.е. в период валлийского противостояния англо-нормандскому продвижению в регион при Генрихе II Плантагенете). Несомненно, что пролог о реформе Хауэла имеет своей целью не только придать закону древность происхождения, но и защи-

тить его от возможной критики современников. Закон очень отличается от иных кодификаций этого периода: организационная стройность, рациональность и очевидный символизм придают тексту несколько искусственный вид. Постоянно повторяющиеся в тексте комбинации чисел три, семь, девять и двенадцать придают тексту закона особый характер, отличающий его от других кодификаций раннего Средневековья. Числа три и семь считаются числами совершенства, они подчеркивают законченность и неоспоримость норм, девять и двенадцать традиционно ассоциируются с судом. Весьма примечательной чертой Закона являются «юридические триады» (объединение правовых норм в тройки), связанные с древней кельтской литературной традицией. Помимо прочего, триады облегчали процесс заучивания норм, ибо закон предписывал судьям знать их наизусть. Символика чисел в период, к которому относятся сохранившиеся рукописи Закона, была очень распространена. Значительную роль в ее развитии сыграли цистерцианцы, всегда имевшие прочные позиции и авторитет в Уэльсе. Именно цистерцианцам принадлежат трактаты, посвященные нумерологии: Эд де Моримонд написал “*Analytica numerorum*” (ок.1153 г.), Уильямом Оберивским создан “*De sacramentis numerorum*” (ок. 1164 г.)⁹. Закон Хауэла Доброго является образцом удивительно устойчивого равновесия символического и рационального в праве.

Следует отметить, что валлийское право (как ирландское) — это право, созданное профессионалами, здесь не возникало новых норм из конкретных судебных решений, прецедент источником права не являлся.

До нас дошло около сорока манускриптов, созданных между началом XIII и началом XVI в. (то есть в

период, когда закон Хауэла был действующим), шесть из них — на латыни, остальные — на валлийском. Валлийские рукописи принято делить на три редакции: “Iorwerth”, “Cyfnerth”, “Blegywyrđ”. Редакции названы именами «создателей», однако доказанным признается только авторство Йорверта ап Мадоба¹⁰.

Самые ранние из дошедших до нас версий по-валлийски — это тексты редакции “Iorwerth”, составленные в Гвинедде. Преамбула этой редакции явно отражает влияние принца Лливелина ап Йорверта, называя Хауэла Доброго принцем, а не королем, как в других редакциях и хрониках¹¹. Редакция “Cyfnerth”, хотя и дошла до нас только в манускриптах, датируемых не ранее, чем начало XIV в., явно предшествовала редакции “Iorwerth”. Этот текст мог быть создан в период расцвета власти Лорда Риса Дехейбартского. Заметим, что культ Хауэла Доброго изначально был связан именно с Дехейбартом. Вполне вероятно, что история об ассамблее, собранной Хауэлом Добрым для записи Закона, содержащаяся в преамбуле, но не отмеченная ни в одной из валлийских хроник, была частью политической мифологии, складывавшейся в этот период. Именно на XII в. приходится подъем законодательной деятельности, и ряд элементов текста подтверждает, что они относятся скорее к XII в., чем к X в. Так, например, сам Уайтлэнд (цистерианское аббатство, попавшее под патронат лорда Риса) едва ли был значимым центром в период правления Хауэла. Хотя нельзя утверждать определенно, что королевский двор Хауэла не мог находиться в окрестностях.

Редакция “Blegywyrđ” появилась позднее других: она была составлена ближе к концу XIII в. в юго-западном Уэльсе и по существу — это перевод латинского текста,

составленного в том же регионе и известного как латинская редакция D. Три другие латинские редакции (А, В и С) датируются серединой XIII в., а еще одна — Е — концом XIV¹². Ни одна из редакций не содержит посвященный кому-либо из национальных правителей.

Сохранившиеся манускрипты совершенно точно не были первыми правовыми компиляциями в Уэльсе. Закон содержит явные указания на ранние источники, в частности латинские, например — использование фразы “*Leges Brittanie*” для описания законов Уэльса в прологе к латинской редакции А: здесь составитель мог привлечь текст о предполагаемой реформе Хауэла Доброго, составленный не позднее 1130 г., т.к. в это время слово *Britannia* выходит из употребления, и камбро-латинские авторы для обозначения Уэльса используют термин “*Wallia*” или, реже, “*Kambria*”¹³. Можно с уверенностью утверждать, что сохранившиеся редакции имеют общий источник, ибо пролог, книги о праве двора и праве страны содержаться во всех манускриптах и без серьезных различий в логике изложения. Ни одна из сохранившихся редакций не является архетипом для других. Есть все основания полагать, что общий источник был составлен значительно ранее них. Даже если предположить, что источник этот восходит ко времени Хауэла Доброго, нерешенным останется вопрос о причинах создания массы правовых текстов именно в XIII в. (до нас дошло шесть манускриптов и, предположительно, еще около дюжины не сохранилось). Одним из стимулов для создания правовых компиляций, без сомнения, мог быть иностранный пример. Компиляции светского обычного права были созданы и в Англии, и на континенте, и на латыни, и на национальных языках

в XII—XIII вв. На валлийских юристов могла оказать влияние правотворческая деятельность в Англии периода правления Генриха II Плантагенета.

Внешне валлийские правовые тексты кажутся стоящими на определенной дистанции от конкретных валлийских правителей (времени создания компиляций). Как и другие правовые своды того времени, они настаивают на том, что закон был составлен и утвержден в прошлом, в данном случае — Хауэлом Добрым. Разумеется, тексты, составленные в Гвинедде в XIII в., содержат пассажи, которые направлены на упрочение прав принца, и некоторые компиляции (а именно Латинские редакции В и С) почти явно оказывают поддержку Лливелину ап Йорверту в его стремлении установить политическую гегемонию в Уэльсе, декларируя верховенство правителя Гвинедда над правителями Поуиса, Дехейбарта.

Причина, по которой валлийские юристы старались продемонстрировать престиж и достоверность права, компилируемого ими в конце XII—XIII в. — желание сохранить его и защитить себя. Пролог как нельзя лучше отвечает этой цели, делая акцент на то, что право было дано сильнейшим донорманнским государем.

Возможно, что законы представляют собой реакцию на попытку переноса английского права на Уэльс. Развитие английского “common law” в XII в. могло представлять непрямую угрозу национальной правовой традиции Уэльса, поскольку валлийские принцы не могли не оценить преимуществ английского права и процесса. Использование “common law”, разумеется, имело место в Уэльсе с начала XIII в. Имели место и попытки отмены некоторых аспектов национального обычая. Так, Лливелин ап Йорверт выступил против

равных прав наследования законными и незаконными сыновьями с намерением обеспечить наследование Гвинета его законным сыном Дэвидом. Как некоторые постановления и ассизы в Англии XII в., такие законодательные акты могли даваться устно, быть более многочисленными, чем упомянутые в источниках.

Одной из причин создания компиляций именно с конца XII в., по мнению Х. Прайса, было то, что валлийские юристы стремились укрепить национальную правовую традицию перед лицом угрозы со стороны самих валлийских правителей¹⁴. Эта угроза была вызвана широкими переменами в Уэльсе, в связи с английскими вторжениями, последующим урегулированием и модернизацией, в результате влияния англо-нормандской культуры. Валлийские правители игнорировали традицию, когда это было удобно. Открывающая правовые своды книга о королевском дворе может расцениваться как реакция консерваторов на перемены. Эта часть явно предшествовала по времени создания остальным. Действительно, книга выглядит архаично: детальные описания прав и привилегий очень расходятся с реалиями XII—XIII вв. Это позволило исследователям утверждать, что книга о праве двора восходит к донорманнскому периоду, ко времени Хауэла или даже ранее: некоторые из должностей, описанных там, могут быть отнесены по крайней мере к концу XI в. Но даже если история этого текста началась и в донорманнский период, он, разумеется, отвечает целям того времени, когда был записан.

К сожалению, теперь нет возможности установить какие именно детали текста были уже устаревшими ко времени записи, ибо этикет и привилегии — весьма консервативная часть обычая. Значимость этой

части Закона в XIII в. подтверждается попыткой автора редакции Йорверта несколько пересмотреть текст, выстраивая материал отлично от других редакций, а также увеличить число чиновников королевы, что может отражать высокий статус супруги Лливелина Великого — Джоан, дочери Иоанна Безземельного. Несмотря на то, что книга может отражать реалии эпохи принцев, ее древний характер отрицать невозможно.

Генезис правовых сборников объясняется, прежде всего, политическим контекстом. Причины создания компиляций в XII—XIII вв. лежат в потребностях валлийского общества того времени. Как тексты, которые универсализируют валлийский обычай, представляя его как правовую реформу крупного, а главное, донорманнского государя, придают национальной правовой традиции авторитет и характер неизменности в сложный период перемен. Являясь частью валлийского литературного наследия, они могут быть отражением расцвета валлийской культуры и формирования национального самосознания перед угрозой завоевания, как военного, так и правового. Идеология — важнейший ключ к пониманию причин создания правовых компиляций. Этот процесс нельзя объяснять только прагматическими целями. Как отметил Х. Прайс, валлийские правовые тексты содержат мощные идеологические установки валлийской исконности, защищая чисто «валлийский» Уэльс (Марка никогда не упоминается в Законе)¹⁵.

Вопрос о том, действительно ли при Хауэле Добром была проведена работа по разработке свода законов, остается спорным для исследователей, но не для валлийской традиции. Еще только один валлийский король правил столь же долго — это Гриффит ап Лливелин (1055—1063), но его правление было слиш-

ком беспокойным для правовой реформы. И если даже предположить, что миф об ассамблее в Уайтлэнде был создан в XII в., то оснований утверждать, что кодификация вообще никак не связана с правлением Хауэла Доброго, явно недостаточно.

Закон Хауэла имеет своеобразную структуру и весьма интересную логику изложения материала, сохраняющуюся в большей части списков. Текст закона распадается на три книги: 1) «Законы двора», 2) «Законы страны», 3) «Книга для судей» (в редакции Йорверта).

Безусловно, самый ранний пласт нормативно-правового материала содержится в книге «Законы двора». Текст книги открывается перечислением двадцати четырех придворных, обязательно присутствующих при дворе. К ним относятся: управляющий королевского двора, священник, стюард, сокольничий, придворный судья, главный конюший, казначей, придворный бард, церемонимейстер, главный егерь, медовар, лекарь, дворецкий, привратник, повар, осветитель, стюард королевы, исповедник королевы, конюший королевы, казначей королевы, горничная королевы, привратник королевы, повар королевы, осветитель королевы. Трижды в год (на Рождество, Пасху и праздник Святой Троицы) указанные придворные жалуются королем шерстяной одеждой, а королевой — льняной¹⁶.

Особый подраздел Закона посвящен королевской семье. Закон устанавливает правило, по которому король отдает королеве треть доходов с домена. Король получает компенсацию за оскорбление в трех предусмотренных законом случаях: если его покровительство нарушено (если слуга короля был убит), если его подданный был убит подданным другого короля при встрече королей на границе, и если оскорбление было

нанесено его жене. Размер компенсации королю установлен следующий: сотня коров от каждого кантрефа, с быком на каждую сотню, золотой прут в рост короля и толщиной в его мизинец, золотая тарелка, размером с его лицо, и толщиной с ноготь пахаря (бывшего пахарем не менее семи лет). Выплата компенсации золотом была возможна только королю¹⁷. Закон накладывает и некоторые ограничения на правителя: он имел право выводить войска из страны не более раза в год (перемещения внутри королевства ограничены не были)¹⁸.

Компенсация королеве выплачивается в следующих случаях: если нарушено ее покровительство, если ей был нанесен удар или что-то было выхвачено из ее рук. Интересно, что все перечисленные в тексте оскорбления встречаются в «Мабиногион»¹⁹. Королеве выплачивается треть от компенсации короля, но не золотом или серебром.

Особо урегулирован в законе статус наследника престола. Специально указано, что он имеет самое высокое положение при дворе после короля и королевы. Право наследовать престол имеет сын или племянник короля. Заметим, закон не требует ни законнорожденности наследника, ни его первородства: в Уэльсе бастарды и законнорожденные дети имели равные права вплоть до потери независимости. Наследником, согласно Закону, считается тот член семьи короля, которому король «дал надежду». Наследник не имеет права оставить короля без соизволения последнего. Он не ограничивается в еде и напитках, все его расходы оплачиваются из казны. Но распоряжение имуществом наследника ограничено волей короля. Имущество наследника составляет третью часть от имущества короля, компенсация за оскорбление — треть от компенсации короля, но не в золоте.

Особая часть посвящена порядку при дворе: здесь подробно регламентируется местоположение каждого из придворных относительно короля и друг друга²⁰. Необходимость столь детального описания порядка объясняется традиционными для Средневековья постоянными перемещениями двора. Места для сидения при дворе имеют только четырнадцать человек: король, королева, наследник, управляющий, сокольничий, лекарь, священник, церемонимейстер, придворный судья, придворный бард, придворный кузнец, конюший, егерь. Причем, среди перечисленных лиц указан “*cynghellor*” — термин, который трудно перевести (традиционно передается как «канцлер»), этот человек придворным не являлся, но имел место при дворе, когда кочующий двор посещал управляемый им от имени короля коммот¹².

Далее в Законе следует перечисление указанных двадцати четырех чиновников с подробным описанием их прав, включая доходы, размер компенсации в случае убийства или оскорбления, жилище (включая его размер и расположение), охрану, лошадей, рацион питания и напитки²¹. Значительно меньшее место закон уделяет их обязанностям при дворе и содержит совсем мало указаний на возможные взыскания в случае их неисполнения (например, судья, вынесший заведомо неверное решение, мог лишиться языка)²².

Закон указывает, что три человека не имеют право оставить короля ни при каких обстоятельствах: охранник, священник и судья. Управляющим королевского двора, как правило, был сын или племянник короля. Происхождение должно было соответствовать статусу, ибо человек из среднего слоя не мог занять эту должность. Компенсация за вред составляла треть компенсации короля (как и у наследника). Исходя из текста

Закона, священник являлся одним из «трех необходимых» не только из-за отправления конфессиональных обязанностей, а по весьма прозаичной причине его неперменной грамотности. Священнику вменялась в обязанность вести записи при судебных разбирательствах, а также всегда быть готовым прочесть или написать письмо короля. Присутствие судьи объясняется тем, что правосудие в этот период было одной из важнейших функций королевского двора.

Каждый из перечисленных придворных имел право владеть землей, а также получать из королевской казны все необходимое для отправления служебных обязанностей. Особо оговаривается право на защиту каждого из них.

Весьма интересна роль барда при дворе. Именно барды были носителями древней пророческой традиции, хранителями богатейшего литературного наследия. Закон, устанавливая права и обязанности барда, определяет даже порядок исполнения песен при дворе: сначала хвала Господу, затем правящему королю, затем иным королям²³.

Придворные и охрана имели право на бесплатную медицинскую помощь. Лекарь мог требовать платы (причем твердой, зафиксированной в законе) только в случаях тяжелых увечий (исчерпывающий перечень которых также приводится: черепно-мозговые травмы, повреждения внутренних органов и переломы конечностей). В части, касающейся прав и обязанностей лекаря, есть указание, что он обязан получить от родственников раненого заверение, что пациент не умрет во время лечения, в противном случае ответственность за смерть ложилась на него. Столь тонкий момент демонстрирует удивительное сочетание варварства и изящества, характерное для валлийского права.

Вторая книга «Законы страны» открывается трактатом, «о правах женщин», который содержит общие установления, ряд норм брачного и семейного права, а также нормы уголовного права, объектом посягательства в которых является жизнь и честь женщины. Сведение норм подобного рода в один раздел также является особенностью Закона Хауэла Доброго.

Принято считать, что средневековые знали три варианта правового статуса женщины: дочь, жена и вдова. Согласно валлийскому закону, дочери находились в полной власти отца до двенадцати лет (в то время, как сыновья — до четырнадцати)²⁴. Именно этот возраст признавался брачным, но даже не вступившая в брак женщина по достижении двенадцати лет получала право управлять собственным имуществом. Закон устанавливал и детородный возраст женщины: от четырнадцати до сорока лет. Женщина, не достигшая этого возраста или вышедшая из него, не была обязана в случае судебного разбирательства приносить клятву в том, что она бездетна²⁵.

Статус валлийки определялся статусом мужа (для замужней, даже если брак был заключен без согласия родственников) или брата (для девицы). Согласно закону, компенсация за оскорбление выплачивалась женщине в размере трети от компенсации мужу или половины от компенсации брату соответственно. Компенсация за убийство женщины (и замужней, и незамужней) составляла половину компенсации за убийство брата²⁶. Фактические брачные отношения, продолжавшиеся более трех ночей, делегировали женщине статус замужней²⁷.

Значительная часть материала в «Законе о правах женщин» посвящена вопросам брака и развода. Заключение брака обязательно сопровождалось

уплатой лорду особой пошлины (“amobr”) за потерю невинности, размер которой определялся статусом отца невесты (от фунта за дочь крупного чиновника до 24 пенсов за иноземку, вне зависимости от ее статуса на родине)²⁸. Наличие этой пошлины, по мнению исследователей вопроса, является одной из причин малочисленности женских монастырей в средневековом Уэльсе²⁹. Закон Хауэла не предусматривал права первой ночи, но черты этого сомнительного обычая можно обнаружить и в валлийском праве: девственность женщины, обвиняющей мужчину в изнасиловании (если обвиняемый отрицал факт преступления), проверялась наследником престола³⁰.

Условием действительности брака по Закону была невинность жены, проверяемая в присутствии свидетелей³¹. Муж, заявивший гостям о том, что женщина — не девственница, и не оставшийся с ней до утра, не обязан был выплачивать ей «утренний дар». Невинность женщины, подвергаемая сомнению, могла быть доказана присягой семи ее родственников или специальным испытанием, в ходе которого испытываемая должна была удержать годовалого бычка за намазанный жиром хвост³².

Закон довольно подробно регулировал вопросы личных и имущественных прав супругов. Общность имущества супругов наступала только по истечении семи лет и трех суток брака: после этого в случае развода имущество подлежало разделу³³. Закон содержит исчерпывающий перечень имущества, отходивших мужу и жене. Разделу не подлежали личные вещи супругов (например, одежда) и неотъемлемые вещи, для женщин это: утренний дар (“cowyll”), являющийся компенсацией за потерю девственности,³⁴ компенсация за

измену мужа (“gowyn”) и компенсация за оскорбление (“sarhaed”)³⁵. Ни при каких обстоятельствах женщина не могла претендовать на оружие и лошадь супруга, а также на компенсацию, полагающуюся ему в случае недостойного поведения жены. Предметом, подлежащим разделу в случае расторжения брака, не могла быть земля. Долговые обязательства в равной степени ложились на обоих супругов³⁶. В случае расторжения брака до истечения семилетнего срока женщина обязательно получала компенсацию за потерю невинности и оговоренную долю в имуществе. По инициативе женщины брак мог быть расторгнут в случае: проказы, полового бессилия или зловонного дыхания мужа³⁷. Измена супруга могла стать поводом к расторжению брака по инициативе женщины только в третий раз (первые два влекли за собой выплату компенсации). Заметим, что Закон устанавливает правило, согласно которому женщина, не оставившая мужа после третьей измены, теряла право на компенсацию³⁸. Даже однократная измена жены могла быть поводом к расторжению брака по инициативе супруга³⁹, при этом, выплата компенсации любовником была обязательна вне зависимости от того, расторгался брак или нет. Наличие причины для расторжения брака должно было быть доказано: Закон содержит подробное описание процессуальных действий, сопряженных с доказыванием факта измены (здесь, по общему правилу, привлекались компургаторы)⁴⁰ или полового бессилия мужчины (доказывание производилось в присутствии суда с помощью белой простыни)⁴¹.

Церковь активно боролась с разводами, настаивая на сакраментальном свойстве брака и его нерасторжимости даже в случае прелюбодеяния, явно порицая повторное вступление в брак разведенных или овдо-

вевших. Признавая очевидное влияние канонического права на валлийский обычай (например, требование моногамии, в отличие от раннего Ирландского права, не запрещавшего многоженство), следует признать, что Закон Хауэла Доброго в части, касавшейся разводов, абсолютно не соответствовал требованиям канонического права⁴². Несмотря на явно донорманнское происхождение трактата «О правах женщин», зафиксированные в нем нормы едва ли можно считать отжившими, ибо ссылки на них можно обнаружить и в иных источниках (например, в «Мабиногион» или «*Descriptio Cambriae*» Гиральда Камбийского 1194 г.).

Весьма интересен тот факт, что разведенная женщина в Уэльсе могла считаться свободной только после того, как ее бывший супруг женился вновь, в противном случае она могла быть возвращена в лоно первого брака, даже «если одной ногой ступила на ложе нового мужа»⁴³.

Обязанности по содержанию и воспитанию детей после расторжения брака ложились на обоих супругов, но не в равной степени: две трети расходов нес отец и одну треть — мать (старший и младший сын оставался с отцом, средний — с матерью)⁴⁴. Дети, рожденные вне брака, по праву принадлежали мужчине⁴⁵.

Личные отношения между супругами также были урегулированы законом. Перечень причин, по которым женщина могла быть наказана супругом едва ли можно считать обширным: оскорбление (например, пожелание пятна на бороде или грязи на зубах), неправомерное распоряжение имуществом и измена. Согласно Закону в этих случаях муж мог побить жену, но не по голове⁴⁶. Заметим, что право мужа наказывать жену физически в средневековье считалось

неотъемлемым и ограничивалось, как правило, формальным требованием не наносить смертельных ран.

Границы правосубъектности женщины определялись Законом не вполне точно. Значительных ограничений гражданской дееспособности Закон не предусматривал: женщины могли вступать в обязательственные отношения в рамках принадлежавшего им имущества⁴⁷. Но поручителем или свидетелем в договорах, заключаемых мужчинами, женщины быть не могли⁴⁸.

При наследовании права женщины определялись ее семейным положением: вдова получала оговоренную в законе долю в имуществе супруга, при условии, что прошло семь лет и трое суток после заключения брака, а дочь — половину того, что получает брат.⁴⁹ Вдовы в Уэльсе не наследовали землю, «вдовья доля» была введена Эдуардом I. Закон предусматривал и случаи наследования имущества по материнской линии. Сыновья валлиек могли наследовать по материнской линии в трех случаях: если валлийка была выдана замуж за иноземца, если она была передана в качестве заложницы в «страну с чужим языком» и забеременела там, если она была изнасилована иноземцем⁵⁰.

Закон давал валлийке право предъявить незаконнорожденного ребенка отцу и доказывать отцовство в суде (разрешая матери предъявлять сына только однажды и только одному отцу⁵¹). Если предполагаемый отец официально отказывался от сына, последний получал статус, соответствующий положению семьи матери.

Особой регламентации в трактате «о правах женщин» подвергается такой вид преступного посягательства, как изнасилование. Закон особо обращает внимание, что мужчина, совершивший данное преступление не может быть подвергнут кастрации⁵² (видимо, огра-

ничивая применение обычая). Изнасилование влекло за собой выплату компенсации потерпевшей, в том числе и компенсацию за потерю невинности. Современное Закону Хауэла английское законодательство в подобном случае игнорирует женщину как самостоятельный субъект, признавая ее телесную неприкосновенность принадлежностью мужа или отца⁵³. Доказывание факта совершения изнасилования заключалось в присяге потерпевшей валлийки в присутствии обвиняемого и при непосредственном контакте с ним⁵⁴. Закон Хауэла содержит специальный подраздел, посвященный формальной оценке доказательств, согласно которому показания женщины, претендующей на выплату компенсации за потерю невинности после совокупления с мужчиной или изнасилования, принимаются судом безусловно⁵⁵. Заметим, что примат женских показаний над мужскими вообще не был характерен для рассматриваемого периода.

Анализ норм, содержащихся в «Книге для судей», позволяет судить о правах и обязанностях женщин в сфере уголовного права. Ответственность за ущерб, причиненный женщиной третьим лицам, ложился на ее семью или супруга: женщина не выплачивала самостоятельно компенсации за совершенное ей правонарушение⁵⁶. Но в случае совершения убийства женщина должна была нести ту же ответственность, что и мужчина⁵⁷.

Анализ Закона Хауэла Доброго, а также ряда иных текстов, не содержащих собственно норм права, позволяет утверждать, что статус женщины в Уэльсе вполне соответствовал нормам морали и права средневекового общества в целом, но при этом несколько отличался от традиционных представлений об исключительно подчиненном положении женщины. Закон давал вал-

лийке право расторгнуть брак по собственной инициативе (предлагая отличный от канонического перечень поводов к разводу), получить компенсацию в случае прелюбодеяния супруга, самостоятельно отстаивать свою честь и телесную неприкосновенность в суде.

Значительная часть текста законов страны посвящена вопросам семейного права (брачное право освещено в части о правах женщин). Правовому статусу детей Закон уделяет наибольшее внимание. Личные и имущественные отношения отца (а не родителей) и детей рассматриваются в неразрывной связи: это одна из характерных черт средневекового законодательства. Основное внимание Закон Хауэла, как и другие средневековые сборники, уделяет штрафам за преступления и обязательствам из причинения вреда. Этим объясняется обязательность точного определения статуса преступника и потерпевшего.

Замечательно, что закон устанавливает правовой статус еще не рожденных детей. В случае гибели еще не рожденного ребенка размер штрафа (“wynberwerth”) и компенсации за убийство (“galanas”) зависит от срока, на котором была прервана беременность. За плод, погибший в течение первого триместра (белый), выплачивается треть компенсации, в течение второго триместра (красный) — две трети, в течение третьего триместра — полную сумму, так как плод считается в этот период жизнеспособным. Учитывая то, что пол нерожденного ребенка не ясен (а размер компенсации всегда зависит от пола жертвы), Закон требует выплату в том же размере, что и за некрещеного мальчика⁵⁸. В период от рождения до крещения дети имеют особый статус, ибо до этого момента, согласно Закону, они не могут быть названы по имени.

С момента крещения и до семи лет отцы обязаны присягать за детей и платить компенсации от их имени, но не штрафы в пользу короля⁵⁹. Таким образом, дети до семи лет, независимо от пола, не подлежат уголовной ответственности, а значит, на них не распространяются нормы о штрафах за правонарушения (согласно Закону, ребенок, не достигший семилетнего возраста, действует без разума). Однако родители не освобождаются от обязанности компенсировать вред, причиненный даже малолетними детьми. По окончании седьмого года жизни ребенок получал право самостоятельной присяги. Закон различает правовой статус сыновей и дочерей. С момента рождения до достижения четырнадцати лет сын находится в полной власти своего отца и более ни в чьей⁶⁰. Никто не вправе наказывать его кроме отца. Только отец контролирует его имущество: сыновья не вправе распоряжаться имуществом без ведома отца. Из вышеуказанного правила вытекает норма о переходе всего имущества в пользу отца в случае смерти сына до указанного возраста. В случае смерти отца до достижения его сыном четырнадцати лет право опеки переходит лорду, который действует в интересах опекаемого⁶¹.

По достижении четырнадцатилетнего возраста отец должен представить сына лорду для принесения оммажа. С этого момента сын получает полную дееспособность, включая право управления своим имуществом и обязанность нести ответственность (как уголовную, так и гражданско-правовую). У отца более нет права наказывать сына, в противном случае возникнет обязанность выплаты штрафа за побои (“dirwy”) и компенсацию за оскорбление (“sarhaed”). В случае смерти сына после вступления в возраст и от-

существования наследников его имущество перейдет лорду. С четырнадцати лет сын имеет собственный статус и не может получить статус отца до смерти последнего⁶².

Одним из важнейших вопросов этого раздела Закона является «установление отцовства». Этот вопрос был особенно важен, так как в Уэльсе до введения Хритланского статута бастарды имели право на имя отца, его опеку (сына, рожденного вне брака, отличает «аб» между личным именем и именем отца), наследовали имущество и власть. С этим связано наличие в Законе подробного описания процедуры установления отцовства. Прежде всего, мать, родившая сына вне брака, должна официально предъявить ребенка отцу. Для этого она должна была придти в церковь вместе с сыном и в присутствии священника, возложив правую руку на алтарь, а левую — на голову ребенка, поклясться в том, что отцом ребенка является указанный ею человек⁶³. После этого указанный в качестве отца должен либо признать сына (со всеми вытекающими последствиями), либо отказаться от него. Процедура отказа такова: в той же церкви, возложив правую руку на алтарь, а левую на голову ребенка он приносит клятву, что в этом ребенке нет ни капли его крови. Закон предполагает возможность отсрочки принесения клятвы: для мужчины она не более одного дня, для женщины — три дня (отсрочка предоставляется для поиска реликвий, на которых приносится клятва, но поиск может вестись только в пределах коммота)⁶⁴. Если отец после предъявления сына в течение одного года и одного дня не откажется от него, то сын считается признанным «по умолчанию». В том случае, когда предполагаемый отец официально отказывается от сына, последний получает статус, соответствующий положению семьи матери.

Все обязательства (по выплате компенсаций за вред, причиненный человеком с таким статусом) ложатся на род матери (две трети компенсации за убийство этого человека получает тоже род матери). Важно, что статус детей, рожденных вне брака, вне зависимости от того признаны они отцами или нет, и размеры компенсаций соответствуют статусу свободного валлийца.

Сын иноземки будет считаться иноземцем, даже если его отцом был Король, но отказался от него. Сын валлийки, от которого отказался отец-иноземец, будет иметь статус валлийца⁶⁵.

Закон признает и такой, весьма прагматичный, способ установления отцовства, как фактическое признание: если отец дает средства на содержание и воспитание ребенка, он уже не может от него отказаться.

В Законе даже предусмотрен случай рождения бастарда немой женщиной. Процедура признания в этом случае невозможна, так как женщина не может назвать имя отца ребенка. Только после смерти матери сын может самостоятельно инициировать процедуру признания⁶⁶.

Умершему человеку сына предъявить было нельзя. Нельзя также и отменить после смерти признания или отказа. В случае смерти предполагаемого отца к процедуре установления отцовства привлекается глава рода. Он должен был принести клятву в присутствии семи лучших представителей рода, при том условии, что они присягнут, что его клятва верна. В отсутствии главы рода к процедуре привлекается двадцать один лучший представитель рода. Отметим, что в процедуре не могут принять участия те родственники, в чьи руки перейдет земля сына в том случае, если он не будет признан. Так, один брат не

может отвергать другого, а если нет братьев, кузены не могут этого сделать. Закон не допускает возможности отвергнуть ребенка из корысти. Только сыновья иноземцев могли отвергать друг друга, так как они не наследовали землю в Уэльсе⁶⁷.

Процедура признания ребенка в отсутствии отца требует присутствия главы рода и семи родственников или двадцати одного родственника, если нет главы рода, свидетельством признания по Закону считается поцелуй (все участники должны поцеловать признанного сына). Глава рода и семеро родственников могут выступить и в качестве истцов в данной процедуре, в случае, когда этого не может сделать мать⁶⁸.

Закон Хауэла Доброго в области регулирования брачно-семейных отношений резко отличается от норм канонического права. Это вполне закономерно, ибо значительную часть материала составляют нормы обычного права. При этом закон делегирует Церкви обязанность участия в не правовых, с канонической точки зрения, процедурах.

Как и в других средневековых сводах, в Законе Хауэла Доброго содержится материал, посвященный вопросам земельного права. Средневековый Уэльс не знал майората, а стало быть, земельные разделы были ключевым моментом правового регулирования. Закон закрепляет право наследников на равные доли, определяя порядок разделов земли со строениями и без таковых. Некоторые преференции получал младший из наследников, у которого было право выбора одного из причитающихся наделов. Закон предусматривает переход земельных владений по прямой нисходящей линии, а в случае ее пресечения — по боковым нисходящим⁶⁹. Согласно Закону, никому не

позволялось отчуждать или закладывать землю без разрешения лорда⁷⁰. Именно эта норма впоследствии станет одним из камней преткновения в англо-валлийских отношениях.

Судебные споры о земле было разрешено вести с 1 ноября по 9 февраля и с 9 мая по 9 августа. Закон объясняет подобные ограничения тем, что тяжбы не должны мешать пахоте и жатве⁷¹. Именно в разделе, посвященном земле, подробно описана процедура судопроизводства, включая процессуальные сроки, места для истца, ответчика и их представителей в суде и штрафы за нарушение порядка. Так, например, отсрочка, предоставляемая ответчику для приискания помощи, могла составлять от трех дней, если он мог найти ее в том же коммоте, до двух недель, если коммоты разделяли «отлив и прилив». Закон указывает места всех присутствующих в судебном заседании: от короля до сержанта⁷². Процедура доказывания, описанная в законе, вполне соответствует средневековым представлениям о справедливости и стоит на теории формальных доказательств: признаются негодными свидетельства женщин против мужчин, иноземцев против валлийцев и пр.

«Законы страны» содержат относительно немного норм, связанных с обязательствами. В качестве средств обеспечения обязательств по договору Закон признает залог и поручительство. Наиболее подробно урегулирован именно институт поручительства: роль поручителя была весьма значительной, ибо все сделки, согласно Закону, совершались устно. Поручителями не могли быть монахи, отшельники, богословы, иноземцы, а также те, кто «не мог подчиниться закону Хауэла, не оставив другого закона»⁷³. Важнейшим условием действительности сделки признается соблю-

дение формы договора: закон подробно описывает процедуру рукобития, нарушение которой вело к ничтожности сделки⁷⁴. Согласно Закону, долговые обязательства передавались по наследству, однако, постриг, заболевание проказой или любое другое из обстоятельств, которое приводило к изменению статуса, не исключали обязанности исполнить договор заключившим его лицом. Недельная отсрочка по исполнению обязательства предоставлялась только в случае попадания срока на такие праздники, как Рождество, Пасха или Троица (так называемые «чистые недели»). Что интересно, договор считался действительным, даже если противоречил Закону. Закон Хауэла Доброго в этой части сочетает удивительную архаичность, выражающуюся, к примеру, в казуальности норм, а также в отсутствии любых письменных форм (и это в стране со столь развитой письменной традицией) с одной стороны, и совершенство норм — с другой.

В книге о законах страны значительная часть норм посвящена правовому положению иноземцев. Факт столь раннего появления специального законодательства отчасти может быть объяснен увеличением числа иммигрантов в Уэльсе в XII—XIII вв.

Закон Хауэла Доброго определяет “*divisio personarum*” как деление на валлийцев и иноземцев, напрямую сопрягая его с делением на свободных (полноправных) и зависимых. Иноземцем признается любой «не валлиец». В этой связи необходимо установить признаки принадлежности к соотечественникам. Валлиец должен был быть рожден от отца-валлийца и быть признанным им. Иноземцем в Уэльсе признается любой «человек из другой страны» (валл. — “*alltud*”). Статус иноземца в Уэльсе не был непреодолимым: спу-

стя четыре поколения потомок иноземца мог получить статус валлийца. Иноземец до получения статуса валлийца обязательно должен был находиться во власти и под защитой свободного валлийца, независимо от положения последнего. Закон указывает, что землевладельцы имеют право властвовать над своими иноземцами, как и король — над своими⁷⁵. Иноземцы становятся держателями земли в четвертом поколении после ее получения. И с этого момента они не имеют право покидать господина и не должны иметь держание одновременно в Уэльсе и в той стране, откуда пришли. Согласно Закону, если иноземец придет и принесет оммаж королю, и король примет его и даст ему землю, и он и его потомки в четырех поколениях будут владеть этой землей на протяжении жизни, то последний становится владельцем, и он получит статус, соответствующий его владению, статус валлийца, а не иноземца⁷⁶. Если иноземец пришел в Уэльс и принес оммаж валлийскому лорду, а от него перешел к другому, и далее, то ни он, ни его сын, внук и правнук не получают статус валлийца без оседлости в четырех поколениях⁷⁷.

Весьма интересное решение вопроса Закон предусматривает в случае, если иноземцы желают покинуть своего лорда, до того как они получили право держания (то есть ассимилировались и получили статус валлийцев): они должны оставить лорду половину своего имущества. Закон указывает: если они с этого острова, они не могут оставаться нигде на этой стороне вала Оффы. Если же они пришли из-за моря, они могут оставаться в стране, только до первого (по другой версии — третьего) ветра (с помощью которого они могут вернуться в свою страну), а если они пропустят срок, пусть вернуться в прежнюю зависи-

мость⁷⁸. Если лорд прогоняет иноземцев против их воли до того, как они получили держание, он не может претендовать на их имущество⁷⁹. Если иноземец уходит от лорда и без разрешения остается в его коммоте более трех дней и трех ночей, не отправляясь туда, куда должен, он, согласно закону, теряет свое имущество⁸⁰. Валлийский лорд не имеет права освободить иноземца, за исключением того случая, когда иноземец возвращается на родину. Если иноземец отправляется в страну, откуда прибыл и остается там в течение одного года и дня, хотя и должен был вернуться, его бывший патрон имеет на него прав не более, чем кто-либо иной.

Закон предусматривает и случай, когда иноземец принимает духовный сан или вступает в братство без разрешения лорда: сам факт принятия сана не освобождает его от зависимости, хотя Церковь в этом случае имеет право наказать за неуважение⁸¹.

Закон предусматривает случай крушения иностранных судов у берегов Уэльса. Команда потерпевшего крушения судна получала статус иноземцев короля⁸².

В Уэльсе любой свободный обязан был отвечать за своего иноземца по всем делам, не сопряженным с потерей жизни или конечностей⁸³.

Если иноземца обвиняли в краже, и оказывалось, что он вор, его лорд мог выкупить его, в противном случае, он мог выкупить себя сам и стать иноземцем короля. Важно отметить, что иноземцев не приговаривали к смерти за мелкие кражи (еды, например, в этом случае владелец похищенного имущества получал компенсацию⁸⁴). Данная норма аналогична норме о рабах, что подчеркивает усеченную правосубъектность иноземцев.

Неполноправие иноземцев в Уэльсе в целом соответствовало общим тенденциям в праве этого периода. Однако столь значительное сужение правосубъектности в столь древнем документе явно свидетельствует о стремлении предотвратить ассимиляцию населения региона, в связи с все возрастающей опасностью английских вторжений.

Ярчайшей особенностью Закона Хауэла Доброго является наличие «Книги для судей», пособия, знание которого было обязательным условием для получения должности судьи⁸⁵. «Книга для судей» в редакции Йорверта представляет собой свод норм уголовного права.

«Книга для судей» содержит весьма солидный корпус норм об убийствах кражах, пожарах, компенсациях за ущерб животным, деревьям, домам, утвари, вред здоровью, пахотной земле, зерну. Организация текста отражает систему преступлений, характерную именно для валлийского права.

Самыми объемными являются разделы об убийствах и кражах. Именно эти части текста дают общие представления о субъекте преступления, формах вины, и, что представляется особенно важным, соучастии.

Закон устанавливает следующие виды платежей выплачиваемых в случае совершения преступления: “*Samlwrw*” — наименьший из штрафов за правонарушение, размером в 3 коровы или 180 пенсов; “*Dirwu*” — стандартный штраф, размером в 12 коров или 3 фунта, выплачиваемый за кражу, побои и насилие; “*Galanas*” — компенсация, выплачиваемая в случае убийства (близко к германскому вергельду), заменившая кровную месть⁸⁶; “*Sarhaed*” — (лат. “*iniuria*”) компенсация за оскорбление.

Исходя из постановлений закона, довольно сложно дать исчерпывающее определение субъекта преступления. Важно отметить, что рабы не исключались из числа субъектов. Закон исключает привлечение к ответственности за убийство, совершенное детьми, не достигшими четырнадцати лет, и умалишенными. Согласно Закону мальчик, не достигший 14 лет, не платит “galanas”. В случае совершения убийства умалишенным, ответственность ложится на его родственников, ибо с точки зрения закона именно на них лежит обязанность осуществлять надзор за опасным для общества лицом⁸⁷. Закон особо отмечает, что обвинение в убийстве нельзя выдвинуть против мертвого человека, заявляя, что сын за отца не отвечает⁸⁸ (и это при том, что ответственность не является индивидуализированной в принципе).

Весьма интересно разрешается вопрос о субъективной стороне преступления. Закон освобождает от ответственности за убийство человека, валившего дерево, если он предупредил погибшего об опасности⁸⁹. В данном случае речь идет об отсутствии вины. Закон, разумеется, не разделяет убийства на умышленные и неосторожные, устанавливая одинаковую ответственность в виде выплаты “galanas”, размер которой зависит от социального статуса потерпевшего, а не от формы вины. Так, закон предусматривает случай гибели сразу двух человек в результате одного выстрела из лука (т.е. второе убийство явно умышленным быть не могло): стрелявший обязывается выплатить “galanas” за обоих погибших, но, что показательно, “sarhaed” только за того, в кого целился⁹⁰.

Закон описывает разные способы совершения убийства, в том числе вооруженное нападение, убий-

ство с помощью животного и даже испуг. Квалифицированными убийствами, т.е. сопряженными с удвоением “galanas”, считаются отравление и убийство, совершенное с особой жестокостью. Отравитель может быть даже казнен через повешение или сожжен (на усмотрение лорда), хотя обычно закон не требует применения смертной казни к убийцам. Изготовители ядов могут быть изгнаны из страны или казнены⁹¹. В данном случае Закон Хауэла Доброго ничем не отличается от других средневековых сводов, считавших отравление наиболее опасным из всех преступлений против личности в силу его явной преднамеренности, коварства и даже наличия обязательства с дьяволом. В отличие от других средневековых сводов, Законом Хауэла Доброго особо не выделяются в качестве квалифицированных такие виды убийства как отцеубийство, братоубийство или убийство господина.

Довольно значительное место в законе отводится институту соучастия. Закон всегда выделяет девять видов соучастия (девять в этом и иных случаях — символическое число суда), будь то убийство, кража или поджог⁹². Ответственность каждого из соучастников зависит от его роли, валлийский закон, в отличие от иных средневековых сводов, не наказывает соучастников в равной мере. Устанавливая размеры выплат для соучастников, закон указывает, что эти суммы являются штрафами и выплачиваются лорду, а не потерпевшей стороне. Потерпевшие получают компенсацию от главного виновного, а не от соучастников.

Основная часть текста «Книги для судей» посвящена выплатам разного рода компенсаций и штрафов, сопряженных с совершением преступлений.

Здесь следует особо отметить роль клана в валлийском обществе. Все штрафы и компенсационные выплаты ложатся на плечи преступника и его родственников. Размеры выплат, установленные Законом, а также число компургаторов, привлекаемых к очистительной присяге, обязательно требуют участия всего клана. Роль, которую играли родственные связи в валлийском средневековом обществе, трудно переоценить. Совершивший преступление валлиец (даже незаконнорожденный, ибо валлийский обычай не умалял прав бастардов) никогда не оставался один на один с родом потерпевшего, а последний, в свою очередь, гарантированно получал компенсацию.

Валлийское право знало кровную месть, применявшуюся в случае невыплаты или неполной выплаты компенсации (даже если не уплачен хотя бы один пенни)⁹³. Закон указывает, что нельзя убить одного вместо другого, объектом кровной мести может быть только виновный, но не соучастник. Важно отметить, что круг мстителей ограничен плательщиками *galanas*. Получателем “*galanas*” в случае убийства родственника может быть только тот, кто входит в круг его плательщиков в случае совершения убийства членом его клана⁹⁴.

Порядок выплаты “*galanas*” в Законе четко определен. Первая треть ложится на плечи самого преступника, а также на его отца, мать, братьев и сестер. Они делят эту сумму на три части: первая треть приходится на отца и мать, вторая — на братьев и сестер, а третья — на самого преступника. В случае смерти убийцы, указанные лица платят за него. Говоря о братьях и сестрах, Закон устанавливает соотношение 2:1 (2 пенса ложатся на брата, 1 — на сестру). Если пе-

речисленные родственники умерли, убийца сам должен выплатить, возлагаемую на них часть. Если умерли некоторые из них, то за них платят оставшиеся в живых в равной степени.

Если случится так, что убийца не в состоянии выплатить положенную сумму, то он имеет право на получение вспомоществования (валл. — “ceiniog baladr”, англ. — “shaft penny”) от следующих родственников: брат, кузены от первого до пятого и племянник, сын пятого кузена⁹⁵. Плательщиками shaft penny не являлись женщины и клирики. Причем взыскание вспомоществования может производиться с помощью лорда, посылающего специально для этого слугу, и отказаться от выплаты можно лишь присягнув в том, что родственных связей с убийцей нет.

Следующие две трети “galanas” ложатся на родственников убийцы, и эта сумма, в свою очередь, делится на три части: две трети ложатся на плечи рода отца и одна треть — на плечи рода матери. Норму о солидарной ответственности родственников отца и матери можно найти и в других средневековых законах. Распределение выплаты производит старший в роде (валл. — “rencenedl”). Если убийца выплатил свою долю, то его уже нельзя убить в порядке мести, даже если родственники еще не выплатили свою.

С выплатой данной компенсации тесно связан вопрос получения ее родственниками убитого. Здесь действует жесткое правило: получаемая часть “galanas” равноценна выплачиваемой части (тот, кто больше платит в случае преступления, тот получает больше как потерпевший). Вдова убитого не получает “galanas”, так как не входит в круг мстителей, она имеет право лишь на треть от “sarhaed” мужа. “Gala-

pas” делится на три части: первая треть причитается лорду (это так называемая вынужденная часть), остальные две трети вновь делятся на три части: одна треть — семье (т.е. тех людей, на которых ложится забота о детях погибшего), прочие две трети делятся между родственниками отца и матери в соотношении 2:1 соответственно (раздел производится сообразно участию в случае осуществления подобной выплаты).

Закон поясняет, что обвинение в убийстве может быть снято очистительной присягой трехсот человек, поэтому клятва такого же числа людей применяется для подтверждения прощения убийцы родом жертвы. В случае квалифицированного убийства для очищения требуется присяга шести сотен мужчин⁹⁶.

Следует отметить, что норма об очистительной присяге, кажущаяся мертвой уже на момент записи закона в силу ее архаичности, тем не менее, продолжала действовать в Уэльсе даже после введения Хритланского статута: об этом свидетельствуют жалобы английских чиновников Генриху V о том, что валлийцы все еще применяют древний обычай⁹⁷.

Традиционное распределение выплаты — две трети на род отца и одна треть на род матери — меняется с точностью до наоборот, если убийца или жертва является сыном валлийки от иноземца: Закон поясняет, что в данном случае мать заменяет ему отца⁹⁸. Закон устанавливает точные размеры “galapas” и “sarhaed” в зависимости от социального статуса потерпевшего. Так, “sarhaed” свободного валлийца составляет «3 коровы и 3 по 20 пенсов», а его “galapas” — «3 коровы и 3 по 20 коров» (т.е. 63 коровы)⁹⁹. Как отметил Ф. Мэйтлэнд, число 63 в данном случае едва ли представляет собой случайное произведение

магических чисел 7 и 9, это, видимо, геометрическая прогрессия: $1+2+4+8+16+32$, выражающая увеличение вдвое платежа следующего по близости родства к убийце или жертве в случае выплаты или получения “galanas”¹⁰⁰.

Согласно Закону, нанесение телесных повреждений влечет за собой выплату sarhaed и компенсацию вреда в зависимости от тяжести. Закон устанавливает «стоимость» каждого из членов человеческого тела. Так стоимость рук, ног, глаз, губ и носа составляет 6 коров и 120 пенсов, уха — 2 коровы и 40 пенсов (в случае потери слуха — 6 коров и 120 пенсов). Закон устанавливает стоимость пальцев рук и ног (2 коровы и 40 пенсов), ногтя (30 пенсов), зуба (корова и 20 пенсов)¹⁰¹.

За три раны, признаваемые Законом опасными, потерпевший получает три фунта на лечение: пробитый череп, проникающая рана на туловище и перелом одной из четырех конечностей. Закон устанавливает и стоимость лечения: с перевязкой — 24 пенса, с мазью — 12 пенсов, травами — 4 пенса. На питание и освещение лекарю ежедневно полагается по пенни соответственно¹⁰².

Закон требует компенсации вреда в случае, если шрам на ноге (30 пенсов), руке (60 пенсов) или лице (120 пенсов) заметен. Каждая сломанная кость стоит 20 пенсов, при условии, что она не считается мелкой (проверка производится с помощью медной чаши, путем бросания в нее осколка: если звук слышим — повреждение подлежит компенсации). Довольно интересно рассчитывается компенсация за вырывание волос: пенни за каждый палец, вырывавший их и 2 пенса — за большой палец. Затрещина влечет выплату 24 пенсов и, разумеется, выплату “sarhaed”.

Закон особо оговаривает, что компенсация вреда здоровью не зависит от статуса потерпевшего и одинакова для короля и виллана¹⁰³. Таким образом, в вопросах регулирования данной области уголовного права валлийское право вновь демонстрирует свойственное ему сочетание варварства и изящества.

Среди имущественных преступлений наибольшее внимание в Законе уделяется кражам и поджогам. Доказанная кража имущества стоимостью выше четырех пенсов наказывалась смертной казнью, менее четырех пенсов — продажей вора¹⁰⁴. Для того имущества, которое не имеет точно установленной Законом стоимости, допустима оценка с помощью клятвы собственника. В случае отсутствия прямых улик, обвиняемый в краже, равно как и его соучастники, должны подвергнуться компургации, причем число присягающих зависит от стоимости похищенного имущества. Так, например, обвинение в краже лошади снимается присягой двенадцати человек, половина из которых назначается, а другая половина выбирается из близких родственников — плательщиков “galanas” в соотношении две трети — из рода отца и одна треть — из рода матери. Не очистившийся от обвинения в краже должен был заплатить 7 фунтов штрафа. В случае отсутствия возможности заплатить он мог быть изгнан, но не лишен жизни. Описываемая в Законе процедура напоминает облихование¹⁰⁵. Осужденный на изгнание из страны должен был покинуть ее в установленный лордом срок, в противном случае он мог быть казнен.

Поймавший вора с поличным, но отпустивший его из соображений родства или выгоды, должен был заплатить 7 фунтов или быть изгнан как вор. За-

метим, что данное правонарушение не признается соучастием, и карается значительно серьезнее, ибо соучастники вора только платят “dirwy” размером в 3 фунта.

Потерпевший, вне зависимости от того, какое наказание было назначено вору, должен был получить компенсацию. Закон особо указывает на то, что за приговоренного к смерти не выплачивается “galanas”. А на его имущество нет права ни у кого, кроме наследников. Более того, лорд, приговоривший к смерти вора, утрачивал право на получение “ebediw” (обязательного платежа землевладельцу после смерти держателя)¹⁰⁶.

Закон отделяет тайное хищение от грабежа (захват имущества против воли владельца). При этом грабеж, в отличие от кражи, не карался смертной казнью, ограбленному выплачивался “sarhaed”, согласно его статусу, а лорду — стандартный штраф “dirwy”¹⁰⁷. Особым видом хищения признается мародерство, ибо совершившие его защищались «правом войны» и не могли быть лишены жизни¹⁰⁸. Мелкие кражи (такого имущества, как собаки, птицы и пр.) не влекли за собой иных мер, кроме выплаты наименьшего из штрафов “samlwrw” и компенсации стоимости похищенного владельцу.

Среди хищений Закон выделяет и невиновное — в том случае, когда имущество было взято по ошибке, вместо другой вещи. Недоразумение не влекло за собой никаких иных выплат, кроме возмещения владельцу¹⁰⁹. Не привлекались к ответственности совершившие хищения продовольствия в состоянии крайней нужды¹¹⁰. От ответственности также освобождались женщины в случае пособничества мужьям,

ибо их действия в данном случае не признавались самостоятельными¹¹¹.

Предметом особого регулирования были имущественные преступления, совершенные несвободными. В случае первой кражи, совершенной рабом, господину предписывалось заплатить 120 пенсов, вторая кража влекла за собой выплату размером в фунт, третья — отсечение конечности или смерть раба¹¹².

В случае обнаружения краденого имущества в доме, не сумевший очиститься от обвинений хозяин, подвергался разграблению, а если нечего было разграбить, изгонялся. Дом, в котором была обнаружена краденая собственность, считался нечистым со всем, что там находилось, за исключением поклаж, ибо собственник поклажи не должен был пострадать.

Значительный по объему материал в Законе посвящен пожарам. Поджог карался смертной казнью¹¹³. Соучастники поджигателя несли имущественную ответственность перед потерпевшим вместе с главным виновным. Так, раздувший огонь должен был выплатить половину ущерба, причиненного пожаром¹¹⁴.

Закон предусматривает целый ряд мер противопожарной безопасности, нарушение которых влекло за собой материальную ответственность. Так, например, выжигание участков, поросших вереском, разрешалось только в марте, пожары, возникшие вследствие этого в другое время, влекли за собой выплату компенсации за сторевшее имущество. Закон устанавливал даже точные расстояния, на которых должны были располагаться кузни и бани по отношению к жилым домам. Соблюдение мер противопожарной

безопасности исключало виновность в случае пожара и освобождало от ответственности¹¹⁵.

Важнейшим вопросом, затрагиваемым валлийским правом, является доказывание совершения преступления обвиняемым. Закон знает процесс «в закличь»¹¹⁶. Весьма интересно в Законе представлена процедура свода, направленная на отыскание недобросовестного приобретателя имущества, признаваемого краденым. Заметим, что свод, то есть серия очных ставок, продолжался только до третьего лица¹¹⁷. В современных Закону английских источниках норма о своде до третьего лица не встречается. Зато подобную норму можно найти в Пространной редакции Русской правды и в шведском Вестгёталаге.

К числу судебных доказательств следует отнести поличное. Так, обнаружение краденого имущества в чьих-то руках или в доме было безусловным основанием для предъявления обвинения¹¹⁸. Свидетельские показания признавались одним из главных способов доказывания вины. В Законе упоминается даже «ссылка из виноватых», когда расхождение показаний обвиняемого и выбранного им свидетеля влекли за собой признание его виновным¹¹⁹.

Важным судебным доказательством признавалась присяга. Именно порядку принесения разного вида присяг Закон уделяет особое внимание. Подробно описаны правила принесения присяги по поводу доказывания законности владения имуществом: клятва по поводу неживого имущества приносится с возложением левой руки на спорную вещь, и правой руки — на реликвии, по поводу животного — с возложением левой руки на правое ухо животного и правой руки — на реликвии, а также правой руки

ответчика на левое ухо животного¹²⁰. Заметим, что письменные доказательства в Законе не упоминаются. Наличие писаного права не означало отказа от устной традиции судопроизводства.

В Законе Хауэла Доброго есть специальный подраздел о «девяти языках», то есть девяти исключениях из правила «один свидетель — не свидетель». Закон требует доверять показаниям лорда в случае спора между двумя его людьми, настоятелю при споре между двумя монахами, отцу при споре между двумя его сыновьями, поручителю и дарителю в спорах об имуществе, девице по поводу ее невинности, пастуху в случае нанесения вреда животными, вору, приговоренному к смерти, указывающему на поделника. К этой же категории отнесен судья, за которым остается последнее слово в случае несогласия одной из сторон относительно его решения.

Замечательно, что столь древний документ, как Закон Хауэла Доброго, совсем не упоминает ордалий. Испытания железом или водой как виды божьего суда, очевидно, широкого распространения в этом регионе не получили. Вполне вероятно, что этот вид судебных доказательств не применялся в Уэльсе к моменту записи Закона.

Очевидно, что компенсационные выплаты за причинение вреда в валлийском праве превалируют над наказаниями. Это может объясняться относительной слабостью государственной власти с одной стороны, и устойчивостью правовой традиции — с другой, ибо даже усиление власти валлийских принцев в XII—XIII вв. не привело к изменениям норм. Более того, на протяжении столетий после завоевания и введения английских норм уголовного права, валлийские обы-

чай, связанные с выплатами компенсаций, продолжали применяться на практике.

Примечания

- ¹ Brut. P. 6—7.
- ² The Annales Cambriae. P. 17—18.
- ³ Thornton D.E. The death of Hywel Dda // Welsh History Review. 2001. Vol. 20. № 4. P. 749.
- ⁴ Brut. P. 6.
- ⁵ Brut. P. 7.
- ⁶ Codex Diplomaticus aevi Saxonici. P. 296.
- ⁷ Kirby D.P. Hywel Dda: Anglophile? / Welsh History Review. 1976. Vol. 8. № 1. P. 1—13.
- ⁸ The Law of Hywel Dda. P. 1.
- ⁹ Beaujouan G. The Transformation of the Qudrivium // Renaissance and Renewal in the Twelfth Century / Ed. by R.L. Benson, G. Constable, C.D. Lanham. Toronto, 1991. P. 483.
- ¹⁰ Pryce H. The Context and Purpose of the Earliest Welsh Lawbooks // Cambrian Medieval Celtic Studies. 2000. Vol. 39. P. 40.
- ¹¹ Валлийское “brenin” в текстах соответствует латинскому “rex”, а “tywysog” — латинскому “princeps” (в английском переводе — “prince”). Впервые титул “princeps” был присвоен Овайном Гвинедским (ум. 1170 г.), далее Гвинедские правители, как правило, пользовались именно этим титулом.
- ¹² Emanuel H.D. The Welsh Texts of the Law // Welsh History Review. 1963. P. 19—32.
- ¹³ Pryce H. The Context and Purpose of the Earliest Welsh Lawbooks. P. 43.
- ¹⁴ Ibid. P. 57.
- ¹⁵ Ibid. P. 51.
- ¹⁶ The law of Hywel Dda. P. 5.
- ¹⁷ Ibid. P. 6.
- ¹⁸ Ibid. P. 41.
- ¹⁹ Cichon M. Insult and Redress in Cyfraith Hywel Dda and Welsh Arthurian Romance // Arthuriana. Vol. 10. № 3. P. 27—43.
- ²⁰ The Law of Hywel Dda. P. 7.

- ²¹ Ibid. P. 9.
- ²² Ibid. P. 17.
- ²³ Ibid. P. 38.
- ²⁴ Ibid. P. 131.
- ²⁵ Ibid. P. 132.
- ²⁶ Ibid. P. 47.
- ²⁷ Ibid. P. 47.
- ²⁸ Ibid. P. 55.
- ²⁹ *Watt D. Medieval Women in Their Communities.* Cardiff, 1997. P. 36.
- ³⁰ *The Law of Hywel Dda.* P. 59.
- ³¹ Ibid. P. 49.
- ³² Ibid.
- ³³ Ibid. P. 45.
- ³⁴ Размер определяется статусом отца женщины.
- ³⁵ *The Law of Hywel Dda.* P. 53.
- ³⁶ Ibid. P. 46.
- ³⁷ Ibid. P. 46.
- ³⁸ Ibid. P. 53.
- ³⁹ Ibid. P. 48. Согласно валлийской «Хронике принцев» жена принца Лливелина ап Йорверта Джоан в 1230 г. была обвинена в измене, ее любовник Уильям де Браоз был казнен принцем, однако расторжения брака не последовало, несмотря на доказанность факта измены. Джоан была незаконнорожденной дочерью короля Иоанна Безземельного, и ее роль в сложном процессе выстраивания отношений с английской короной была очень значительной.
- ⁴⁰ Ibid. P. 58.
- ⁴¹ Ibid. P. 59.
- ⁴² *Pryce H. Native Law and the Church in Medieval Wales.* Oxford, 1993. P. 83.
- ⁴³ *The Law of Hywel Dda.* P. 131.
- ⁴⁴ Ibid. P. 45. Следует заметить, что Закон здесь говорит только о сыновьях.
- ⁴⁵ Ibid. P. 51.
- ⁴⁶ Ibid. P. 53.
- ⁴⁷ Ibid. P. 58.
- ⁴⁸ Ibid. P. 57.
- ⁴⁹ Ibid. P. 58.
- ⁵⁰ Ibid.
- ⁵¹ Ibid. P. 133.
- ⁵² Ibid. P. 52.

- ⁵³ *Ward J. Women in England in the Middle Ages*. N.Y., 2006. P. 14.
⁵⁴ *The Law of Hywel Dda*. P. 51
⁵⁵ *Ibid.* P. 62.
⁵⁶ *Ibid.* P. 60.
⁵⁷ *Ibid.* P.152.
⁵⁸ *Ibid.* P. 129.
⁵⁹ *Ibid.* P. 130.
⁶⁰ *Ibid.*
⁶¹ *Ibid.* P. 131.
⁶² *Ibid.* P. 131.
⁶³ *Ibid.* P. 132.
⁶⁴ *Ibid.* P. 133.
⁶⁵ *Ibid.* P. 135.
⁶⁶ *Ibid.* P. 135.
⁶⁷ *Ibid.* P. 136.
⁶⁸ *Ibid.* P. 137.
⁶⁹ *Ibid.* P. 98.
⁷⁰ *Ibid.* P. 114.
⁷¹ *Ibid.* P. 83.
⁷² *Ibid.* P. 85.
⁷³ *Ibid.* P. 76.
⁷⁴ *Ibid.* P. 72.
⁷⁵ *Ibid.* P. 114.
⁷⁶ *Ibid.*
⁷⁷ *Ibid.* P.115.
⁷⁸ *Ibid.* P.116.
⁷⁹ *Ibid.*
⁸⁰ *Ibid.*
⁸¹ *Ibid.*
⁸² *Ibid.* P. 112.
⁸³ *Ibid.* P. 118.
⁸⁴ *Ibid.* P. 167.
⁸⁵ *Ibid.* P. 141.
⁸⁶ *Ibid.* P. 144.
⁸⁷ *Ibid.* P. 151.
⁸⁸ *Ibid.*
⁸⁹ *Ibid.* P. 153.
⁹⁰ *Ibid.*
⁹¹ *Ibid.* P. 151.
⁹² *Ibid.* P. 143, 156, 169.
⁹³ *Ibid.* P. 146.
⁹⁴ *Ibid.*

- ⁹⁵ Ibid. P. 145.
- ⁹⁶ Ibid. P. 149.
- ⁹⁷ *Maitland F.W. The Laws of Wales. The Kindred and the Blood Feud.* P. 5 // Online Library of Liberty URL: <http://oll.libertyfund.org>.
- ⁹⁸ The Law of Hywel Dda. P. 152.
- ⁹⁹ Ibid. P. 155.
- ¹⁰⁰ *Maitland F.W. Op. cit.* P. 5.
- ¹⁰¹ The Law of Hywel Dda. P. 197.
- ¹⁰² Ibid.
- ¹⁰³ Ibid.
- ¹⁰⁴ Ibid. P. 164.
- ¹⁰⁵ Ibid. P. 158.
- ¹⁰⁶ Ibid. P. 165.
- ¹⁰⁷ Ibid. P. 167.
- ¹⁰⁸ Ibid. P. 166.
- ¹⁰⁹ Ibid. P. 167.
- ¹¹⁰ Ibid.
- ¹¹¹ Ibid. P. 167.
- ¹¹² Ibid. P. 166.
- ¹¹³ Ibid. P. 169.
- ¹¹⁴ Ibid.
- ¹¹⁵ Ibid. P. 170.
- ¹¹⁶ Ibid. P. 160.
- ¹¹⁷ Ibid. P. 163.
- ¹¹⁸ Ibid. P. 160.
- ¹¹⁹ Ibid. P. 164.
- ¹²⁰ Ibid. P. 161.

§ 5

Уэльс после завоевания

Потеря политической независимости не означала полной инкорпорации региона в состав Английского королевства, ибо завоевание не повлекло за собой полной правовой унификации.

Устройство Уэльса после завоевания определялось Валлийским Статутом, принятым в Хритлане 19 Марта 1284 г¹.

Валлийский Статут начал разрабатываться еще до окончательного поражения Лливелина Последнего и присоединения Уэльса. По последнему договору с королем в Аберконви 9 ноября 1277 г. позиции Лливелина были ослаблены, владения его были значительно урезаны, он сохранял титул принца Уэльского, но только пожизненно. Однако в оставшихся в его руках землях продолжало действовать валлийское право — Закон Хауэла Доброго.

Перед Вестминстерской комиссией, назначенной королем Эдуардом I, была поставлена следующая задача: выработать законодательство для присоединенных к короне валлийских земель по итогам войны 1277 г. В этих условиях комиссия назначила Томаса Бека, Реджинальда Грея и Уолтера де Хоптона для сбора информации «у порядочных людей, как валлийцев, так и англичан»² о законах и обычаях, по которым управлялись территории Уэльса. Было решено назначить осо-

бое время и место для этих опросов, а затем доложить королю о результатах в течение трех пасхальных недель 1281 г. Факт такого опроса обычен для средневековой юридической практики, в том числе английской. С одной стороны, это вытекает из особенностей средневекового правового мышления: законы не создаются, а подтверждаются или исправляются от «неправильных наслоений»; с другой стороны, известно, что Вильгельм Завоеватель проводил такого рода опросы на некоторых английских территориях³.

Итоги опроса были следующие: большинство опрошенных (всего было опрошено 172 человека) показали, что на территории деятельности комиссии, английские процедуры уже заменили валлийские⁴. Свидетельства эти едва ли можно признать заслуживающими полного доверия. Опрашиваемые явно опасались давать ответы, которые не соответствовали ожиданиям опрашиваемых. На территориях, где проходил опрос, росло недовольство английским управлением, до последней войны оставались считанные месяцы.

Валлийский статут, строго говоря, был ордонансом, ибо не был парламентским актом, а представлял собой документ, обращенный ко «всем подданным Сноудона и прочих валлийских земель». Статут провозглашал законодательную власть Эдуарда I над Уэльсом, полученную по праву завоевания.

После завоевания Уэльс представлял собой территорию, поделенную на собственно Княжество Уэльс (“*Parcella Principality Walliae*”), разделенное на графства, и графства Марки.

Графства Марки не испытывали прямого влияния законодательства Эдуарда. Они продолжали удерживать свои привилегированные позиции вплоть до

правления Генриха VIII. Статут Эдуарда III закрепил их положение как прямых субъектов Английской короны (а не части Княжества)⁵. Следует заметить, однако, что свободы Марки более не расширялись.

Валлийский Статут состоит из 14 статей. Первая представляет собой преамбулу, указывающую, что Уэльс и его жители были до сих пор подчинены королю в силу феодальных прав, но отныне Уэльс аннексируется и входит в Английское королевство как одна из частей организма⁶.

По Статуту английские королевские чиновники — шерифы, бейлифы, коронеры, как часть системы графств, появились в Уэльсе. Статьи II, III, IV, V определяют обязанности королевских чиновников. В статье II «Устав судебной власти, деление по графствам и назначение чиновников» указано, что судьи Сноудона должны отправлять правосудие в Сноудоне и других землях короля в Уэльсе, обязаны судить по предписаниям короля и нижеследующим законам⁷. Согласно статье III, шериф (статут предусматривает должности шерифов Англси, Карнарвона, Мерионета, и Флинта) ежемесячно собирает суд Графства (County Court) для рассмотрения гражданских тяжб и уголовных дел. Статут содержит целый ряд процессуальных норм, регламентирующих работу суда при рассмотрении гражданских (согласно обычаю Уэльса) и уголовных дел⁸. В статье III кратко описан процесс по делам об убийствах, ранениях, изнасилованиях, поджогах и грабежах, ибо он отличался от того, что был предусмотрен Законом Хауэла Доброго.

Два раза в год, первый раз после праздника Св. Михаила, второй — после Пасхи, шериф должен был объезжать коммоты, и все свободные держатели земли, простые держатели и просто живущие в коммоте (за ис-

ключением клириков и женщин) должны были явиться (статья IV «Объезд»)⁹. Коммот является древней валлийской административной единицей. Несколько коммотов образуют кантреф. Такое деление страны просматривается уже в Законе Хауэла Доброго и сохраняется до конца средневековья. Во время объезда шериф должен был собрать сведения о правонарушениях разного рода: от измен и убийств до мелких краж и неуплаты штрафов. Двенадцать или более «наиболее благоразумных и законопослушных свободных держателей» по выбору шерифа должны были составить жюри, выносившее вердикт по перечисленным в Статуте делам. Шерифу было предписано в кратчайшие сроки принять меры к задержанию преступников и исполнению приговоров.

Хритланский статут вводил английское уголовное право в Уэльсе, сохранив валлийское вещное, обязательственное и наследственное с некоторыми изъятиями. Много внимания Статут уделяет вопросам держаний как наиболее значимым в средневековом обществе. Иски о земле рассматривались по предписаниям (“writ”) «О незаконном лишении права владения» и о «Наследстве».

Очень важными являются последние статьи Статута, посвященные наследственному праву. Статья XII посвящена вдовой части наследства. По Закону Хауэла Доброго права женщин определялись ее семейным положением: вдова получала оговоренную в законе долю в имуществе супруга, при условии, что прошло семь лет и трое суток после заключения брака. Женщины в Уэльсе никогда не наследовали землю, «вдовья доля» была впервые введена именно Валлийским статутом.

В XIII статье регулировался вопрос раздела недвижимого имущества при наследовании. Эдуард I со-

хранил, хотя и не без изъятий, валлийский обычай. По валлийским законам наследство делилось поровну между всеми сыновьями, в том числе незаконнорожденными. Незаконнорожденность в Уэльсе не была препятствием для наследования имущества или власти, о чем есть специальное указание в Законе Хауэла Доброго. Это коренным образом отличалось от английского наследственного права. В статье говорилось, что в Уэльсе, как это ведется с незапамятных времен, наследство должно делиться между сыновьями так, как они пожелают. Исключения были сделаны для бастардов, которые впредь не могли получать долю наследства даже при отсутствии законных сыновей, и для женщин, получающих все наследство, в случае отсутствия наследников-мужчин, «несмотря на то, что это противоречит обычаю Уэльса»¹⁰.

Английское господство было для валлийцев порой даже менее обременительным, чем режим Лливелина Последнего. Перемены оказались не столь значительными, но сам факт завоевания оставил глубокий след в сознании народа. Валлийцы более чем когда-либо стали обращаться к пророчествам как к источнику надежды. В таком глубоко традиционном обществе, как валлийское, невнимание к праву и обычаю создавали накаленную атмосферу. Многие претензии валлийцев были преувеличены, но положение покоренного народа приводило к тому, что ответственность за все проблемы возлагалась на английское управление.

Должности в центральном управленческом аппарате, как правило, замещались англичанами, а на местах — валлийцами. Эдуард понимал, что валлийцами лучше управляют сами валлийцы (здесь, видимо, использовался опыт Марки). Типичными предста-

вителями нового валлийского чиновничьего класса были сэр Гриффит ап Рис или сэр Гриффит Ллойд, потомок Эднэведа Вэхана, который в разное время назначался шерифом всех графств северного Уэльса, командовал войсками в нескольких случаях и был лидером королевской партии в Уэльсе в тяжелые времена царствования Эдуарда II. Разумеется, потомки знатных валлийских семейств играли ключевую роль во всех валлийских событиях в XIV в.

Но у новых отношений была и еще одна сторона — военная. Чтобы свести к минимуму риск восстания, Эдуард планировал создать систему замков. Некоторые были построены на периферии Гвинеда после валлийской кампании 1276—1277 гг., теперь же следующая группа была возведена в самом княжестве. Эти замки являются одними из лучших памятников средневекового военного строительства в Европе: все они сооружены с учетом местных особенностей, географического положения и рельефа, и практически все могли быть освобождены с моря в случае осады, вокруг них селились английские переселенцы, там постепенно образовывались крупные центры торговли.

Первое восстание, с которым пришлось столкнуться Эдуарду I, произошло через несколько лет после завоевания и явилось совершенно неожиданным. Рис ап Мередит, лорд Эстрад Тэуи, был последним из тех, от кого можно было ожидать восстания, ибо он являлся единственным из крупных валлийских лордов воевавшим на стороне Эдуарда в последней войне. Договор в Монтгомери 1267 г. сохранял вассальную зависимость отца Риса, Мередита непосредственно от короля, в то время как все остальные валлийские лорды были при-

знаны Генрихом III вассалами принца Лливелина. Когда король выступил против принца в 1276 г., Рис ап Мередит как вассал короля держал его сторону, но не получил обещанных ему земель¹¹. Когда разразилась война в 1282 г., Рис вновь остался верным королю. Его шпионы выследили Гриффита ап Мередита аб Овайна и его брата Кинана. В награду за сотрудничество он получил принадлежащие им коммоты¹². И все же Рис ап Мередит, несмотря на все милости короля, не получил главную награду, на которую рассчитывал — родовую резиденцию Лорда Риса замок Диневур¹³. К 1286 г. отношения Риса с королевской администрацией резко ухудшились из-за чрезмерного давления. Рис ап Мередит был вовлечен в несколько судебных тяжб по поводу спорных владений и, проиграв, обвинил английские власти в злоупотреблениях и несоблюдении валлийского обычая. Король принял все меры для того, чтобы конфликт был погашен. Однако избежать восстания не удалось. Рис очень рассчитывал на королевскую благосклонность после стольких лет службы, но, притесняемый новой администрацией, он восстал¹⁴. При этом, судебная причина восстания и современниками, и исследователями признается лишь поверхностной, суть конфликта могла быть гораздо глубже.

Первый удар Риса был нанесен по Лландовери, где замок был взят 8 июня 1287 г. Там Рис не задержался: вскоре он обрушился на Диневур и Каррег Кеннен. Через несколько дней восставшие опустошили коммот Эстлуйв¹⁵. Сразу после начала восстания англичанами были приняты меры по обороне. Передвижения Риса ап Мередита неизвестны, а его молниеносные удары по замкам и городам юго-западного Уэльса создают впечатление, что он метался от

места к месту, скрываясь в лесах и на болотах. Урон от погромов и грабежей, наносимый силами Риса, побудил большое количество валлийцев присоединиться к английской армии. В начале августа Эдмунд, граф Корнуэл, руководивший кампанией, направился к замку Дрэслуйн, где находился повстанец¹⁶. Трудно установить точную дату капитуляции замка, но известно, что Рис избежал пленения, а большинство его приверженцев заключили мир с победителями. Все замки, захваченные Рисом в первые дни восстания, были возвращены, и даже его оплот замок Эмлен перешел в руки англичан. Казалось, что восстание закончилось, хотя бунтовщик все еще был на свободе. Граф Эдмунд не настаивал на продолжении военных действий до пленения Риса ап Мередита и вернулся в Англию с результатом, явно не соответствующим количеству потраченных на кампанию денег.

В начале ноября 1287 г. мятежник подошел к замку Эмлен, построенному его отцом, и захватил его¹⁷. Это послужило сигналом к возобновлению восстания. Осада замка Эмлен англичанами началась только в январе, а во второй половине января замок был взят¹⁸. Но Рис вновь избежал плена, хотя многие из его сторонников были перебиты. С этого момента главной задачей стал захват лидера восстания, с этой целью 25 января отряд валлийцев направился на поиски мятежника в лесах Эстрад Тэуи¹⁹. Из местного населения были взяты заложники, которые не могли быть освобождены, пока Рис ап Мередит, за голову которого было назначено вознаграждение, не будет пойман. Несмотря на слухи о подготовке Рисом нового выступления и постоянные предупреждения лордов Марки и констеблей замков о соблюдении мер по обеспечению безопасности, было ясно, что восстание окон-

чено. Несколько заложников обязались захватить Риса живым или мертвым или быть казненными. Сам же Рис готовился отплыть в Ирландию. Появились слухи, что граф Глостер обещал ему убежище до возвращения короля из Франции. Примечательно, что эти слухи были всерьез восприняты властями, и лордам Гауэра и Кидвелли было приказано поручиться, что Рис не найдет убежища в их владениях²⁰. Сторонники Риса получили прощение короля 6 ноября 1290 г., а сам он был пойман 2 апреля 1292 г. его же людьми²¹. Рис ап Мередит был отправлен в Англию в оковах, а 2 июня 1299 г. в Йорке признан виновным в убийствах, поджогах, грабежах и разрушениях королевских замков, приговор о его повешении был приведен в исполнение в тот же день²². Сын бунтовщика Рис был схвачен в 1297 г. и провел в тюрьме более сорока лет. Менее печальная участь постигла вдову Риса ап Мередита, Аду (сестру Джона де Гастингса), которая сохранила все свои владения²³.

Восстание Риса ап Мередита обычно расценивают как локальное выступление недовольного лорда, притесняемого английской администрацией, несмотря на его заслуги перед королем. Восстание было подавлено с помощью валлийцев, и пленили мятежника валлийцы, однако оно явно демонстрирует напряженность в Уэльсе после завоевания.

Английские власти едва ли извлекли уроки из этого восстания, а административное и финансовое давление на Уэльс только возросло. В январе 1291 г. Эдуард издал приказ о новых сборах для выплаты долгов²⁴. Это вызвало недовольство, подпитываемое другими, вполне обоснованными претензиями. В связи с гасконской кампанией, король сократил гарнизоны нескольких ключевых замков, а также объявил

о наборе пехоты в Уэльсе. Новое восстание разразилось в день сбора новобранцев, отправлявшихся в Гасконь, 30 сентября 1294 г.²⁵

Восстание 1294—1295 гг. было гораздо серьезнее предыдущего, оно охватило почти всю страну — королевские земли на севере и юге, обширные территории Марки, включая Гламорган, Брекон, Дэффрин Клуид. На севере повстанцев возглавил Мадог ап Лливелин, член младшей ветви династии Гвинеда, на юго-востоке — другой принц, Морган ап Мередит, из династии Махен и Кайрлеон²⁶. Кинан ап Мередит и Майлгун ап Рис восстали в Дехейбарте,²⁷ лидеры, происходившие из древних династий, появились также в Бреконе и Кардиганшире. Цели восставших зависели от места действия. В Гламоргане восстание было направлено против политики графа Глостера, Жильбера, это выступление описано как «война против Графа»²⁸. По мнению большинства исследователей, это было типичное антианглийское восстание. Народный гнев нашел выход в убийствах таких английских чиновников, как заместитель юстициария южного Уэльса Джеффри Клемент, уничтожении записей, в атаках и захватах замков (среди которых Карнарвон, Денби, Ритин, Хаварден, Моралис). Восстание нанесло серьезный ущерб практически во всех районах Уэльса, о чем свидетельствуют петиции королю²⁹. Национальный характер этого восстания подчеркивается тем, что один из лидеров, Мадог ап Лливелин принял титул принца Уэльского³⁰.

Восстание застало Эдуарда врасплох, но карательная экспедиция не заставила себя долго ждать. Как и в предыдущих кампаниях, для приведения Уэльса к покорности были подготовлены три армии. Основными военными базами стали: Честер на севере, Монтгоме-

ри в центральном Уэльсе, Брекон и Кармартен на юге³¹. О серьезности восстания свидетельствует присутствие самого короля, которому пришлось оставить на время руководство военной кампанией во Франции³². Осажденные замки Крикиет, Харлех, Абериствит были довольно скоро освобождены³³. Зимняя погода и успешная партизанская тактика валлийцев продержали короля запертым в замке Конвей с января по март 1295 г.³⁴ Но с приходом весны восставшие быстро сдали свои позиции. Граф Херефорд одержал несколько блестящих побед на юго-востоке, Кинан ап Мередит был взят в плен и затем казнен, Майлгун ап Рис был убит; граф Уорик нанес сокрушительное поражение Мадогу ап Лливелину (за голову которого было назначено вознаграждение в 500 марок³⁵) при Майс Мойдог 5 марта³⁶. В начале апреля король покинул Конвей, что стало успехом не меньшим, чем военная победа. В июне Эдуард сообщил графу Эдмунду о том, что восстание в Кардигане, Кармартене, Эзравере, Буэлте подавлено, Морган ап Мередит, возглавивший мятежников в Гламоргане, покорился королю, и что он надеется на скорое умиротворение княжества³⁷.

События 1294—1295 гг. показали, что валлийцы не имели ни сил, ни ресурсов, чтобы поддерживать восстание, а Эдуард I еще раз продемонстрировал свое военное и политическое искусство, не только подавив серьезное восстание, но и воспользовавшись им как предлогом для последующего подчинения территорий Марки. Восстание повлекло за собой массу проблем: король вынужден был провести восемь месяцев в Уэльсе в весьма напряженный период своего царствования, стоимость кампании (55000 фунтов) и восстановительных работ привели к финансовому кризису³⁸.

Почти 200 заложников были взяты с королевских земель на севере и юге и посланы в разные замки в Англии, подобные меры были приняты и лордами Марки; тяжелые штрафы и обязательства были наложены на валлийские общины в качестве страховки от будущих восстаний. В Гламоргане 500 марок было выплачено за восстановление права и обычаев³⁹, в Озвестри и Йале лорды использовали восстание как предлог для захвата лесов и пустошей. Практика управления Уэльсом через отсутствующих чиновников была пересмотрена, юстициарием северного Уэльса стал Джон Хэверинг, причем он получил особое указание «заменить короля там» (позже он стал контролировать все королевские земли в регионе)⁴⁰. Эдуард решил, что строительство замков в Уэльсе должно быть продолжено. В апреле 1295 г. началось грандиозное по масштабу и темпам строительство замка в Бомарисе, в это же время проводились восстановительные работы в замках, наиболее пострадавших от восстания⁴¹. Английские лорды в Уэльсе вынуждены были следовать примеру своего короля. Руководители восстания были наказаны не столь сурово, как Рис ап Мередит: Мадог ап Лливелин после капитуляции в июле был взят в плен и остаток жизни, очевидно, провел в Тауэре, а Морган ап Мередит был прощен⁴².

Восстание наложило серьезный отпечаток на англо-валлийские отношения: в глазах англичан валлийцы были вероломными и недостойными доверия людьми.

В 1301 г. старший сын Эдуарда I получил титул принца Уэльского. По преданию валлийцы попросили у Эдуарда I в правители человека, рожденного в Уэльсе и не говорящего по-английски, и он выбрал своего новорожденного сына. Эдуард II Карнарвонский, родившийся в Уэльсе, почти всегда находил

поддержку среди валлийцев в период своего царствования. В начале XIV в. валлийцы впервые со времени завоевания стали занимать ключевые посты в королевских административных органах в Уэльсе. Однако проблем не уменьшилось, о чем свидетельствуют петиции, представленные королю в Кеннингтоне в 1305 г.⁴³ и в Линкольне в 1316 г.⁴⁴

В царствование Эдуарда II было принято два ордонанса (1315—1316 гг.), касавшихся жалоб населения Уэльса на злоупотребления королевских чиновников. В преамбуле «Ордонанса относительно обычаев Западного Уэльса и Южного Уэльса» указано, что от имени жителей Южного и Западного Уэльса на парламенте в Линкольне были внесены некоторые жалобы, касающиеся деятельности администрации, а настоящий ордонанс является реакцией на эти жалобы. В документе подчеркивается особое отношение короля к стране, в которой он родился: «Мы, намереваясь покончить с чрезмерным недовольством и желая даровать милость нашим подданным, ибо Мы родились в Уэльсе...»⁴⁵. Ордонанс касается старых валлийских обычаев “amobragium” (“amobr”), “westva” (“gwestfa”), которые после прихода англичан стали поводом для вымогательств. Заключение брака обязательно сопровождалось уплатой лорду особой пошлины (“amobr”), размер которой определялся статусом отца невесты. Ордонанс указывает, что “amobr” взимается лишь в тех случаях, в которых он взимался при валлийских принцах⁴⁶. “Gwestfa” — это платеж, вносимый вместо утешения, которое по обычаю валлийцы должны были предоставлять своему господину. Ордонанс установил его точный размер: корова или пять шиллингов, указывая, что бейлиф не может взыскивать более⁴⁷.

Ордонанс особо указывает, что «иски относительно договоров между валлийцами и деликтов, совершенных валлийцем против валлийца, подаются на валлийском языке и решаются по валлийскому закону»⁴⁸. В том случае, когда возникает дело между валлийцем и англичанином, дознание должно было проводиться смешанным англо-валлийским составом. Ордонанс заканчивается традиционной формулой: «Мы желаем, чтобы указанное строго соблюдалось, а за несоблюдение наши бейлифы и чиновники были строго наказаны...»⁴⁹. «Ордонанс относительно обычаев Северного Уэльса» был принят одновременно с первым и похож на него. Этот документ временно (на три года) разрешает свободное отчуждение земель, запрещаемое валлийским правом⁵⁰. Эти акты несколько расширили полномочия бейлифов, что способствовало сглаживанию проблем в отношении валлийского населения и английской администрации в регионе, ибо должности бейлифов почти всегда замещались валлийцами. Ордонансы Эдуарда II завершили законотворческую деятельность его отца в отношении Уэльса. Не выходя за границы Статута, они снизили напряженность в регионе, демонстрируя готовность короны прислушиваться к подданным.

Но в 1315—1317 гг. Уэльс вновь стоял на грани крупномасштабного восстания. Одной из непосредственных причин был голод. Но главной причиной — успех Эдуарда Брюса и его шотландских войск в Ирландии летом 1315 г. Угроза шотландского вторжения в Уэльс казалась реальной, идея союза кельтов против Англии, столь часто появляющаяся в валлийских пророчествах, могла быть претворена в жизнь. Автор “*Vita Eduardi Secundi*” сообщает, что «Роберт Брюс направил

своего брата Эдуарда в Ирландию, чтобы поднять там восстание против Англии и подчинить страну своей власти. А еще был слух, что, достигнув желаемого там, он мог отправиться в Уэльс, чтобы поднять валлийцев на восстание против короля, ибо эти народы легко встают, так как несут ярмо рабства неохотно и проклинают власть англичан»⁵¹. Власти в этой ситуации готовились к отражению не только внешней опасности, но и внутренней. Опасения властей относительно лояльности валлийцев обусловили приказ об укреплении замков и повышении обороноспособности гарнизонов, а также назначение комиссии для рассмотрения заявлений о притеснениях валлийцев королевскими чиновниками⁵². В этой связи в конце октября 1315 г. в Исконный Уэльс были отправлены Филипп ап Хауэл, Рис ап Хауэл и Джон Вэлвэйн, которые имели полномочия не только санкционировать расходы по обороне земель, но и вести переговоры с людьми северного Уэльса по неким секретным вопросам, доверенным им королем (причем «не беспокоя валлийцев»), им было приказано также встретиться с Гриффитом Ллойдом, одним из наиболее влиятельных людей в северном Уэльсе⁵³.

Несмотря на встречу валлийских лордов с королем в Клипстоне и Линкольнский парламент, где рассматривались валлийские претензии, в Гламоргане восстания избежать не удалось. Причины восстания Лливелина Брена, разразившегося в Гламоргане в январе-марте 1316 г., сложны и требуют рассмотрения предпосылок, касающихся как самого лидера, так и общества в целом. Безусловно, важным фактором стал голод после неурожайного 1315 г., но главная причина связана с гибелью графа Глостера в 1314 г. и передачей его неразделенного наследства под королевскую опе-

ку (граф Гилберт де Клер не оставил наследников). За этим последовало обострение отношений между валлийцами и представителями королевской администрации, которые игнорировали сложившиеся традиции. Гламорган в этот период пережил два восстания: первое, очевидно, произошло сразу после смерти графа в 1314 г., а второе — спустя два года. Оно было связано с именем Лливелина Брена, державшего поместье в Сенгенет. Возможно, Лливелин Брен был сыном Гриффита ап Риса, последнего валлийского лорда Сенгенета. Автор “*Vita Eduardi Secundi*” указывает, что Лливелин считался очень влиятельной фигурой в обществе⁵⁴. Учреждение королевского манора было небезопасным для Лливелина, так как большая часть его владений не являлась наследственной собственностью и зависела от милости лорда, а после смерти графа Глостера ненадежность положения Лливелина стала очевидной. Действия вновь назначенных королевских чиновников вызывали опасения валлийцев. Непосредственной причиной выступления стал конфликт Лливелина с Пэйном де Турбёрвиллем. Ужесточение налоговой политики привело к тому, что власти оказались в состоянии конфронтации не только с представителями валлийской аристократии, но и с обществом Гламоргана в целом. 28 января 1316 г., т.е. после заседания парламента в Линкольне, на которое Лливелин Брен не явился, несмотря на вызов, в Гламоргане вспыхнуло восстание.

Лливелин Брен начал свою кампанию с атаки на замок Кайрфилли⁵⁵. Несмотря на столь пристальное внимание к Гламоргану, восстание стало неожиданностью для короля. Выступление, начавшееся в Сенгенете, поддержали жители Блайнай Морганног. Первые контрмеры король предпринял 6 февраля: Уильям де Монтею и

Хью де Одли были назначены командовать кавалерией в Гламоргане, Хамфри де Бохун, граф Херефорд, стал командующим всех сил, направленных против повстанцев, к нему вскоре присоединились Роджер Мортимер из Чирка, Роджер Мортимер из Вигмора, Генрих Ланкастер, лорд Монмута, Джон де Гастингс, лорд Абергавенни, и другие⁵⁶. Войска были набраны в Глостере, во время восстания княжество обеспечивало поддержку королевской армии (королем были сделаны значительные уступки, чтобы избежать возможных осложнений).

Лливелин не смог достичь сколько-нибудь значительных успехов, и вскоре его войска отступили в горные районы. Центром валлийского сопротивления стал Сенгенет. Английские войска подошли к нему с двух направлений. Граф Херефорд и Мортимеры собрали свои силы на юге Брекона, Уильям де Монтегю направлялся из Глостера через Монмут в Кардифф в сопровождении сил Генриха Ланкастера и Джона де Гастингса и к 6 марта прибыл туда⁵⁷. Королевская армия, насчитывавшая 150 всадников и 2000 пехотинцев, 12 марта оставила Кардифф и двинулась к замку Кайрфилли. По пути войска столкнулись с восставшими, укрепившимися на Черной горе (хребет, который пересекает дорогу между Кардиффом и Кайрфилли)⁵⁸. Преодолев сопротивление валлийцев, они освободили замок, а затем вернулись в Кардифф. 18 марта 1316 г. Лливелин Брен капитулировал. Граф Херефорд убедил Эдуарда II не принимать жестких решений по отношению к Лливелину без его совета⁵⁹; 26 марта король приказал заключить Лливелина вместе с женой и сыновьями в Тауэр⁶⁰. В это же время Уильям де Монтегю, Генри де Пенбридж и Роберт де Грендон были уполномочены провести расследование в Гламоргане, результаты которого свидетельствуют о

том, насколько широкой была поддержка, оказываемая Лливелину. В списке людей, принимавших участие в восстании, оказались жена Лливелина Ллайки, его сыновья Гриффит, Джон, Дэвид, Роджер и Майриг, а также Лливелин ап Мадог ап Хауэл, потомок валлийских лордов Сенгенета, Хауэл аб Ивор аб Йоан из Майсгена, Грону ап Рис и Рис Майсген из Нита и Мадог Вэхан из Тир Йарля⁶¹. Все перечисленные, безусловно, пользовались влиянием в валлийском обществе. Уже в августе 1316 г. шерифу Роберту де Грендону было приказано вернуть земли, владельцы которых капитулировали и выплатили штрафы⁶². Лливелин ап Мадог ап Хауэл, заключенный в Тауэре вместе с Лливелином, был прощен в результате заступничества Роджера Мортимера, Мадогу Вэхану и его сыну возвратили их земли. Некоторым из повстанцев пришлось ждать прощения дольше, но большинство из них были вскоре восстановлены в правах. Имущество самого Лливелина Брена было конфисковано после капитуляции. Спустя два года Лливелин по приказу Деспенсера, лорда Гламоргана, был привезен в Кардифф, повешен, обезглавлен и четвертован⁶³. После свержения Эдуарда II сыновья Лливелина Брена вновь получили земли в Гламоргане.

Восстание Лливелина Брена ограничилось Гламорганом и часто расценивается как локальное. Как заметил Б. Смит, оно не имело общеваллийского значения,⁶⁴ однако это восстание не могло быть обособлено от факторов, воздействовавших на весь Уэльс и, без сомнения, оказало значительное влияние на политику английской короны в отношении этого региона. Лливелин Брен, как и Мадог ап Лливелин, включен в плеяду валлийских национальных героев-борцов за освобождение⁶⁵.

Примечания

- 1 The Statutes of Wales / Coll. and arr. I. Bowen. L., 1908.
- 2 The Statutes of Wales. P. XXIX.
- 3 *Пти-Дютайи Ш.* Феодальная монархия во Франции и в Англии X—XIII в.в. М., 1938. С. 16.
- 4 The Statutes of Wales. P. XXX.
- 5 Ibid. P. 30.
- 6 Ibid. P. 2.
- 7 Ibid. P. 3.
- 8 Ibid. P. 4—5.
- 9 Ibid. P. 7.
- 10 The Statutes of Wales. P. 25.
- 11 *Griffiths R.* The Revolt of Rhys ap Merdudd, 1287—88 // Welsh History Review. 1966. Vol. 3. № 2. P. 123.
- 12 Ibid. P. 125.
- 13 Rhys ap Meredudd to the King and Council. 1284—1287 // Calendar of Ancient Correspondence Concerning Wales / Ed. by J.G. Edwards. Cardiff, 1935. P. 97 (далее — САС).
- 14 Brut. P. 121.
- 15 Anales Cambriae. P. 109.
- 16 Edmund Earl of Cornwall to John, Bishop of Ely and Reginald de Grey, Justice of North Wales. Aug. 9. 1287, Carmarthen // САС. P. 47.
- 17 Thomas fitz Walter, Constable of Brecon, to his lord Humprey de Bohun, Earl Hereford and Essex. nov. 4 1287 // САС. P. 159.
- 18 *Griffiths R.* Op. cit. P. 137.
- 19 Ibid.
- 20 Ibid. P. 138.
- 21 Anales Cambriae. P. 111.
- 22 *Griffiths R.* Op. cit. P. 138.
- 23 Ibid. P. 139.
- 24 *Davies R.R.* The Age of Conquest. P. 382.
- 25 Brut. P. 122.
- 26 The Chronicle of Walter of Guisboroughb // Edward I and Wales. Cardiff, 1988. P. 135.
- 27 Brut. P. 122.
- 28 Calendar of Ancient Petition Relating to Wales / Ed. by W. Rees. Cardiff, 1975. P. 217. № 6389 (далее — САР). -
- 29 John de Hastings to the King. 1295 // САР. P. 511.
- 30 The Chronicle of Walter of Guisborough // Edward I and Wales. P. 135.

- ³¹ *Morris J.E.* The Welsh Wars of Edward I. Oxford, 1968. P. 247.
- ³² Brut. P. 122.
- ³³ *Morris J.E.* Op. cit. P. 260.
- ³⁴ Ibid. P. 352.
- ³⁵ John de Havering to the King. 1295 // CAC. P. 508.
- ³⁶ Brut. P. 122.
- ³⁷ King Edward to his brother Edmund. June 7, 1295. Cilsan // CAC. P. 208.
- ³⁸ *Morris J.E.* Op. cit. P. 268—271.
- ³⁹ The men of Morgannwg to the King 1297 // CAP. P. 217.
- ⁴⁰ John Havering to the King. 1295 // CAP. P. 508.
- ⁴¹ *Morris J.E.* Op. cit. P. 267.
- ⁴² *Carr A.D.* Medieval Wales. P. 88.
- ⁴³ CAP. P. 97, 256, 452, 462, 471.
- ⁴⁴ Ibid. P. 92.
- ⁴⁵ The Statutes of Wales. P. 27.
- ⁴⁶ Ibid.
- ⁴⁷ Ibid. P 28.
- ⁴⁸ Ibid.
- ⁴⁹ Ibid.
- ⁵⁰ Ibid. P. 29.
- ⁵¹ *Vita Edwardi Secundi* / Ed. by W.R. Childs Oxford, 2005. P. 107.
- ⁵² No adress. 1315 // CAC. P. 253.
- ⁵³ Ibid. P. 254.
- ⁵⁴ *Vita Edwardi Secundi*. P. 115.
- ⁵⁵ Ibid. P. 117.
- ⁵⁶ Ibid. P. 119.
- ⁵⁷ *Smith J.B.* The Rebellion of Llywelyn Bren // Glamorgan County History. Cardiff, 1971. Vol. III. P. 80.
- ⁵⁸ Ibid. P. 81.
- ⁵⁹ The Earl of Hereford and the Mortimers to King Edward II. Mar. 22 1316 // CAC. P. 68.
- ⁶⁰ *Smith J.B.* Op. cit. P. 81.
- ⁶¹ Ibid. P. 83.
- ⁶² Ibid. P. 84.
- ⁶³ *Smith J.B.* Op. cit. P. 85.
- ⁶⁴ *Smith. J.B.* Edward II and The Allegiance of Wales // Welsh History Review. 1976. Vol. 8. № 2. P. 149.
- ⁶⁵ *Jones C.O.* Compact History of Welsh Heroes. Llywelyn Bren. Llanrwst, 2006; The Revolt of Madog ap Llywelyn. Llanrwst. 2008.

§ 6

Англо-валлийские отношения в XIV в. Движение Овайна Логоха.

Четырнадцатый век обычно считают периодом относительного спокойствия в Уэльсе. Кажется, англо-валлийские отношения наладились и отличались постоянством. Однако этот хрупкий мир не означал, что причины напряженности и трений были устранены. Свидетельство тому индивидуальные и общественные петиции,¹ а также поэтическая традиция. В действительности, валлийские претензии мало отличаются от проблем любого средневекового общества. Суть жалоб составляли размеры налогов, штрафов, вопросы о монопольном праве лордов на леса, пустоши, мельницы и прочее. Леса (пользование строевым лесом, топливом, выпас скота) всегда были причиной конфликтов, поэтому такая реакция на смерть или падение лорда, как разрушение оград вокруг лесных владений, была обычной. Мельницы были еще одним поводом для возмущения, но особенно ненавидимыми являлись сеньориальные пошлины и штрафы за их неуплату. Все это — характерные черты средневекового общества, но в Уэльсе нарастание народного гнева могло стать особенно опасным, ибо это было возмущение завоеванного народа и недовольство оборачивалось против английской администрации.

В период правления Эдуарда III было принято два важных ордонанса относительно Уэльса. Один из них

(1353 г.) запрещает валлийцам под страхом наказания экспортировать шерсть, разрешая вывозить ее только на рынки Англии². Другой (1354 г.) указывает, что все графы Марки должны быть подчинены короне, а не княжеству Уэльс.

Еще одной серьезной проблемой был валлийский обычай, точнее право валлийцев на его использование. Причем этот вопрос имел две стороны: право было символом собственной государственности и традиции, но в ряде вопросов оно уже значительно устарело и являлось сковывающим фактором. В вопросах продажи и отчуждения земли валлийцы стремились освободиться от ограничений валлийского права, запрещавшего полное отчуждение наследственных земель. В начале XIV в. общества северного и западного Уэльса неоднократно обращались к королю с просьбами разрешить использование английского права в вопросах отчуждения земель. Но такие просьбы король регулярно отказывался выполнять, исключая временную уступку 1316 г. Подобное уважение к валлийскому обычаю диктовалось соображениями выгоды: разрешения на отчуждение и штрафы за нарушение были источником сеньориального дохода. Английские лорды оборачивали валлийское право в свою пользу. Это — один из парадоксов позднесредневекового Уэльса: соблюдение валлийского права английскими лордами стало одной из причин трений с валлийским обществом. Такая политика в целом отвечала идее английского превосходства над кельтскими народами. По утверждению Р. Дэвиса: «Нигде так ясно и порой оскорбительно народы не были определяемы своим правом, как в этнически неоднородных обществах, таких, как Ирландия и Уэльс»³. Еще в XII в. Уильям Малмсберийский в труде “Gesta Regum Anglorum”⁴ развил идею

о том, что история Англии представляет собой триумф «цивилизации над дикостью». Уильям Малмсберийский, однако, отходит от традиционного исключительно религиозного содержания термина «варвар» и заменяет его показателями развития культуры, экономики и хозяйства. Теория эта была применена к покоренным христианским народам: валлийцам, ирландцам и шотландцам⁵. Критерии «дикости» изменялись с годами, однако, мнение о валлийцах и других кельтских народах (которые не соответствовали характеристикам «цивилизованности»), а также пренебрежительное и недоверчивое к ним отношение, оставались практически неизменными. Валлийцы на протяжении столетий оставались в сознании англичан «босоногими жуликами», а шотландцы «сбродом в килтах». Обычаи кельтов, включая прическу, манеру одеваться и пищевые пристрастия, также считались признаками дикости.

Следующим непосредственным источником трений, особенно в северном и западном Уэльсе, являлся статус и привилегии английских городов, обладавших торговой монополией. Все эти проблемы усугублялись чувством разочарования и памятью о завоевании и потерях, и это в XIV столетии стало особенно важным фактором. В конце валлийского перевода «Истории бриттов» Гальфрида Монмутского конца XIV в. оплакиваются бедствия наследников бриттов, которые по сей день терпят изгнание и лишения в собственных землях. Эта идеология выросла из валлийской традиции, создававшейся поколениями, а этот период лишь укрепил значение таких мифов. К ним теперь присоединилось универсальное видение истории бриттов, как и у других народов Европы, имевшей троянские корни: там, где заканчивалась Троянская война, начиналась

«История бриттов» Гальфрида Монмутского (XII в.), обеспечивавшая валлийцам убедительную историю вплоть до правления Кадваладра (VII в.). О популярности этого литературного произведения свидетельствуют 12 его сохранившихся копий, сделанных в XIV в. (3 из них были новыми версиями). Дальнейшая история Уэльса содержится в «Хронике принцев». В отсутствие политической независимости индивидуальность валлийцев как народа обосновывалась их видением прошлого. Но видение прошлого было также и видением будущего. История, поэзия и пророчества в средневековом Уэльсе никогда не существовали друг без друга, а особенно после завоевания. Корпус валлийской пророческой поэзии в XIV в. значительно увеличился. Богато украшенная загадочными астрологическими и геральдическими подробностями поэзия содержала повторяющиеся темы, отражавшие стремления валлийцев. Одной из главных тем было ожидание освободителя — сына пророчества (валл. — “*mab darogan*”), причем, особенно важным считалось, чтобы освободитель происходил из рода принцев и его претензии на власть были законными. Два таких освободителя появились в XIV в., и оба имели высокое происхождение и могли претендовать на роль легитимного правителя в глазах валлийцев. Одним из них стал Овайн Логох, последний представитель династии Гвинеда, а другим — Овайн Глендур, потомок династий Дехейбарта и Поуиса. Амбиции этих людей и поэтов, воспевавших их, предполагали не только реставрацию династии, но и создание независимого валлийского княжества. Оба Овайна претендовали на титул принца Уэльского.

Пророчества, артурианская традиция, мессианские ожидания, необходимость законного наследника и на-

циональное единство — все это было важными составляющими политической мифологии Уэльса. Автор “*Vita Eduardi Secundi*”, называя валлийский обычай восставать безумием, отмечал: «Валлийцы, звавшиеся раньше бриттами, когда-то были властителями всего королевства, но были изгнаны саксами и потеряли и имя, и королевство. Плодородные долины перешли к саксам, бесплодные горные районы остались валлийцам. Но, из-за пророчеств Мерлина, они надеются вернуть Англию и поэтому столь часто восстают, надеясь на их исполнение, но поскольку не знают назначенного времени, они часто обманываются и их усилия тщетны»⁶.

Временное затишье могло уверить англичан, что валлийцы полностью покорены и подавлены. Периодическое возмущение приписывалось легкомыслию, ибо валлийцы, имевшие дурную славу людей склонных к беспорядкам и пьянству, не были достойны пристального внимания со стороны англичан, казалось, что они сохраняли спокойствие, если их обычаи уважались. Но напряжение в отношениях не исчезало никогда. Примером этому может служить деятельность одного из влиятельнейших валлийцев того времени Гриффита Ллойда, с 1315 по 1330 гг. демонстрирующая, насколько тонкой была грань между глубокой личной преданностью королю Эдуарду II и изменой, возвращенной оскорбленной гордостью и подстегиваемой идеологией, вылившейся в итоге в сотрудничество с шотландцами. Нервозность также могла возбуждаться слухами о ночных сборищах валлийцев и периодическими инцидентами, такими как убийства английских чиновников. Учитывая это, английские власти старались никогда не терять бдительности и быть на чеку на тот случай, «если валлийцы неожиданно восстанут»⁷.

На протяжении всего XIV в. напряжение усугублялось опасностью использования Уэльса врагами Англии в качестве плацдарма для вторжения или внутреннего дестабилизирующего фактора. Сначала эту опасность представляли шотландцы, чье вторжение в Уэльс казалось реальным в 1315—1317 гг., возможность вторжения возобновлялась в 1325—1327, 1335, 1339 гг. Но вскоре появилась еще одна серьезная угроза — французская. Эта опасность возникала в 1339, 1346, 1359 гг. Отсюда приказы английским горожанам в Северном Уэльсе о принятии оборонительных мер, периодические меры по укреплению замков и усилению гарнизонов отрядами лучников. Угроза иностранного вторжения усилилась после возобновления войны с Францией в 1369 г. В 1370 г. гарнизоны были усилены в большинстве валлийских замков, такие же меры принимались в 1372 и 1377 гг., когда гарнизон Пембрука был значительно увеличен⁸. Страх усугублялся слухами, что кастильцы выведали все секреты валлийских замков. Угроза иностранного вторжения стала вполне реальной с появлением Овайна Логоха.

Овайн ап Томас ап Родри или Овайн Логох (Красная рука) — последний потомок прямой мужской линии династии Гвинеда. Его дед был одним из четырех сыновей несчастного Гриффита ап Лливелина ап Йорверта, лишённого наследства своим отцом и погибшего при попытке бегства из Тауэра. Сыновья Гриффита: Овайн, Лливелин и Дэвид играли важную роль в истории Уэльса, в отличие от младшего — Родри. Он, видимо, никогда не был значительной фигурой, хотя его семья достигла вершин власти при Лливелине. Родри вместе с братом Дэвидом был передан королю Генриху III в качестве заложника в 1241 г. и освобожден

в 1248 г. Скорее всего, он вновь был заложником с 1251 по 1254 гг. В 1272 г. за 1000 марок Родри отказался от претензий на земли в северном Уэльсе или где-нибудь еще в княжестве, а также гарантировал отсутствие претензий со стороны его наследников, но в 1278 г. он получил только 50 марок⁹. Родри вместе с братом Дэвидом был на стороне Эдуарда во время кампании 1276—1277 гг. Последовавший затем договор предполагал наделение земель Дэвида и Родри. Тяжба Родри с Лливелином в 1278 г. закончилась обещанием последнего выплатить оставшиеся 950 марок¹⁰. Несмотря на примирение с братом, Родри и в последней кампании был на стороне короля. Он получил земли в Чешире, а также имел поместье в Гламоргане. Умер он в 1315 г. в возрасте около 70 лет. После завоевания Родри не пытался вернуть наследственные земли в Гвинед и был скорее английским рыцарем, чем валлийским принцем. Родри не посвящено традиционных поэтических произведений, что свидетельствует об общественном осуждении. Его не затронуло и восстание 1294 г., хотя он был прямым наследником династии Гвинед. У Родри было двое детей: сын Томас и дочь Екатерина, которая вышла замуж за одного из сыновей Гриффита ап Гвенвинвина. Томас упоминается в документах в связи с его попытками вернуть наследственные земли в Гвинед, а именно кантреф Ллин в Карнарвоншире¹¹. Перед смертью Томас владел пограничным манором Динас, который являлся предметом многочисленных тяжб с Джоном Чарлтоном и был присужден Томасу в 1341 г.¹² Когда Томас ап Родри умер в 1363 г.,¹³ было объявлено, что он не оставил наследников. Но у него оставался сын, которого звали Овайн. Само имя, данное ребенку, говорило о том, что Томас не забыл о своем

происхождении. Записей о рождении Овайна нет, и о его существовании в 1363 г. в Уэльсе, очевидно, известно не было. Он, по всей вероятности, был за границей, когда умер Томас. Вернувшись в Уэльс, Овайн обнаружил, что его наследство в руках Чарлтона. 10 октября 1365 г. он обратился с петицией к королю с просьбой вернуть манор, исковое заявление было направлено шерифу Шропшира¹⁴. Предпринятое расследование показало, что Овайн действительно является наследником, в результате наследственные владения ему были возвращены. Таким образом, Овайн теперь держал маноры Динас в Мехайн Ис Койд, Алтерст в Чeshire, Бидфилд в Глостершире, Тэстфилд в Суррее. Он мог вести жизнь, полную судебных тяжб, как его отец, но его судьба была совершенно иной.

В апреле 1369 г. между Англией и Францией возобновилась война, Овайн к этому времени уже вернулся во Францию и перешел на французскую сторону. Самое первое упоминание об этом относится к 6 ноября 1369 г.: в Кент и Суррей были направлены приказы выяснить, какими землями владеет Овайн ап Томас ап Родри, который присоединился к врагам короля. Предпринятое в Лингфилде расследование показало, что Овайн покинул Англию 25 марта 1366 г.¹⁵ Имущество Овайна было оценено и конфисковано, но интерес представляет не столько оценка имущества, сколько дата отбытия во Францию и перехода на сторону врага. Столь ранняя дата может объясняться только участием Овайна в бригадах (валлийцы всегда считались хорошими солдатами и часто участвовали в различных кампаниях как наемники).

В 1369 г. Овайн ап Томас ап Родри перешел на сторону французского короля. Для англичан он был пре-

дателем и повстанцем, а для французов — Ивеном де Галль, легендарным наемником. Согласно Фруассару, Овайн был «сыном принца Уэльского, которого король Эдуард казнил, захватив его земли и княжество и передав их своему сыну. Овайн прибыл во Францию к королю Карлу и поведал о том, что он претерпел от английского короля <...>, король Франции пригласил его на службу»¹⁶. Но так Фруассар писал об Овайне, когда речь шла о событиях 1372 г. В рассказе о смерти Овайна он предлагает совершенно другую версию, согласно которой Овайн в юности посетил Францию и рассказал о своих бедах королю Филиппу VI, который принял его на службу, так же с ним обошелся и Иоанн II. Таким образом, если доверять Фруассару, Овайн сражался на французской стороне с самого начала, а после мира в Бретиньи отправился в Ломбардию¹⁷. Установить степень достоверности сообщений хрониста невозможно, но у него нет упоминаний о возвращении Овайна в Англию. Конечно, Овайн мог быть и во Франции, когда умер его отец, а о наследстве узнать от соотечественников, коих было немало на континенте. Он мог также служить в английской армии во Франции и присоединиться к «свободной компании» после Бретиньи. Девять лет между договором в Бретиньи и возобновлением войны были временем формального мира, но борьба не прекращалась. Овайн ап Томас ап Родри был не единственным известным валлийцем, воевавшим на стороне французов. Вместе с Овайном сражался Йоан Вин,¹⁸ заслуживший весьма красноречивое прозвище “Poursuivant d’amur”. Весьма вероятно, что Йоан Вин был Йоаном ап Рисом ап Роппертом, который связан с Овайном в нескольких обвинительных актах из Флинтшира. Если так, то он происходил из семьи Уйриона

Эдена, потомка Эднэведа Вэхана¹⁹. Вин был профессиональным наемником, согласно Кристине Пизанской, он участвовал в бою тридцати в 1351 г., она указывает, что Ивен де Галль, будучи законным наследником принца Уэльского, сражался во Франции с Йоаном Вином²⁰. Тот факт, что Вин с 1369 г. стал служить под командованием Овайна, возможно, свидетельствует о том, что он знал о его происхождении и амбициях.

Весной 1369 г. Карл V начал подготовку армии под командованием герцога Бургундского к вторжению в Англию. Приготовления были в разгаре, когда в августе Джон Гонт высадился в Кале и, хотя эта кампания особенного успеха не достигла, от вторжения в Англию пришлось отказаться. Очевидно, частью французского плана было разжигание восстания в Уэльсе с помощью Овайна Логоха. Этим объясняется подготовка экспедиции Овайна в Уэльс. К декабрю армия и флот собрались на Сене между Руаном и Арфлером. Овайну и Вину было приказано явиться туда и подготовиться к отправке²¹. Корабли были из Булони и даже Шампани. Большого количества рыцарей в войске быть не могло, так как военные действия предполагались в гористой местности. В экспедиции принимали участие предположительно валлийцы и преступники, получавшие прощение при условии присоединения к кампании. Флот отплыл перед Рождеством, но ему не суждено было достичь Уэльса. После 10 дней плавания страшный шторм отбросил корабли назад. Разумеется, декабрь был не лучшим месяцем для пересечения Ла-Манша, но экспедиция все же началась, несмотря на вероятность зимнего шторма. Неудачная экспедиция в Уэльс стоила Карлу V более 100 000 франков²².

В Англии знали о возможном вторжении и готовились к нему, и 24 декабря Принц Уэльский, герцог Ланкастер и графы Марки получили приказ принять меры для повышения обороноспособности замков, подобный приказ был отдан и в ноябре 1370 г.²³ Король знал о намерениях французского флота высадиться в Уэльсе. Известны также факты судебных процессов в Уэльсе по обвинениям в пособничестве Овайну. В 1370 г. держатель из Англси Гриффит Сэйс был уличен в предательстве и пособничестве Овайну Логоху, в подготовке заговора с целью вторжения в Уэльс²⁴. Гриффит Сэйс происходил из влиятельной семьи. И если Овайн действительно имел такую поддержку, то у английских властей был весьма серьезный повод для беспокойства.

Новая английская кампания во Франции под командованием Роберта Ноллиса протерпела поражение. Ноллис начал поход в Кале, прошел через Артуа и Вермандуа к Реймсу. За ним следовал вновь назначенный констебль Франции Бертран Дюгеклен. 4 декабря 1370 г. в Понваллен англичане потерпели поражение, однако они все еще удерживали аббатство Сен-Мор близ Анжера, откуда можно было контролировать устья Луары. Дюгеклен, находясь в Сомюре, собрал военный совет, среди участников которого значились Овайн Логох и Йоан Вин. После переговоров с англичанами Дюгеклен вернулся в Париж, оставив Овайна в Сомюре²⁵.

После этих событий Овайн состоял на службе у разных сеньоров. Карл V все еще рассчитывал на вторжение в Уэльс. Он одолжил Овайну 300 000 золотых франков, которые последний должен был вернуть после вступления в права наследства, кроме того, заключался вечный договор о союзе Франции и Уэльса. Силы Овайна были невелики: у него имелось 200 человек,

в том числе 100 арбалетчиков, де Монмор командовал 120 тяжеловооруженными всадниками, у его брата было 20 арбалетчиков и 20 тяжеловооруженных конников²⁶. Вопрос о размерах флота Овайна весьма спорный. Большая часть источников свидетельствует, что у Овайна было 12 кораблей, но есть и упоминания 14—15 кораблей²⁷. Возможно, что корабли Овайна должны были присоединиться к кастильскому флоту, кроме того, по прибытии в Уэльс обеспечение солдат должно было стать заботой валлийцев. По утверждению Фруасара у Овайна было 4000 человек,²⁸ но это, судя по всему, преувеличение. Флот отплыл в начале июня 1372 г., но не отправился прямо в Уэльс, а по пути совершил нападение на остров Гернси. Гарнизон острова, очевидно, был предупрежден о готовящемся вторжении и получил подкрепление. Эта экспедиция Овайна увековечена в поэтической традиции острова Гернси. Баллада передает версию, согласно которой, флот Овайна пристал к берегу в бухте Вазон, тревога была поднята одним из местных крестьян. Жители поднялись на защиту, и Овайн в битве был ранен Ричардом Симоном в правую руку. Когда подошло подкрепление англичан, Овайн вынужден был отступить, после чего он и его жена Элеонора прибыли в аббатство Святого Михаила в Валь. Затем последовала осада замка Валь. Вторая часть баллады описывает судьбу Овайна после того, как он покинул остров (она видимо была составлена гораздо позже). Согласно ей, флот Овайна атаковали англичане, его жена была изнасилована в его присутствии, а он и его люди повешены, жена Элеонора закончила свои дни в нищете²⁹. Эта версия может быть отражением нескольких французских набегов на остров, и она явно не исторична (интересным является упоминание о жене

Овайна, ибо это единственное сообщение о ней). Упоминания о нападении на остров Гернси содержатся в разных источниках, в том числе у Фруассара,³⁰ но главный вопрос заключается в том, зачем Овайн по пути в Уэльс останавливается и атакует остров, рискуя потерять время и людей (тем более что, в конечном итоге это предприятие ничего не дало)? Возможно, что, остров должен был стать местом встречи Овайна с кастильским флотом, хотя Гернси не кажется подходящим для этого (географически), это могла быть диверсия, чтобы отвлечь внимание англичан, или просто пиратство.

Овайн был отозван Карлом V в связи с необходимостью противостоять англичанам: в июне зять Эдуарда III Джон Гастингс, граф Пемброк, отправился во главе большого флота к Ла-Рошели, где и потерпел поражение от франко-кастильского флота 22 июня 1372 г. Овайн находился в Сантандере, когда пришло известие о поражении англичан, там же, согласно Фруассару, он встретился с пленным графом Пембруком и потребовал от него оммаж, заявив, что является «наследником принца Уэльского»³¹. Овайн просил кастильского короля снарядить флот для похода на Уэльс, однако кастильские рыцари заявили королю, что пойдут «куда угодно, в Гранад, Персию, Марокко, но только не в Уэльс»³².

Овайну с его кораблями и кастильцами было приказано блокировать порты Пуату и Сентонж. Французские войска под командованием брата короля герцога Беррийского и Дюгеклена в это время вели успешные действия. Овайн, появившись вместе с кастильцами у Ла-Рошели, якобы заключил секретный договор с ее жителями. Французы в этот период осаждали Субиз в устье Шаранты. Капताल де Буш сумел снять французскую осаду, но Овайн, появившийся

там в августе с четырьмя сотнями людей, одержал победу над ним. Овайну удалось захватить в плен Томаса Перси и самого Капталя, одного из лучших полководцев, гасконца, сражавшегося на стороне англичан³³. Овайн контролировал доступ с моря, а Дюгеклен с суши. Ла Рошель была сдана в сентябре.

Несмотря на отказ кастильцев поддержать Овайна в его экспедиции в Уэльс, Карл V все-таки планировал франко-кастильское вторжение в Уэльс; флот должен был собраться в портах Басконии в начале 1373 г.³⁴ Кастильцы обязывались предоставить корабли и людей, а также освободить 1000 человек из французского гарнизона в Кастилии. 12 кастильским галерам предписывалось присоединиться к французским кораблям в Арфлере. Но приготовления были напрасными: экспедиция вновь сорвалась из-за планируемой кампании Джона Гонта, однако в Англии страх перед франко-кастильским вторжением был чрезвычайно силен. В этот период в Уэльсе расследуется масса дел о предательстве и пособничестве Овайну Логоху. Так, 20 декабря 1372 г., расследование, предпринятое во Флинте, выяснило, что Йоан, сын Риса ап Ропперта, был предателем и находился во Франции с Овайном ап Томасом ап Родри. Согласно обвинению, Овайн и Йоан находились на службе у Карла, короля Франции, на протяжении шести лет. А сам Рис ап Ропперт знал о деятельности сына и высылал ему деньги. Дальнейшее расследование, предпринятое 25 сентября 1374 г. выяснило, что Рис и его сын Мадог были приверженцами Логоха и получали от него предательские письма в Хритлане; более того, Рис несколько раз посылал Мадога в Лондон, чтобы пересылать деньги мятежному сыну³⁵. Рис являлся сыном Ропперта ап Хауэла ап Гриффита аб Эднэведа Вэхана, то есть членом

самой влиятельной семьи в Северном Уэльсе, потомок которой станет английским королем в 1485 г. Рис занимал различные должности в Карнарвоншире, Мерионете, Флинтшире и его деятельность, направленная на поддержку Овайна, могла представлять серьезную угрозу для королевской власти в Уэльсе. И если эти сведения верны, то часть денег, собираемая с валлийцев Флинтшира от имени Черного принца, могла направляться во Францию для финансирования кампании наследника дома Гвинеда. Обвинения, судя по всему, не принесли большого ущерба Рису ап Ропперту: его влияние и богатство были слишком велики. Расследования выяснили имена 37 человек, бывших вместе с Овайном и Вином во Франции. Приказы об арестах возможных участников (как это было с Гриффитом ап Дэвидом ап Мадогом ап Мередитом, который не мог быть с Овайном, так как с июня 1372 г. по сентябрь 1374 г. находился в Лондоне)³⁶ отражают панику, охватившую власти.

Большую часть 1373 г. Овайн ап Томас ап Родри служил в Пуату и Сентонже. Заключение в июле 1375 г. перемирия в Брюгге означало демобилизацию большого количества солдат и Овайна в том числе, но это не продолжалось долго. 14 октября 1375 г. было заключено соглашение между Ивеном де Галль и Ангераном де Куси, графом Бедфордом и зятем Эдуарда III³⁷. Он претендовал на часть земель Габсбургов (его мать была сестрой герцога Австрийского), Карл V решил, что предложенная кампания станет полезной для перемещения из Франции солдат, оказавшихся не у дел после перемирия. Одним из условий соглашения стало обещание не заключать мирного договора без согласия Овайна. Армия отправилась из Франции осенью 1375 г. Но эта экспедиция была неудачной: войска, проходя через

Швейцарию, встретили сопротивление (в швейцарской истории хорошо известен эпизод о войне «людей в капюшонах»). Бургомистр Базеля сообщал городскому совету Страсбурга о надвигающихся войсках Овайна³⁸. В монастыре Фраубруннен к северу от Берна Овайна атаковали войска Берна, возглавляемые Хансом Рейдером. Битва была тяжелой, и бернский полководец погиб, но и Овайн потерпел поражение. Память об этих событиях сохранилась в балладе, названной «Песней медведя»: «Герцог Оуэн из Уэльса пришел к Фраубруннену. Медведь ревел: ты не можешь убежать от меня. Я убью тебя, заколю и сожгу. В Англии и Франции вдовы плакали: Увы! Увы! Против Берна никто не пойдет вновь»³⁹. Швейцарские историки идентифицировали “Yffo von Gallis” из песни и “Yfer von Galeys” из письма базельского бургомистра с Ивеном де Галль. Поражение у Фраубруннена ознаменовало конец неудачной экспедиции, и Овайн вскоре вернулся на службу к Карлу V.

Война возобновилась в 1377 г. Овайн сражался под командованием герцога Анжуйского, Дюгеклена и Луи де Сансерра. В 1378 г. герцог Анжуйский приказал Овайну осадить Мортань на Жиронде, где гарнизон под командованием гасконского капитана Синдика де Латро создавал французам массу трудностей⁴⁰. Здесь, если верить хронисту, у Овайна появляется доверенное лицо, некий валлиец по имени Джон Лэмб. Впервые этот человек появился в Бретани и сказал, что хочет поговорить с Овайном, французы привезли его в Мортань, где он обратился к Овайну на «его языке» (возникает вопрос: мог ли Овайн, рожденный в Англии говорить по-валлийски?). Овайн приблизил его к себе и стал доверять больше, чем кому-либо. Согласно Фруассару, Овайн рано утром всегда осматривал замок и расчесы-

вал волосы. Однажды он послал за гребнем Лэмба, который вернулся с кинжалом и заколол его⁴¹. Убийство Овайна Логоха было оплачено английскими властями.

О смерти Овайна есть упоминание в анонимной хронике аббатства Святой Марии в Йорке: под 1378 г. есть запись — «В это время был убит враг Англии Овайн Красная рука при осаде крепости Мортань, он был из Уэльса, где требовал наследство от короны, он был также главным воином после маршала Франции»⁴². Овайна похоронили в церкви Сен Леже в Мортане, которая была снесена в 1884 г. Так оборвалась линия династии Гвинеда, берущая начало в 825 г.

Жизнь и загадочная смерть Овайна Логоха послужили укреплению веры валлийцев в пророчества, а его ореол законного наследника-освободителя вскоре мог перейти другому.

Примечания

¹ CAP. P. 481—490.

² Statutes of Wales. P. 30.

³ *Davies R.R. The Peoples of Britain and Ireland 1100—1400. III. Laws and Customs // Transactions of the Royal Historical Society, Sixth Series. 1996. Vol. 6. P. 6.*

⁴ *William of Malmesbury. Chronicle of the Kings of England / Transl. by R.J. Sharpe. Ed. by J.A. Giles. L., 1904.*

⁵ *Sigbjorn O.S. William of Malmesbury and the Ethics of History. Woodbridge., 2012. P. 123—124; Gillingham J. Civilizing the English? The English Histories of William of Malmesbury and David Hume // Historical Research. 2001. Vol. 74. Issue 183. P. 31—38.*

⁶ *Vita Edwardi Secundi. P. 119.*

⁷ *Davies R.R. The Age of Conquest. P. 437.*

⁸ *Ibid. P. 438.*

⁹ *Carr A.D. Owen of Wales: The End of House of Gwynedd. Cardiff, 1991. P. 5.*

¹⁰ *Ibid.*

- ¹¹ Thomas ap Rotheric to the King and Council. 1328—1330 // CAP. P. 229.
- ¹² Thomas ap Rotheric, King's Bachelor to the King and Council. 1338—1339 // CAP. P. 351; John de Cherleton, Lord Powys, to the King. 1383 // CAP. P. 372.
- ¹³ *Carr A.D.* Op. cit. P. 13.
- ¹⁴ *Ibid.* P. 14.
- ¹⁵ *Ibid.* P. 15.
- ¹⁶ *Chronicles of England, France, Spain, and the Adjoining Countries — From the Latter Part of the Reign of Edward II to the Coronation of Henry IV by Sir John Froissart / Trans. by T. Johnes. L. 1868. Vol. I. P. 474.*
- ¹⁷ *Ibid.* P. 546.
- ¹⁸ *Ibid.* P. 403.
- ¹⁹ *Carr A.D.* Op. cit. P. 22.
- ²⁰ *Christine de Pisan. Le Livre des fais et bonnes meurs du sage roy Charles V (Nouvelle collection des memoires pour servir a l'histoire de France). Paris, 1836. Vol. II. P. 43.*
- ²¹ *Chroniques des regnes de Jean II et de Charles V / Ed. by R. Delachenal. Paris. 1916. Vol. II. P. 137.*
- ²² *Carr A.D.* Op. cit. P. 24.
- ²³ *Ibid.*
- ²⁴ *Ibid.* P. 25.
- ²⁵ *Ibid.* P. 27.
- ²⁶ *Carr A.D.* Op. cit. P. 27.
- ²⁷ *Ibid.* P. 28.
- ²⁸ *Chronicles of England, France, Spain... by Sir John Froissart. P. 474.*
- ²⁹ *Carr A.D.* Op. cit. P. 29.
- ³⁰ *Chronicles of England, France, Spain... by Sir John Froissart. P. 474.*
- ³¹ *Ibid.* 475.
- ³² *Chronique des quarte premiers Valois (1327—1393). Paris., 1862. P. 235.*
- ³³ *Chronicles of England, France, Spain... by Sir John Froissart. P. 481.*
- ³⁴ *Carr A.D.* Op. cit. P. 38.
- ³⁵ *Ibid.* P. 42—23.
- ³⁶ *Ibid.* P. 45.
- ³⁷ *Ibid.* P. 47.
- ³⁸ *Ibid.* P. 48.
- ³⁹ *Ibid.* P. 48.
- ⁴⁰ *Ibid.* P. 53.
- ⁴¹ *Chronicles of England, France, Spain... by Sir John Froissart. P. 546.*
- ⁴² *The Annonimale Chronicle 1333 to 1381. From A Ms. Written at St. Mary's abbey, York. N.Y., 1970. P. 120.*

§ 7

Англо-валлийские отношения в начале XV в. Восстание Овайна Глендура.

Напряженность в Уэльсе в конце XIV в. во многом объясняется действиями английских лордов, которые пытались сохранить уровень своих доходов, несмотря на общий упадок. В Исконном Уэльсе и графствах Марки возросли налоги, несоблюдение древних обычаев традиционно использовалось в качестве предлога для карательных штрафов. По подсчетам Адама из Аска, Уэльс ежегодно приносил короне и английским лордам 60000 фунтов¹.

Существовал и еще один серьезный повод для недовольства: валлийская церковь, ибо предпочтение при замещении кафедр отдавалось английским священникам, в последней четверти XIV в. только один валлиец, Джон Тревор, бывший епископом Сент-Азафа (1395—1410 гг.), получил столь высокий пост. Валлийские епархии использовались в качестве наград за службу короне (Адам Хоутон — епископ Сен-Дэвидский с 1362 по 1389 гг., Александр Бах, епископ Сен-Азафский с 1390 по 1394 гг.), а после схизмы в 1378 г. папство не могло быть противовесом английскому влиянию в выборе епископов (попытка Папы назначить валлийца Льюиса Абера епископом Бангора была неудачной). Валлийские клирики были прак-

тически исключены из высшей церковной иерархии. Неудовлетворенное духовенство представляло весьма серьезную угрозу стабильности в средневековом обществе. Духовенство Уэльса всегда выступало в роли попечителя национальной литературной традиции и политической мифологии. Еще в 1330 г. отмечалось, что в аббатстве Страта Марцелла (Поуис) существовало противозаконное собрание, чтобы возбуждать раздор и ненависть между валлийцами и англичанами². Восстание Овайна Глендура, разразившееся в начале XV в., полностью подтвердило, что монастыри оставались мощными центрами борьбы валлийцев, и неудивительно, что программа Овайна Глендура включала требование прекратить ограбление валлийских церквей и назначать валлийцев на валлийские кафедры.

Другой серьезной проблемой были взаимоотношения между валлийцами и жителями английских городов в Уэльсе. В последней четверти XIV в. наблюдалось учащение походов англичан в Уэльс против набегов валлийцев, для этих кампаний характерна открытая направленность против “pure Welshmen”. Напряжение выливалось в частые инциденты, которые еще больше усугубляли положение (например, в 1385 г. заместитель юстициария Южного Уэльса Джон Лоренс был убит валлийским сквайром по дороге в Кардиган)³. От локальных беспорядков до крупного восстания было недалеко. События 1397—1399 гг. нанесли удар по политической стабильности в Уэльсе и в Марке. Трое из самых значительных лордов Марки потеряли свои владения: Томас, граф Глостер, Томас Бошан, граф Уорик, Ричард фиц Алан, граф Арундел. Роджер Мортимер умер в 1398 г., а

Джон Гонт — в 1399 г. Ричард II пожаловал конфискованные или взятые под королевскую опеку земли своим фаворитам, но вскоре и они, и сам Ричард были отстранены от власти. Столь частых перемен на карте Уэльса не было даже в беспокойные времена Эдуарда II. Вакуум власти становился все более и более опасным. Недовольство вызывало еще и то, что валлийская знать была недостаточно почитаема и вознаграждаема, как того требовали ее статус и заслуги.

Буря грянула 16 сентября 1400 г. В этот день лорд Сэхарта Овайн Глендур объявил себя принцем Уэльским и отправился в поход на английские города северо-восточного Уэльса⁴. Так началось восстание, охватившее весь Уэльс и лишившее корону контроля над этим регионом на несколько лет. На первых порах восстание казалось едва ли значительнее, чем вспышка гнева и досады нескольких знатных валлийцев, таких как Овайн Глендур и его кузены Рис и Гвилим ап Тюдоры: Овайн Глендур проиграл тяжбу с Реджинальдом Греем (Ритин) за пограничные территории, лежавшие между Дэффрин Клуид, входившим в состав владений лорда Грея, и коммотом Глендеврдуй (Мерионет), входившим в состав владений Овайна⁵. Однако присвоение титула принца выражало претензию на национальный характер восстания, учитывая тот факт, что Овайн, будучи потомком династий Поуиса по мужской линии и Дехейбарта — по женской, в глазах валлийцев был законным наследником. Овайн с небольшим отрядом атаковал Денби, Хритлан, Флинт, Хаварден, Озвестри. Королевские войска под командованием Хью Бернелла, набранные в соседних графствах, быстро рассеяли отряды Овайна⁶. На короткое время показалось, что инци-

дент исчерпан, но восстание поддержали родственники Овайна Рис и Гвилим ап Тюдоры, мятеж охватил Англси. Генрих IV в октябре направился в Уэльс во главе карательного отряда, где встретил незначительное сопротивление. Король пообещал помилование и сохранение собственности всем сдавшимся, кроме Глендура и обоих Тюдоров. Наместником Генриха IV в Северном Уэльсе стал Генрих Перси, в обязанности которого входило усиление гарнизонов. С валлийцев были взысканы все недоимки по налогам, которые накопились за последние годы: крупные денежные средства были необходимы для усиления гарнизонов. Лордам Марки было приказано усилить гарнизоны замков на случай мятежа валлийцев⁷.

Следующим шагом стало всестороннее антиваллийское законодательство 1401 г. Валлийцам было запрещено приобретать землю в Англии и английских городах Уэльса. Валлийцы не могли занимать никаких постов в городах (впоследствии это положение было распространено на англичан, женатых на валлийках), им было запрещено носить там оружие⁸. Один из ордонансов 1401 г. указывает, что в течение трех последующих лет ни один англичанин не мог быть осужден по жалобе валлийца, иначе, чем по решению английского судьи⁹.

Ответ валлийцев не заставил себя долго ждать: 1 апреля 1401 г. войска Тюдоров захватили замок Конвей и удерживали его два месяца¹⁰. Сам Глендур появился вновь и смог не только взять под свой контроль Сноудон, но и вторгся в южный Поуис. К осени 1401 г. весь Гвинед и Кередигион были охвачены восстанием, под угрозой оказались Харлех и Карнарвон¹¹. Успехи повстанцев привели к тому, что Генрих

Перси был смещен со своего поста. Генрих IV вновь двинулся в Уэльс в июле 1401 г. Несмотря на некоторые успехи (королевским войскам удалось отбить Бангор, Карнарвон и территорию от Мерионета до Кередигиона), король решил начать переговоры. Овайну обещали сохранить жизнь и имущество (поручителем выступал граф Нортумберланд), однако главный мятежник не принял условий короля¹². Последовавшие затем атаки на Харлех и Карнарвон были отбиты¹³. Овайн отправил посольство к шотландскому королевскому двору и ирландским лордам, демонстрируя национальные претензии¹⁴. Адам из Аска приводит текст писем Овайна, перехваченных англичанами. В письме, адресованном королю Шотландии, Овайн ссылается на общее происхождение от Брута (согласно гальфридовой традиции, короли Шотландии вели свое происхождение от Альбанакта, а правители Уэльса — от Камбра) и пророчество, предвещающее союз и освобождение от ига саксов¹⁵.

В январе 1402 г. повстанцы взяли Ритин, а в апреле — захвачен и сам Реджинальд Грей, за которого был назначен выкуп в 60 000 фунтов¹⁶. Выкуп за именитых пленных был важнейшим финансовым источником повстанцев. Кроме того, король вынужден был вести переговоры с Овайном, и сам факт этого превращал его из разбойника в военного лидера.

22 июня Овайн одержал победу в сражении при Брэн Глас при Пиллет, в ходе которого был пленен Эдмунд Мортимер¹⁷. Эта победа обеспечила восстановившим контроль над северным и центральным Уэльсом. Лорд Мортимер не был выкуплен (у исследователей нет единого мнения относительно причины: возможно, он отказался от выкупа, но есть

версия, что Генрих IV не дал денег, так как подозревал, что Мортимер сдался в плен по доброй воле) и вскоре женился на дочери Глендура — Екатерине¹⁸. К концу лета под контролем восставших находились уже Гвент и Гламорган, их отряды атаковали города Аск, Кайрлеон, Ньюпорт, Кардифф¹⁹. В августе 1402 г. началась новая королевская экспедиция в Уэльс: три отряда с разных пунктов Марки вторглись в Уэльс. Однако экспедиция позорно закончилась из-за проливных дождей²⁰ (современники верили в способность Овайна Глендура вызывать дождь).

Английское законодательство этого периода как никогда подчеркнуло бесправие валлийцев: им запрещалось устраивать собрания, носить оружие в городах, церквях, на больших дорогах, они не могли владеть замками и укрепленными домами²¹. Ордонансы 1402 г. запретили валлийцам и англичанам, женатым на валлийках, занимать посты судей, шерифов, стюардов, коронеров, бейлифов и др. в Уэльсе. Гарнизоны замков должны были комплектоваться только из англичан, причем происходивших из других районов,²² чтобы исключить любые возможные связи с местным населением. Акты, направленные против смешанных браков, стали еще одной важной вехой в отношениях двух народов, живущих в рамках одного государства.

Восстание Овайна Глендура длилось дольше, чем какое-либо со времен завоевания. К концу 1403 г. его войска осаждали замки от Брекона на востоке до Аберриствита на западе, Бомариса на севере до Кардиффа на юге. Очередная экспедиция короля, предпринятая в сентябре 1403 г., не принесла особых результатов.

валлийцы взяли ряд южных опорных пунктов англичан, в том числе Кардифф. В этом же году Овайн заключил соглашение с Перси против Генриха IV, однако, семейство Перси было ослаблено после битвы при Шрусбери 21 июля 1403 г., в которой погиб Генрих Перси Младший²³. В то же время Овайн получил первую значительную помощь от Франции: в октябре 1403 г. контингент наемных солдат из Франции и Бретани вторгся на территорию Уэльса²⁴. Своего пика восстание достигло в 1404 г. В январе 1404 г. был атакован Карнарвон. В мае — захвачены Харлех и Абериствит, осаждались замки Абергавенни и Коэти²⁵. Таким образом, большая часть Уэльса и значительная часть пограничных земель была под контролем восставших. Англичане сохранили лишь крепости на побережье южного Уэльса и графство Пембрук.

Овайн Глендур, подтверждая титул принца Уэльского, в начале 1404 г., в присутствии послов Франции, Ирландии и Шотландии, принял регалии принцев Северного Уэльса, собрал собственный парламент в мае 1404 г. в Махинллете²⁶, а затем в Харлехе летом 1405 г. Епископы Бангора и Сент-Азафа подтвердили свою поддержку Овайну и признали власть Авиньонского Папы²⁷. Еще более важным политическим шагом был союз с Францией: 10 мая 1404 г. Овайн отправил послов к французскому двору с просьбой о союзе и военной помощи, формальный договор был заключен 14 июля 1404 г. в торжественной обстановке²⁸. Таким образом, статус Овайна Глендура, как «Божией милостью Принца Уэльского» был признан французской короной. Валлийское восстание было на руку и Франции, и антикоролевской партии в Англии, карта Глендура разыгрывалась

езде, где имело место противостояние Генриху IV. В 1405 г. был подписан договор между Мортимером, Перси и Глендуром о совместных действиях и разделе сфер влияния после победы, согласно которому Англия будет разделена на три части: граф Нортумберланд получит север Англии и центральные графства, Мортимер — юг страны с Лондоном и Оксфордом, Овайн Глендур помимо Уэльса должен был получить Честер, Вустер и Шрусбери²⁹. Планы союзников кажутся далекими от реальности только с точки зрения потомков.

Весьма серьезную угрозу для Генриха IV представлял союз Глендура с Францией. В начале августа 1405 г. французские и валлийские отряды двинулись из Милфорд Хэйвен на восток и сумели одержать победы при Хаверфорде и Кармартене, который оказался ненадолго в руках восставших³⁰. После чего через территорию Гламоргана Овайн и его союзники продвинулись в Англию. Их армия встала лагерем в восьми милях от Вустера, для обороны которого англичане стянули значительные силы, туда прибыл сам король, бои в окрестностях Вустера продолжались восемь дней³¹. Французская экспедиция в Уэльс имела относительно небольшие шансы на успех: партизанская тактика Овайна не подходила регулярной армии, кроме того, у Глендура не было средств для выплаты вознаграждения французским наемникам. Зимой 1405—1406 гг. произошел перелом в пользу короны, во главе английских войск встал принц Генрих, чей талант полководца едва ли может быть поставлен под сомнение, очередная французская экспедиция отправлена в Уэльс не была, а шотландские иллюзии рассеялись вместе с пленением английскими моряка-

ми наследника шотландского престола Якова, графа Каррика.

Весной и летом 1406 г. Овайн потерпел несколько серьезных поражений: при Гросмоне, Аске и Полл Мелен, при последнем погиб его брат Тюдор, а сын Гриффит был пленен (он умер в Тауэре в 1411 г.)³². Мощь восстания была подорвана. С этого момента Глендур занимал оборонительные позиции. В 1408 г. в битве при Бремхем Мур погиб Генрих Перси, который вел военные действия на севере,³³ и теперь англичане могли бросить основные силы на Уэльс. В 1408—1409 гг. два последних опорных пункта Овайна Харлех и Абериствит были отвоеваны англичанами. Зима 1408—1409 г. выдалась необычайно суровой для Уэльса, в стране разразился голод. Осада Харлеха длилась около двух месяцев, положение осложнилось голодом и болезнью Эдмунда Мортимера, возглавлявшего оборону. К концу февраля Харлех сдался. В английском плену оказались жена Овайна Маргарита и его дочь Екатерина Мортимер с детьми³⁴. После этих поражений под английским контролем оказались стратегически важные районы Уэльса. После зимней кампании восставшие удерживали только труднодоступные горные районы в Сноудоне, а также на юге Уэльса. Показателем восстановления английского влияния в Уэльсе было замещение сторонников Овайна, епископов Бангора и Сент-Азафа, королевскими ставленниками. Новый епископ Бангора был возведен в сан в 1409 г. в собственном соборе. В 1410 г. трое из наиболее выдающихся сподвижников Овайна, а именно Филипп Скадамор, Рис ап Гриффит и его брат Рис ап Тюдор, были пленены³⁵. Вспышки беспорядков свидетельствовали о том, что

восстание может «разгореться» вновь. В горных районах Уэльса английские чиновники не отваживались передвигаться без охраны, а гарнизоны замков по распоряжению короля постоянно находились в боевой готовности. Все лорды Марки должны были оставаться в своих владениях и вести борьбу с мятежниками. Возможно, Овайн предпринимал походы в Шропшир в 1410 г. и даже в 1412 г.³⁶ Но эти походы уже не могли коренным образом изменить ситуацию в Уэльсе.

Овайн Глендур и его сын Мередит избежали пленения. Генрих V даровал Глендуру прощение, которое не было принято. Он перестал упоминаться в записях с 1415 г., считается, что он умер, но есть версия, что он провел остаток жизни у своей дочери Элис³⁷. С исчезновением Овайна восстание затихло и вскоре угасло совсем.

Английскими властями, а затем и английской историографией восстание всегда связывалось с личностью Глендура. Местных лидеров было достаточно, но его царствование никогда не оспаривалось, он был выдающимся полководцем, современники всегда видели в нем замечательные качества. Овайн принадлежал к семье, которая, очевидно, быстро приспособилась к английскому правлению и легко вошла в смешанное общество Марки. Отец Овайна Гриффит Вэхан был по мужской линии наследником династии северного Поуиса, а его мать происходила из рода Лорда Риса Дехейбартского. Учитывая, что линия династии Гвинеда угасла со смертью Овайна Логоха, ответственность наследника древних принцев ложилась на плечи Овайна Глендура. Семья его по валлийским меркам была богатой. Дед Овайна по

Замок Харлех. Резиденция Овайна Глендура.

отцу владел восточными областями северного Поуиса (Майлор Гэмрайг, Майлор Сайснет), отец служил графу Арунделу в качестве стюарта Озвестри и владел двумя поместьями Глендеврдуй (Мерионет) и Сэхарт (Чирк), бабушка Овайна, Элизабет, была дочерью Джона Лестранжа. Земли Глендура (Глендевдуй, Сэхарт, а также маноры Эскойд и Гвинеонет в южном Уэльсе) должны были приносить неплохой доход. Овайн Глендур служил в гарнизоне Бервика в 1384 г., принимал участие в военных действиях в Шотландии в 1385 г. Он был героем шести поэм, посвященных ему до 1400 г. Столь пристальное внимание поэтов к его персоне могло быть обусловлено его щедростью и литературным вкусом, и, в равной степени, могло отражать настроения валлийцев. Происхождение и личность Глендура подходили к идеологии проро-

честв. Овайн всегда считался с этой идеологией: его формальное провозглашение принцем изложено согласно установившейся фразеологии, с ним везде был его предсказатель Крах Финнант, в письме к Роберту Шотландскому Овайн периодически ссылается на пророчества, говорит об общем предке Бруте.

Характер восстания не может быть понятным без учета пророчеств и политической мифологии. Восстание, начавшееся с провозглашения Овайна принцем Уэльским, с самого начала имело национальный характер (несмотря на то, что у Глендура были личные причины для недовольства). Валлийский лидер всегда делал акцент на необходимость освобождения из английского плена. Обращаясь к французскому королю, он говорил о притеснениях его народа варварами-саксами³⁸. В официальных дипломатических документах он именовался «Овайн милостью Божией принц Уэльский»³⁹, его большая печать с изображением Гвинедских львов отражала его претензию на наследие Лливелинов.

Уверенность и амбиции Овайна, достигшие вершины в 1403 г., отражены в нескольких аспектах его политики. Наиболее яркий пример — его письмо Авиньонскому папе, датированное 31 марта 1406 г. из Пеннала (Мерионет) «шестым годом нашего правления».⁴⁰ Это была программа установления независимой валлийской церкви. Сен-Дэвидс должен был стать митрополией и стоять не только над тремя валлийскими диоцезами, но и над пятью западноанглийскими. Только духовные лица, владеющие валлийским языком, могли бы получить приход. Но самым смелым и далеко идущим пунктом было образование двух университетов (на севере и на юге). Восстанию

должен был быть присвоен статус крестового похода, а всем участникам даровано прощение⁴¹.

Эта программа демонстрировала широту взглядов приближенных Овайна, в том числе его канцлера Гриффита Йанга и Джона Тревора, епископа Сент-Азафа. Действительно тяжелой задачей было создание органов управления: Уэльс никогда не был единым государственным образованием, всегда характеризовался политической неоднородностью, и национальные институты власти не были развиты ни до, ни после завоевания. Овайн пытался создать орган представительной власти в Уэльсе: в парламент в Харлех призывались четыре человека от каждого коммота (заметим, выбрана была именно валлийская административная единица, а не английское графство). Но, прежде всего, он столкнулся с проблемой создания административной и финансовой инфраструктуры княжества. Национальный характер княжество имело в военной и идеологической сфере, но не в сфере практического управления.

Овайн Глендур, как никто другой, сумел добиться поддержки всех слоев населения. Среди его самых пылких сторонников были священнослужители всех рангов. Неудивительно, что францисканцы были на его стороне, (и составили большое количество заговоров против Генриха IV) или валлийские цистеррианские братства, как Страта Флорида, Витлэнд, Аберконви, а также августинские братства Бетгелерт, Бардси: они редко колебались в вопросах поддержки местных традиций. Высокое образование, опыт и связи при папском дворе таких людей как Гриффит Йанг, Льюис аб Йоан и Джон Тревор открыва-

ли новые возможности для Глендура. Именно им дело Глендура обязано тем образом, в котором оно предстало остальному миру, и широкими международными контактами⁴². Восстание пробудило энтузиазм валлийских студентов Оксфорда и бедного духовенства сельского Уэльса. Еще более важной для Овайна была поддержка сквайров повсюду в Уэльсе, ибо именно они были местными лидерами. Сначала они вяло прореагировали на призыв Глендура, но к 1403—1404 г. в большинстве своем перешли на его сторону. Бардов обвиняли в пропаганде восстания, и эти обвинения не были беспочвенными. В 1402 г. был издан специальный ордонанс «Против менестрелей в Уэльсе», «собирающих людей»⁴³.

Сопротивление восстанию, естественно, оказывали английские поселенцы в Уэльсе: многие из них потеряли в результате восстания свою собственность. Они могли совершенно искренне верить в намерение Овайна «искоренить английскую речь в Уэльсе», и поэтому они оказывали значительную поддержку английским войскам, укомплектовывая личным составом гарнизоны, поставляя продовольствие, одалживая крупные суммы денег на выплаты жалования солдатам и восстановительные работы в городах⁴⁴. Однако существовала и валлийская оппозиция восстанию, даже в северо-западном Уэльсе, который был оплотом Овайна. В других районах Уэльса валлийская оппозиция восстанию была, несомненно, шире и сильнее. Так, Мередит ап Мадог (Мэйлиенит) отказался присоединиться к Овайну, одна из самых влиятельных валлийских семей Брекона (Лливелин ап Хауэл, его сын Дэвид Гам и другие родственники) осталась верна короне. Для таких людей восстание

означало перемену социального и политического порядка, к которому они приспособились и научились извлекать из него выгоду. Многие валлийцы, как и следовало ожидать, вели себя согласно обстоятельствам, лавируя между двумя сторонами, чтобы сохранить жизнь и имущество. Так, жители горных областей Брекона подчинились Генриху IV в феврале 1404 г., но только при условии, что восставшие в Гламоргане будут разбиты⁴⁵.

Восстание Овайна Глендура было самым продолжительным из всех восстаний, когда-либо поднимавшихся валлийцами. Это объясняется, прежде всего, ярко выраженным национальным характером выступления, получившим поддержку всех слоев населения. Но еще одним важным фактором был прекрасный военный опыт валлийских лидеров, которые сражались на всех европейских фронтах. Валлийцы предпочитали тактику партизанской войны: засады, внезапные набеги и быстрые отступления сильно изматывали английские войска в условиях пересеченной местности Уэльса. Одной из целей валлийских атак был захват именитых заложников с целью получения выкупа и заключение перемирий за деньги: жители Херефордшира и Шропшира заключали такие перемирия в 1403—1404 гг., вопреки недовольству властей, а жители Пембрука заключили трехмесячное перемирие с Глендуром, заплатив 200 фунтов серебром⁴⁶. Главной проблемой восставших было снабжение провизией, оружием, лошадьми. Английские власти пытались ограничить валлийцам доступ к источникам продовольствия: обе стороны сознавали, что голод — это кратчайший путь к капитуляции. Валлийцы прояв-

ляли удивительную выносливость. Но необходимо признать, что достижения восставших в значительной мере были обусловлены внутренними проблемами английской короны. Вплоть до 1408 г. Генрих IV постоянно был озабочен заговорами и слухами о заговорах против него и его династии. Почти все заговорщики пытались использовать восстание в Уэльсе в своих целях. Слухи о больших суммах денег, направляемых религиозными общинами Англии в Уэльс и английских чиновниках и военных, действовавших в качестве двойных агентов, не были лишены оснований. Это лишь подтверждает, что в стране царил атмосфера подозрительности, заговоров, предательства, игравшая на руку восставшим. Еще более успешно Глендур использовал международные конфликты (светские и религиозные), установив отношения с Шотландией, Францией и Авиньонским Папой. Затяжной характер восстания объясняется также недалекновидностью (и военной, и политической) англичан, особенно в первые годы восстания. Королевские кампании в Уэльс в 1400—1403 гг. были крайне плохо подготовлены, хотя англичане, несомненно, превосходили валлийцев в вопросах военной техники, снабжения, и имели возможность использовать морские силы для поддержки осажденных крепостей. Военные действия англичан были плохо скоординированы, сосредоточены на локальных проблемах. Валлийская природа и партизанская тактика затрудняли разработку единой стратегии борьбы с повстанцами. Победа англичан была достигнута скорее изматыванием валлийцев, нежели успешными контратаками. Валлийцы не имели достаточно сил, чтобы поддерживать на-

циональное восстание: непрофессиональная армия, отсутствие флота, кроме тех кораблей, что предоставили шотландские и французские союзники, нехватка провизии и военной техники. Можно назвать целый ряд замков с малочисленным гарнизоном, которые так и не были взяты восставшими.

Процесс умиротворения после восстания при Генрихе IV шел болезненно медленно и был ускорен только с приходом к власти Генриха V. Столь длительное и широкомасштабное восстание серьезно отразилось на жизни валлийского общества. Страна была разорена: дома, мельницы, церкви стояли в развалинах. Особенно пострадали равнинные районы Уэльса: в некоторых областях к концу 30-х гг. все еще пустовало до половины земель. Восстановление замедлялось огромными штрафами, наложенными на восставшие районы: 1400 марок на Англси, 500 — на Карнарвоншир, 300 — на Мерионетшир, 1000 — на Брекон, 500 — на Гламорган⁴⁷. Восстание серьезно отразилось на судьбах многих влиятельных в прошлом валлийских семей. Но части из них, было позволено вернуть свои земли (разной ценой). Генрих Дон получил прощение в 1413 г., Мередит аб Овайн, один из главных повстанцев Кардиганшира, демонстрируя свою преданность, сопровождал Генриха V в Азенкур⁴⁸. Некоторые из ловких валлийцев сумели обернуть события в свою пользу: Гвилим ап Гриффит, который покорился в 1405 г., получил конфискованные земли Гвилима ап Тюдора и других повстанцев в Англси⁴⁹. Восстание ускорило социальные и экономические процессы, которые начались еще во второй половине XIII в.: постепенный переход от валлийского земельного права к английскому, формиро-

вание рынка земли. Оно продемонстрировало, что многочисленные проблемы англо-валлийских отношений могут быть разрешены только путем интеграции. Валлийцы и до восстания имели репутацию беспокойного, не заслуживающего доверия, склонного к мятежам народа. Непосредственной реакцией на восстание стали статуты и ордонансы против валлийцев 1401—1402 гг.⁵⁰ Валлийцы и люди со смешанной кровью лишались права занимать административные посты, они не могли носить оружие в городах, на рынках, дорогах и в церквях, иметь замки или укрепленные дома, кроме тех, что существовали во времена Эдуарда I. Большая часть этих законов и местных директив на практике вскоре стала игнорироваться, хотя в 1447 г. все акты, направленные против валлийцев, были подтверждены Генрихом VI⁵¹. Это законодательство закрепило национальную дискриминацию и укрепило уже существовавшую идеологию народа, ожидающего освобождения. Мятежные настроения, часто связанные с пророчествами, были обычным явлением в Уэльсе в первой половине XV в., волнения подобного характера происходили и в 80-е гг., но они не переросли в широкомасштабные выступления.

Примечания

¹ *Chronicon Adae de Usk. A.D. 1377—1421* / Ed. by E.M. Thompson. L., 1904. P. 257.

² *Davies. R.R. The Age of Conquest.* P. 441.

³ *Ibid.*

- 4 Chronicon Adae de Usk. P. 208.
- 5 Jack R.J. Owain Glyn Dwr and the Lordship of Ruthin // Welsh History Review. 1965. Vol. II. № 4. P. 307.
- 6 Walker D. Medieval Wales. Cambridge, 1990. P. 169.
- 7 The Statutes of Wales. P. 33.
- 8 The Statutes of Wales. P. 33—34.
- 9 Ibid.
- 10 Davies R.R. Op. cit. P. 444.
- 11 Chronicon Adae de Usk. P. 237.
- 12 Walker D. Op. cit. P. 170.
- 13 Chronicon Adae de Usk. P. 239.
- 14 Ibid.
- 15 Ibid. P. 240.
- 16 Ibid. P. 247.
- 17 Ibid. P. 246.
- 18 Ibid.
- 19 Ibid. P. 247.
- 20 Ibid. P. 248.
- 21 Statutes of Wales. P. 35.
- 22 Ibid. P. 36
- 23 Walsingham T. Historia Anglicana / Ed. by H.T. Riley. L., 1864. Vol. II. P. 257—258.
- 24 Chronicon Adae de Usk. P. 255.
- 25 Davies R.R. Op. cit. P. 445.
- 26 Chronicon Adae de Usk. P. 257.
- 27 Owen, Prince of Wales, to Charles VI, King of France, Promising Obedience to Pope Benedict XIII / Welsh Records in Paris / Ed. by T. Matthews. Carmarthen, 1910. P. 85.
- 28 The Ratification of the Treaty Between Owen, of Wales, and Charles VI, King of France / Welsh Records in Paris / Ed. by T. Matthews. Carmarthen, 1910. P. 75.
- 29 Walker D. Op. cit. P. 172.
- 30 Walsingham T. Historia Anglicana / Ed. H.T. Riley. L. 1864. Vol. II. P. 272.
- 31 Davies. R. Op. cit. P. 446.
- 32 Davies R.R. Owain Glyn Dwr. Prince of Wales / Transl. by G. Morgan. Ceredigion, 2009. P. 120.
- 33 Chronicon Adae de Usk. P. 284.
- 34 Ibid. P. 298.
- 35 Ibid. P. 296.
- 36 Walker D. Op. cit. P. 174.
- 37 Ibid.

- ³⁸ Owen's Letter to Charles VI // Welsh Records in Paris. Carmarthen, 1910. P. 83.
- ³⁹ The Ratification of the Treaty between Owen, of Wales, and Charles VI, King of France // Welsh Records in Paris. P. 83.
- ⁴⁰ Owen, Prince of Wales to Charles VI, King of France, Promising Obedience to Pope Benedict XIII // Welsh Records in Paris. P. 99
- ⁴¹ *Ibid.* P. 96—99.
- ⁴² *Davies R.R.* The Age of Conquest. P. 451.
- ⁴³ Statutes of Wales. P. 34
- ⁴⁴ The Burgesses of Denbigh to the King. 1403—1405 // CAP. P. 161.
- ⁴⁵ *Davies.R.R.* Op. cit. P. 453.
- ⁴⁶ *Ibid.* P. 454.
- ⁴⁷ *Ibid.* P. 456.
- ⁴⁸ *Ibid.* P. 457.
- ⁴⁹ *Ibid.*
- ⁵⁰ The Statutes of Wales. P. 31—45.
- ⁵¹ *Ibid.* P. 45.

§ 8

В ожидании сына пророчества: развитие валлийской политической мифологии после потери независимости

Потеря Уэльсом независимости в 1282—1283 гг. должна была означать закат традиционного бардовского искусства, но место принцев в системе патронажа вскоре заняли “*uchelwyr*” (в английской историографии часто передается как «джентри»), оберегавшие традиции валлийского литературного наследия. Барды сохранили свое место в обществе, прославляя новых патронов, их происхождение, доблесть, щедрость, красоту их жен. Вместе с изменением социальной структуры патронажа изменились и формы поэтических произведений. Размеры, характерные для ранней валлийской поэзии, утратили значение, и хотя поэтические произведения в форме од (“*awdl*”) все еще создавались, наибольшую популярность приобретал свободный аллитеративный куплет “*cywydd*”. Он стал необыкновенно популярен в XIV в.: произведения, написанные этим размером, были легки для запоминания и идеальны для политической пропаганды.

В период относительного спокойствия в конце XIII—начале XIV в. антианглийская направленность произведений у классических поэтов “*uchelwyr*” отхо-

дит на второй план. Восстания Риса ап Мередита и Лливелина Брена едва ли могли породить надежды среди валлийцев. Рис был предателем, а восстание Лливелина — все же локальным и затронуло только Гламорган. И Рис ап Мередит, и Лливелин Брен не имели древнего происхождения, поэтому не могли бы стать «освободителями». Восстание 1294—1295 гг. имело яркий национальный характер, но не вызвало большого количества откликов в валлийской поэзии, хотя лидеры восстания являлись представителями древних династий. Это свидетельствует о кризисе традиционной валлийской литературы. Темы борьбы и надежды, связанной с ней, на время потеряли привлекательность. Признанным мастером “*cywydd*” является Дэвид ап Гвилим. Основными темами его поэзии стали любовь, природа и красота¹.

Однако было бы неверно утверждать, что вся поэзия этого периода абсолютно аполитична. Пророчества не утратили популярности, о чем свидетельствует анонимная “*Vita Eduardi Secundi*”: хронист, размышляя о склонности валлийцев к восстаниям, объясняет, что из-за пророчеств они надеются вернуть себе остров.

Большая часть пророчеств XIV в. является анонимной: имена авторов скрывались преднамеренно, из соображений безопасности. Пророческий вариант “*cywydd*” приобрел собственное название — “*cywydd brud*” (“*brut*”), которое, видимо, происходит от “*Brutus*” и означает историю потомков Брута. В XIV в. это слово было ассоциировано с троянскими корнями и, таким образом, было привязано к пророческой поэзии.

Эти стихи, как правило, представляют собой аллегории (чаще всего довольно сложные для толкования), где имена реальных или вымышленных героев заменены

анималистическими символами. Такой специфический вид пророчества был введен Гальфридом Монмутским в «Истории бриттов». В валлийской традиции встречаются и сибиллические пророчества, в которых герои представляются начальными буквами имен, но гальфридов тип доминирует. В пророческих произведениях этого периода часто использовались старые легенды и песни. Толкование их представляет серьезную проблему: несколько символов могли относиться к одному лицу, а в разных “*cywydd brud*” одни и те же герои обозначались по-разному.

Анималистические символы делятся на две категории — те, что описывают героя, и те, что описывают врага². Они характерны для ранней валлийской мифологии и часто встречаются в «Мабиногион» и других ранних памятниках. Имя “*Bran*” (ворон) носил один из героев «Четырех разделов Мабиногион», голова Брана Благословенного, закопанная на белом холме в Лондоне, защищала Британию до «злосчастного выкапывания»³, совершенного Артуром. Кроме того, «вороны» неизменно сопровождали мифического Овайна. Героем «Мабиногион» был и Гвальхмай (“*Gwalch-ястреб*”), один из воинов Артура, превращенный европейской традицией в Ланселота. Соколами или ястребами обыкновенно именовались валлийские принцы. В имени Артур присутствует валлийский корень “*arth*”, однако в пророчествах легендарный бриттский король почти никогда не отождествляется с медведем, его символом часто является вепрь: в поздних пророчествах анималистический символ героя часто не связывался с его именем. Под именем Овайн обычно подразумевался освободитель, а термин “*mab darogan*” появился позднее и в валлийской поэзии часто связан

с Овайном ап Томасом ап Родри, Овайном Глендуром, а затем — с Генрихом Тюдором.

Некоторые анималистические символы (“baedd” — вепрь, “arth” — медведь) могут обозначать и героя, и врага. Это объясняется многослойностью пророческого материала. “Arth”, в ранней мифологии обозначавший героя, позднее стал символом предательства (в поздних произведениях этот символ часто обозначает Уорика, так как на его стяге изображался медведь). “Cwn” (собаки) или “moch” (свиньи) в пророчествах неизменно символизируют англичан.

Составной частью любого пророчества являются описания событий, которые должны предшествовать появлению освободителя. Зачастую в форме “cywydd” переписывались старые пророчества, причем не только валлийские⁴. Предзнаменования обычно содержат ссылки на многочисленные битвы: Cad Cwminod, Cad Ieithon, Cad Afon, Cad Cors Fochno, Cad Mon. Самые распространенные предзнаменования: «воин восстанет из мертвых», «исчезнет монетная система», «корабли придут с острова Мэн», «останки Кадваладра Благословенного будут привезены из Рима», «планеты соединятся», «саксы ослабнут». Предзнаменования накапливались, а их источники были явно связаны с ранними пророчествами и версиями «Истории бриттов». Большая часть пророчеств этого периода составлена в форме вопросов и ответов. Вопросателю, обычно барду, дается указание быть терпеливым и ждать предзнаменований. Вопросы адресуются Книге пророчеств (“Y Llyfr brud”), птицам (“Y Ceiliog” — петух, “Y Gog” — кукушка, “Y Bi” — сойка, “Y Gigfran” — ворона, “Yr Wylan” — чайка, “Y Dylluan” — сова) рыбам (“Y Glesiad” — молодой лосось), башням (“Y Twr”) и другим удивительным прорицателям.

Форма беседы характерна не только для пророческих поэм. Лливелину Гоху (1360—1390) принадлежит “*cywydd*” «Весло», в котором передается разговор барда со старым веслом. На жалобы весла поэт отвечает: «Еще хуже нашей земле, больно смотреть на нее»⁵. Замечательно, что поэт получает от весла совет «умерить гордыню».

Во второй половине XIV в. пророчества обретают нового героя. Овайн ап Томас ап Родри (Овайн Логох), внук Лливелина ап Гриффита, был последним представителем гвинедской династии, а значит, «законным» принцем, и ему более всего подходила роль «освободителя», учитывая его столь часто появляющееся в пророчествах имя.

Поэт из Англси Гриффит ап Мередит ап Дэвид (1352—1382) посвятил Овайну ап Томасу ап Родри *awdl* (традиционный панегирик)⁶. Эта поэма содержится в Красной книге Хергеста. Она соответствует канонам придворной поэзии. Это, без сомнения, патриотическое произведение, Гриффит призывает Овайна «собрать войско в землях Дофина»⁷. Гриффит ап Мередит считается последним из поэтов исконных принцев. И его панегирик Овайну ап Томасу ап Родри, возможно, последняя традиционная поэма, посвященная гвинедской династии. Содержание поэмы вполне типично: поэт говорит о кровопролитных сражениях в Уэльсе и всей Британии; Овайн приветствуется как благородный патрон и покровитель поэтов. Гриффит, судя по всему, был прекрасно осведомлен не только о происхождении Овайна Логоха, но и его планах. Поэма могла быть написана в 1369 г., когда планировалось первое вторжение Овайна в Уэльс или чуть позже. Гриффиту ап Мередиту покровительствовало могущественное семейство Пенменед, членом которого он посвятил боль-

шую часть своих поэм⁸. Это может свидетельствовать об их симпатии к валлийскому мятежнику, несмотря на длительную службу английской короне. Замечательно и то, что сам Гриффит находился в это время на английской службе в должности бейлифа⁹. Такое положение вещей являлось обычным для Уэльса: преданность валлийцев короне никогда не была абсолютной, и у англичан были все основания им не доверять.

Еще одна поэма, посвященная Овайну (из созданных при его жизни), приписывается Йоло Гоху (хотя это и небесспорно). Йоло Гох (1320—1398) был одним из лучших валлийских поэтов XIV в. До нас дошли его *суwydd*, посвященные разным людям, включая Эдуарда III, Риса ап Гриффита, Тюдора Вэхана, Роджера Мортимера, Овайна Глендура. Главным патроном Йоло был архидиакон Сент-Азафа Ител ап Роберт.

Поэма, посвященная Овайну Логоху, имеет пророческие черты: поэт описывает Красного Дракона, напавшего на Белого, он предрекает, что Овайн достигнет Англси, и с ним будет девяносто кораблей¹⁰. Даже если поэма и не принадлежит Йоло Гоху, возможно, он тоже симпатизировал Овайну, учитывая политизированность его поэзии и то, что пособник Логоха во Флинтшире был одним из патронов поэта. Йоло Гох символизирует валлийскую поэзию XIV в. В том, что он воспевал и английского короля, и графа Марки, и валлийского мятежника есть определенная логика. Конфликт преданности памяти исконных принцев, с одной стороны, и английской короне, с другой, был неизбежен в этот период в связи с угасанием классической системы патронажа. Но появление Овайна Логоха несколько изменило ситуацию, обеспечив бардовскому миру новый центр.

Барды являлись важнейшим элементом валлийского общества, их поэмы стали своеобразным индикатором настроений в Уэльсе. Поэмы Гриффита ап Мередита и Йоло Гоха очень отличаются от большинства современных им произведений пророческой поэзии, они представляют собой серьезные политические утверждения, определяемые их патронами. О серьезности поддержки Овайна Логоха в Уэльсе свидетельствует задействованность (пусть даже косвенная) таких фигур как Гриффит ап Мередит и Йоло Гох.

Овайн Логох был не просто «валлийским мятежником», при жизни он считался «сыном пророчества», а после смерти — стал героем народных легенд.

Многие из пророческих поэм XII—XIV вв. адресованы герою, который именуется Овайном. Эти произведения чрезвычайно сложно датировать, и «Овайн» в ряде случаев может быть идентифицирован как Овайн Гвинедский. Однако поэмы, написанные в размере “*cywydd*”, не могли появиться ранее XIV в., и, скорее всего, адресованы Овайну ап Томасу ап Родри или Овайну Глендуру. Причем выяснить, кому именно из двух последних Овайнов они посвящены, крайне сложно, а в ряде случаев невозможно. Поэту-пророку Рису Фарту, приписывается поэма, в которой упоминается битва в Кале¹¹ (Рису приписывается около девяноста пророчеств, и большая часть из них связана с Тюдорами, но эта, видимо, связана с ранним периодом и вполне может относиться к Овайну Логоху). Поэту Бергаму, видимо, принадлежат следующие строки:

«И во Франции есть человек, жаждущий битвы,
Он придет отомстить за отца с огромным войском»¹².

Произведение явно связано с Овайном Логохом и свидетельствует о том, что опасения английской администрации в этот период не были преувеличением.

Совсем не сложно понять, почему подобная поэзия вновь обрела популярность. Во времена Лливелинов поэты воспевали принцев и их достижения как сбывшиеся пророчества. Все изменилось после катастрофы 1283 г. Но барды никогда не допускают, что пророчества могут быть ошибочными: когда то, что они предсказывали, не сбывалось, следовало объяснение, что время еще не пришло, знамения не появились, а человек, приветствовавшийся как освободитель, не имел на это достаточных прав. После потери независимости все надежды были возложены на появление героя, который восстановит былое могущество бриттов. Приходу «золотого века», согласно мессианской традиции, должны были предшествовать ужасные события, природные катаклизмы, болезни и прочее. XIV век, отмеченный кризисами во всей Европе, изменением климатических условий, неурожаями, эпидемиями чумы (в Уэльсе 1361—1362, 1369 гг.) многими был воспринят как время, предшествующее появлению освободителя. В период кризиса многие обратились к вере, разжигаемой бардами, и воцарение древней гвинедской династии стало казаться избавлением. Тем более, что династия принцев еще не утасла, и ее последний представитель сражался против англичан во Франции. Люди внимали пророчествам и ожидали флот из Франции, который так никогда и не появился. Лливелину ап Кэнойригу Ти приписывается поэма, составленная после смерти Овайна Логоха. Поэт выражает разочарование, вызванное крахом надежд на возвращение последнего из гвинедской династии:

«Хотя я надеялся на внука Родри,
К несчастью его нет, он убит,
И это дьявол убил его»¹³.

Лливелин обвиняет во лжи Ата Фраса и Бергама, т.е. тех, кто «учит нас день за днем ожидать».

Овайн ап Томас ап Родри был «сыном пророчества», смерть которого принесла разочарование, но означала не угасание мифа, а его традиционную трансформацию. Овайн Логох стал «спящим героем». Вера в невозможность смерти героя характерна не только для валлийской легендарной традиции. Легенды о героях, ожидающих часа своего возвращения в своем собственном или ином обличье, распространены в Ирландии, Англии, Германии, Скандинавии, Чехии, Индии и в других странах. Как правило, эти герои умирали при загадочных обстоятельствах, вдалеке от дома, но даже если их смерть была засвидетельствована, надежда не угасала. В Германии подобные легенды сложились вокруг имен Фридриха Барбароссы, погибшего в 1190 г., и его внука Фридриха II, в Португалии — вокруг короля Себастьяна, убитого в Африке в 1578 г. при странных обстоятельствах. По имени последнего, веру в то, что легендарный правитель вернется, в литературе иногда называют «себастьянизмом»,¹⁴ явлением, определенно, вышедшим за рамки средневековья.

У покоренных народов вера в возвращение героя, как правило, приобретает национально-освободительные черты. Это объясняет, почему Эдуард I принял столь экстраординарные меры, демонстрируя смерть Лливелина Последнего и его брата Дэвида. Овайн Логох, последний представитель древнейшей династии, обстоятельства смерти которого были довольно зага-

дочными, стал идеальной фигурой для мифа. Он погиб и был похоронен во Франции, причем его тело и могилу видела лишь горстка валлийских солдат, находившихся там на службе. Для большинства валлийцев он был принцем в изгнании — тем, кто вернет им свободу и сбросит иго саксов. Неудивительно, что древняя традиция была применена к нему после смерти.

Овайн ап Томас ап Родри вошел в пантеон валлийских героев наряду с Артуром, Кадваладром, Кинаном и другими. Льюис Глен Коти (1447—1486)¹⁵ в поэме, посвященной Овайну ап Гриффиту ап Николасу из Диневура, перечисляет великих Овайнов прошлого, и среди них: Овайн аб Уриен, принц Регеда, Овайн Гвинедский, Овайн Кэвэйлиог, Овайн Глендур и «Овайн Родри». Подобное упоминание есть и у Льюиса Мона (XV в.): в поэме, посвященной Овайну ап Сиону ап Мередиту, он называет три выдающихся имени: Овайн Гвинедский, Овайн Глендур и Овайн Врэх (Frych). Под последним, видимо, подразумевается Овайн Логох. Овайн Врэх упоминается также поэтами XV в. Дэвидом ап Эдмундом и Дэвидом Ллойдом, и в обоих случаях говорится, что он «был убит собственным ножом»¹⁶. Это дает основание полагать, что именем «Врэх» поэты называли Овайна ап Томаса ап Родри. Льюис Мон, приветствуя своего патрона Овайна ап Меурига из Англси, называет его Овайном Логохом¹⁷. Возможно, поэт намекает на сбывшееся пророчество, так как Овайн ап Меуриг был сторонником Генриха Тюдора и принимал участие в битве при Босворте. Хотя воцарение «валлийца» Тюдора и воспринималось многими как исполнение древнего пророчества и возвращение короны Артура, пророчества, связанные с Овайнами, продолжали волновать умы.

Риса ап Гриффита из семейства Диневур, казненного в 1531 г. за измену, обвиняли в том, что он поощрял распространение мятежных пророчеств, заявляя, что король Шотландии вместе с Логохом и воронами (вороны были символом Диневур) завоюют всю Англию¹⁸.

Овайн ап Томас ап Родри стал героем народных легенд, передававшихся в устной традиции. Все истории об Оваине похожи, они отвечают сложившемуся еще в раннее средневековье образцу. Как правило, главный герой сказания находит пещеру, в которой спят Овайн Логох и его воины, случайное пробуждение обычно сопровождается уверением сына пророчества в том, что день еще не настал. Эти истории представляют собой точную копию легенды «Где спит Артур?»¹⁹, в которой в роли спящих воинов выступают рыцари Артура. Подобные истории упоминают о двух пещерах в Понт э Ллен и Огор Динас, где, как рассказывают, Овайн Логох и его люди спят, пока их не разбудит вой ветра, тогда они поднимутся и завоюют саксов.

Овайна Логоха также связывают с другими пещерами. Довольно странно, что легенды о человеке из гвинедской династии сохранились на юго-западе страны. Трудно сказать, вызвано ли это тем, что движение Овайна Логоха поддерживалось и в этом регионе, или с тем, что другой герой был со временем отождествлен с Овайном. До нас дошли также истории из Мерионетшира, выходящие за традиционные рамки. Они рассказывают о том, что дух Овайна Гоха (Логоха?) посещал Абеоллени. Увидев свою руку, дух сказал: «Моя красная рука». Происхождение прозвища Овайна — «красная рука» — остается загадкой: валлийским словом “lawgoch” обычно называли убийцу, баллада с острова Гернси рассказывает о том, что

Овайн был ранен в руку Ричардом Симоном, но еще за два года до атаки на Гернси Овайн был известен английским властям как Логох; если же допустить, что Овайн Врэх из валлийских поэм и Овайн Логох одно лицо, то этимология прозвища станет понятной: валлийское “frych” означает «веснушчатый». Происхождение упомянутых легенд установить невозможно, как невозможно установить, почему именно эти места были связаны с Овайном ап Томасом ап Родри, но главное то, что в таких легендах Овайн Гох (Рыжий) и Овайн Логох кажутся взаимозаменяемыми.

Возможно, первоначально легенды посвящались некоему Овайну Гоху (мифическому, не персонифицированному освободителю или одному из героев восстания 1294—1295 гг.), а затем Овайн Гох мог легко стать Логохом.

Легенды о спящем герое не нарушали пророческих традиций и не подвергали сомнению древние предсказания, а главное, были универсальны, при необходимости один герой в них легко заменялся другим. Разочарование, вызванное гибелью Овайна ап Томаса ап Родри, сменилось ожиданием нового героя. Этим героем суждено было стать Овайну Глендуру.

Последняя четверть XIV в. была временем относительной стабильности в англо-валлийских отношениях. Казалось, ничто не предвещало грозу, но когда она разразилась, никто не был удивлен, ибо склонность валлийцев к восстаниям, всегда воспринималась как характерная черта этого беспокойного народа. В этом плане справедливо замечание Риса Дэвиса: «Возможен ли знак равенства между пророческими ожиданиями и восстанием — спорный вопрос, но то, что понимание современной валлийской идеологии является главным

для анализа сути восстания, — несомненно»²⁰. На протяжении почти пяти веков до дней восстания Глендура эта идеология передавалась из поколения в поколение, дополняясь и приобретая новые черты, но при этом сохраняя основной стержень. Основными мотивами современной восстанию идеологии оставались надежда и освобождение, с одной стороны, и ненависть и месть, с другой. Проблемы, характерные для любого средневекового общества, усугублялись в Уэльсе чувством утраты былого могущества (пусть даже мифического, существовавшего только в народной памяти). Это создавало благоприятную почву для развития пророческой традиции, сохранения традиционной мифологии. Чем безнадежней была ситуация, тем больше бритты верили в свое грядущее освобождение.

Пророчества, передаваемые из уст в уста, вызывали серьезное беспокойство администрации, но устранить эту проблему было практически невозможно. Распространителями политической пропаганды такого рода могли выступать совершенно разные люди. Важнейшую роль играли «профессиональные смутьяны»²¹ барды и менестрели. Некоторые из них были придворными поэтами влиятельных валлийских семейств, как Йоло Гох, другие — непатронируемые странствующими поэтами (до нас не дошло ни одной поэмы, написанной ими, но сохранилось много свидетельств того, что они «побуждали к мятежам»).

В центре валлийской политической мифологии стоит надежда на освобождение бриттов от ига саксов, во все времена эта надежда персонифицировалась: ожидание освобождения было ожиданием освободителя. Но освободителем мог стать лишь тот, чьи претензии на корону Артура были бы законны, то есть потомок древ-

ней династии. Место «сына пророчества» освободилось после гибели Овайна ап Томаса ап Родри, последнего представителя основной ветви династии Гвинеда. Внимание поэтов могла привлечь фигура Роджера Мортимера, являвшегося потомком Лливелина ап Йорверта (Ральф Мортимер был женат на дочери Лливелина Гойладус Ти). Йоло Гох посвятил ему поэму, в которой затронул тему высокого происхождения патрона. После гибели Роджера Мортимера в Ирландии в 1398 г. его потомки могли считаться наследниками Лливелина Великого. Овайн Глендур, разумеется, знал об этом и его союз с Эдмундом Мортимером закономерен. Гвинед с XII в. был доминирующим княжеством в Уэльсе, именно гвинедские принцы добились наибольшего успеха в борьбе с «варварами-саксами». Гвинедские Лливелины были властителями всего Уэльса. Поэтов более всего привлекали потомки именно этой династии. Глендур же был потомком династий Дехейбарта и Поуиса. Его отец Гриффит Вэхан являлся потомком Блетэна ап Кэнвэна (XI в.), основателя династии Поуиса, а мать Элен происходила из рода Риса ап Тюдора (XI в.), родоначальника династии Дехейбарта. Таким образом, в жилах Овайна Глендура текла кровь самых значимых правителей XII в. Мадога ап Мередита Поуисского и Лорда Риса.

Глендур стал «сыном пророчества» еще до восстания, в поэмах и одах, посвященных ему, он именуется «единственным властителем всего Уэльса»²². До нас дошло шесть поэм об Овайне Глендуре, из написанных до восстания. До 1400 г. были написаны все три суууд Йоло Гоха (поэт, по-видимому, не дожил до восстания, его следы теряются около 1398 г., во всяком случае, его голос никогда не звучал во время восстания). Стоит заметить, что Глендур никогда не был главным патроном Йоло, а

большая часть патронов великого поэта в период восстания сражалась на стороне английской короны. Одним из лучших образцов валлийского *суууѳ* считается «Сэхарт»²³ Йоло Гоха. Эта поэма имеет довольно традиционное содержание и не включает в себя никаких намеков на древние пророчества. Поэт воспевает тонкий литературный вкус Овайна, его щедрость и благосклонность к бардам, богатство его дома, красоту и благородство его жены, то есть все то, что можно найти в поэме, посвященной любому из “*uchelwyr*”.²⁴ Йоло акцентирует внимание на «древнем происхождении» Овайна, именуя его «лордом Поуиса», но и это является обычным для произведений подобного рода. В другой поэме, приписываемой Йоло Гоху, поэт воспевает Овайна Глендура как воина-победителя. Не исключено, что это произведение было написано другим автором (уже во время восстания). Овайн именуется королем, и речь идет о сражениях с саксами. Хотя, возможно, эта поэма может отражать заказ и амбиции патрона, ощущавшего себя наследником могущественных принцев. Пророчества (“*суууѳдау бруд*”), относящиеся определенно к Овайну Глендуру (как правило, ассоциированные с его владениями), датировать трудно и почти невозможно установить, появились они до восстания или после него. Например: «Медведь из Сэхарта выйдет из тайного убежища»²⁵. Этот “*суууѳ*” мог быть написан и до восстания, и уже после исчезновения Овайна, так как речь идет о тайном убежище, в котором, по преданию, скрывался герой, не смирившийся с поражением. Или: «Саксы покинуты, и Кабан из Глендервдуй делит королевство»²⁶. Эти строки могли подразумевать договор Овайна с Перси и Мортимером о разделе королевства и расширении территории Уэльса до мифических «трех ясеней Мойгиона».

Глендур с первых дней восстания демонстрирует свою приверженность древним пророчествам. Он принимает роль освободителя бриттов — сына пророчества. Его повсюду сопровождал предсказатель Крах Финнант, бывший при нем еще в Бервике в 1384 г.²⁷ Образ действий Овайна должен был отвечать требованиям пророчеств. Духом древних предсказаний проникнуты письма Овайна. Наиболее интересным является его обращение к Роберту Шотландскому: «Доблестный лорд и державный кузен. <...> Брут, Ваш и мой благородный предок был первым коронованным королем королевства Англия, которое раньше называлось Великая Британия. У Брута было три сына, а именно Альбанакт, Локрин и Камбр. От этого Альбанакта Вы ведете свое происхождение. Потомки Камбра правили вплоть до Кадваладра, который был последним коронованным королем моего народа, и от которого я, Ваш кузен, веду свое происхождение; после смерти Кадваладра, я и мои предки и весь мой народ находятся под гнетом моих и Ваших смертельных врагов саксов <...> Пророчества говорят, что от этого гнета их буду должен освободить я, с Вашей помощью»²⁸. Без сомнения, Овайн Глендур сам ощущал себя «сыном пророчества».

Ко времени восстания относятся, видимо, поэмы Лливелина ап э Мойла (ум. 1440 г.). О жизни этого поэта известно мало. Его отец и сын тоже были поэтами. Кто являлся его патроном (и был ли он вообще) — неизвестно. Часть поэм Лливелина ошибочно приписывается Йоло Гоху. Из двух его поэм, упоминающих Овайна, можно сделать вывод, что сам поэт участвовал в восстании (или более поздних выступлениях валлийских партизанских отрядов). Поэма Лливелина «Лес на серой скале» является традицион-

ным валлийским гимном лесу, служившему убежищем для повстанцев (или просто разбойников):

«...Под твоими ветвями — прекрасное место,
Чтобы ограбить сакса,
И выместить свой гнев...

...

Для людей Овайна ты — Лондон.
Англия в упадке,
Бог даст твоим солдатам победу!
Все благословенны на моей стороне,
Да будут вознаграждены люди Овайна»²⁹.

Эта поэма вполне могла быть написана даже после исчезновения Глендура: валлийские партизаны, действовавшие на протяжении всей первой четверти XV в., часто именовались «людьми Овайна». В пользу этого может свидетельствовать еще одна поэма Лливелина, описывающая (видимо, никогда не существовавшую) битву *Waun Gaseg*:

«Мы начали прекрасно сегодня,
Целый отряд на вершине холма
Состоял из прекрасных воинов,
С великими, гордыми целями,
Во имя великой славы Овайна.

...

Мы, после всех речей и клятв,
Продержались не более часа,
Не вынув мечей из ножен.
Скованные ужасом, Мы побежали.

...

И я выиграл в этом подлом соревновании,
Будучи первым, среди бегущих»³⁰.

Эта саркастическая поэма Лливелина ап э Мойла выходит за традиционные рамки панегириков, элегий и предсказаний валлийской поэзии и потому особенно интересна. Поэмы Лливелина представляют собой взгляд «изнутри», замечательно, что борьба с саксами в этих произведениях представлена как неотъемлемая часть жизни валлийца, но не предназначение, определенное древними пророчествами.

Восстание породило большое количество устных преданий о Глендуре и его союзниках. Легенда о замке Динас Бран повествует о том, как Хауэл Вэхан перешел на сторону Глендура в 1401 г. Динас Бран был английским опорным пунктом в Уэльсе, и валлийцы считали его держателей предателями с тех пор, как Гриффит ап Мадог перешел на сторону Эдуарда I. Когда началось восстание Глендура, Хауэл Вэхан был готов поддержать соотечественников, но его предки и он сам уже много лет служили английской короне. Согласно легенде, Хауэлу стала являться тень «предателя» Гриффита ап Мадога, уговаривая его сражаться за валлийскую свободу на стороне Овайна Глендура, ибо только в этом случае душа Гриффита могла обрести покой. С тех пор Хауэл и его люди сражались с Овайном Глендуrom. Сам Хауэл Вэхан погиб в 1405 г.

Овайн Глендур был не просто лидером валлийского восстания, он стал живой легендой. Современники восхищались им и боялись его, ему приписывали магические качества, например, умение вызывать дождь (кстати, подобными способностями обладал сенешаль короля Артура — Кай). Сюжет о способности Овайна влиять на погоду появился после провала английской кампании в августе 1402 г.: английские войска, вторгшиеся в Уэльс, были остановлены проливными до-

ждями. Замечательно, что нечто подобное произошло в 1165 г., когда антианглийскую коалицию возглавлял Овайн Гвинедский. Внезапные появления и исчезновения Глендура, его неуловимость, слепая преданность последователей, удивительный язык его писем и документов, ссылки на древние пророчества — все это создавало ореол загадочности вокруг него и было залогом его успеха при жизни и после смерти. В «Генрихе IV» Шекспир с некоторой иронией указывает на склонность Овайна к пророчествам и магии. Последнее упоминание Овайна Глендура в правительственных записях относится к 1415 г., возможно, он уже умер к этому времени. Тайна, окружившая его смерть, стала еще одним фактором, обеспечившим Овайну вторую жизнь. Почти современное (хотя едва ли точное) описание похорон валлийского героя дает Адам из Аска: «Он был похоронен ночью своими последователями, но его враги узнали место захоронения, и он был перезахоронен, и теперь никто не знает, где его могила»³¹. Тайна места захоронения обеспечила Овайну место в ряду валлийских героев, ожидающих своего возвращения. Валлийцы считали Овайна Глендура сыном пророчества еще при жизни, до настоящего времени он является главным национальным героем Уэльса.

Замечательно, что значительная часть легенд, связанных с Овайном Глендуром и его восстанием, сложилась спустя много лет после его исчезновения. Такие валлийские поэты XV в. как Гитор Глен, Льюис Глен Коти, Гитин Овайн, конечно, упоминали Глендура в своих произведениях, но, в основном, по незначительным поводам. Возможно потому, что в этот период не было острой необходимости в напоминаниях о восстании. Разочарование от поражения дополнялось

разрухой и антиваллийским законодательством. Вина Глендура в той бездне бед, в которую была ввергнута его страна, была очевидна. Однако память о нем не была искоренена, а с течением времени стала ярче.

Легенды о Глендуре органично влились в корпус древней валлийской политической мифологии. Есть все основания полагать, что миф о возвращении сына пророчества и исполнении предсказаний Мэртина и Талиесина был популярен в Уэльсе на протяжении всего позднего средневековья.

Память об Оваине Глендуре, как и о других героях, была локализована, привязана к определенным местам. Это не означает, что он не являлся общенациональным героем, но именно благодаря подобной локализации память о нем сохранилась. С именем Овайна традиционно связываются территории Глендервдуй (Гора Овайна) и Сэхарт (тропа, ведущая к его дому через горы, известна как “Efordd Owain Glyn Dwr”). Есть версия, что Овайн Глендур умер на вершине Лоутонс Хоуп Хилл в Херефордшире, а Вудбери Хилл в Вустершире в народе назывался «лагерем Овайна Глендура». Самыми загадочными и таинственными местами, связанными с именем Овайна Глендура, были пещеры. «Убежищами» Овайна Глендура считались пещеры в Беттелерт (Карнарвоншир), Ллангелэннин (Мерионетшир), Крайг Гортэйрн (Кармартеншир) — все они называются “Ogof Owain” (пещера Овайна). С этими местами связаны традиционные легенды о спящем герое, почти не отличающиеся от легенд об Оваине Логохе. Некоторые из «пещер Овайна» могут быть отнесены и к Оваину Логоху, и к Оваину Глендур (например, Огор Динас).

Овайн Глендур был «главой Уэльса» и законным наследником для валлийских поэтов, сыном пророче-

ства — для своих последователей и воином, сражавшимся против англичан — в народной памяти. Овайн Глендур был первым национальным лидером, ибо Уэльс в годы восстания (которое с полным правом может быть названо войной), как никогда ранее, был един. Видение нового, унитарного Уэльса, с парламентом, независимой церковью и университетами отличало Глендура от валлийских лидеров средневековья.

После подавления последнего валлийского восстания легендарная традиция продолжала развиваться, пророчества не утратили популярности, и что примечательно, активно использовались для обоснования претензий на власть Генриха Тюдора. Валлийцы были склонны видеть исполнение древних предсказаний в восшествии на английский престол «валлийской» династии Тюдоров.

Победа Генриха VII в битве при Босворте 22 августа 1485 г. была названа «величайшим благословением, которого удостоивался валлийский народ»³². Своего наследника Генрих VII назвал Артуром, явно стремясь создать ассоциацию с легендарным королем Артуром, одним из главных героев валлийской мифологии. Хотя Артур еще со времен Генриха II Плантагенета был одним из символов английской государственности. Как заметил Дж. Дэвис, «скорее валлийцы ассоциировали себя с Тюдорами, нежели Тюдоры с валлийцами»³³. Йоркистские генеалогии подчеркивали происхождение Эдуарда IV от дочери Лливелина Великого. В возрасте трех лет старший сын Генриха VII стал принцем Уэльским, а после его ранней смерти титул унаследовал его младший брат, будущий король Генрих VIII (потомок сразу двух валлийских династий), при котором и произошла окончательная инкорпорация Уэльса в состав Английского королевства.

Примечания

- ¹ *Clancy J.P.* Medieval Welsh Lyrics. N.Y., 1965. P. 23.
- ² *Evans R. W.* Prophetic Poetry / Guide to Welsh Literature 1282 — c. 1550. Cardiff. 1997. P. 266.
- ³ С Браном связана валлийская триада о трех счастливых погребениях и трех злосчастных выкапываниях.
- ⁴ *Evans R. W.* Op. cit. P. 268.
- ⁵ *Clancy J.P.* Op. cit. P. 113.
- ⁶ *Carr A.D.* Owen of Wales. P. 81.
- ⁷ Ibid.
- ⁸ Dictionary of Welsh Biography Down to 1940. P. 313.
- ⁹ *Carr A.D.* Op. cit. P. 82.
- ¹⁰ Ibid. P. 83.
- ¹¹ Ibid. P. 90.
- ¹² *Idem.*
- ¹³ *Williams G.* Religion, Language and Nationality in Wales. Cardiff, 1979. P. 75.
- ¹⁴ *Carr A.D.* Op. cit. P. 93.
- ¹⁵ *Clancy J.P.* Op. cit. P. 277. Поэт поддерживал Ланкастеров и Яспера Тюдора в войне Роз.
- ¹⁶ *Carr A.D.* Op. cit. P. 94.
- ¹⁷ Ibid.
- ¹⁸ *Williams G.* Op. cit. P. 81.
- ¹⁹ *Jones G.* Welsh Legends and Folk Tales. L., 1955. P. 169.
- ²⁰ *Davies R.R.* The Revolt of Owain Glyn Dwr. Oxford—N.Y., 1997. P. 89.
- ²¹ Ibid. P. 91.
- ²² Ibid. P. 130.
- ²³ Сэхарт — дом Овайна Глендура.
- ²⁴ *Clancy J.P.* Op. cit. P. 137.
- ²⁵ *Evans R. W.* Op. cit. P. 261.
- ²⁶ Ibid. P. 262.
- ²⁷ *Davies R.R.* Op. cit. P. 159
- ²⁸ Chronicon Adae de Usk. P. 240.
- ²⁹ *Clancy J.P.* Op. cit. P. 182—183.
- ³⁰ Ibid. P. 184.
- ³¹ Chronicon Adae de Usk. P. 313.
- ³² *Davies J.* A History of Wales. L., 2007. P. 212.
- ³³ Ibid. P. 213.

Библиография

- A Book of Wales / Ed. by D.M. and E.M. Lloyd. L., Glasgow, 1971.
- Anglo-Saxon Chronicle, According to the Several Original Authorities / Ed. with a transl. by B.Thorpe. L., 1861.
- Annales Cambriae / Ed. by the Rev. John Williams ab Ithel. L. 1860.
- Armes Prydein Vawr. Llyfr Taliesin VI (<http://www.maryjones.us/ctexts/t06w.html>)
- Beaujouan G.* The Transformation of the Quadrivium // Renaissance and Renewal in the Twelfth Century / Ed. by R.L. Benson, G. Constable, C.D. Lanham. Toronto, 1991.
- Brut y Tywysogion or the Chronicle of the Princes of Wales / Ed. by the R.J. Williams ab Ithel. L., 1860.
- Brut y Tywysogion or the Chronicle of the Princes. Peniarth MS. 20 Version / Transl. with introd. and notes T. Jones. Cardiff, 1952.
- Calendar of Ancient Correspondence Concerning Wales / Ed. by J.G. Edwards Cardiff, 1935.
- Calendar of Ancient Petition Relating to Wales / Ed. by W. Rees. Cardiff, 1975.
- Carr A.D.* Owen of Wales: The End of House of Gwynedd. Cardiff, 1991.
- Carr A.D.* Medieval Wales. L., 1995.
- Carr A.D.* The Last and Weakest of His Line: Dafydd ap Gruffydd, The Last Prince of Wales // Welsh History Review. 1999. Vol. 19. № 3.
- Charles-Edwards T.M.* Wales and the Britons 350-1064. Oxford, 2013.
- Christine de Pisan.* Le Livre des fais et bonnes meurs du sage roy Charles V (Nouvelle collection des memoires pour servir a l'histoire de France). Paris, 1836. Vol. II.
- Chronica magistri Rogeri de Houdene / Ed. by W. Stubbs. L., 1869. Vol. II.
- Chronicles of England, France, Spain, and the Adjoining Countries — From the Latter Part of the Reign of Edward II to the Coronation of Henry IV by Sir John Froissart / Trans. by T. Johnes. L. 1868. Vol. I.
- Chronicon Adae de Usk. A.D. 1377—1421 / Ed. by E.M. Thompson. L., 1904.
- Chronique des quatre premiers Valois (1327—1393). Paris, 1862.
- Chroniques des regnes de Jean II et de Charles V / Ed. by R. Delachenal. Paris. 1916. Vol. II.

- Cichon M.* Insult and Redress in Cyfraith Hywel Dda and Welsh Arthurian Romance // *Arthuriana*. Vol. 10. № 3. P. 27—43.
- Clancy J.P.* Medieval Welsh Lyrics. N.Y., 1965.
- Codex Diplomaticus aevi Saxonici*, opera / Ed. by J.M. Kemble. L., 1840. T. II.
- Cyfreithjeu Hywel Dda ac Eraill*, seu leges Wallicae ecclesiasticae et civiles Hoeli Boni et aliorum Walliae Principum. L., 1830.
- Davies J.* A History of Wales. L., 2007.
- Davies R.R.* The Peoples of Britain and Ireland 1100—1400. III. Laws and Customs // *Transactions of the Royal Historical Society*, Sixth Series. 1996. Vol. 6.
- Davies R.R.* The Revolt of Owain Glyn Dwr. N.Y., 1997.
- Davies R.R.* The Age of Conquest. Wales 1063—1415. Oxford, 2000.
- Davies R.R.* Owain Glyn Dwr. Prince of Wales / Transl. by G. Morgan. Ceredigion, 2009.
- Emanuel H.D.* The Welsh Texts of the Law // *Welsh History Review*. 1963. P. 19—32.
- Epistolae Sancti Thomae Cantuariensis*. Oxford, 1845. Vol. I.
- Evans R.W.* Prophetic Poetry // *Guide to Welsh Literature 1282 — c. 1550*. Cardiff, 1997.
- Eward I and Wales*. Cardiff, 1988.
- Gillingham J.* Civilizing the English? The English Histories of William of Malmesbury and David Hume // *Historical Research*. 2001. Vol. 74. Issue 183.
- Griffiths R.* The Revolt of Rhys ap Merdudd, 1287—1288 // *Welsh History Review*. 1966. Vol. 3. № 2.
- Jack R.J.* Owain Glyn Dwr and the Lordship of Ruthin // *Welsh History Review*. 1965. Vol. II. № 4.
- Jones C.O.* Compact History of Welsh Heroes. Llywelyn Bren. Llanrwst, 2006.
- Jones C.O.* Compact History of Welsh Heroes. The Revolt of Madog ap Llywelyn. Llanrwst, 2008.
- Jones Gwyn.* Welsh Legends and Folk Tales. L., 1955.
- Kirby D.P.* Hywel Dda: Anglophile? // *Welsh History Review*. 1976. Vol. 8. № 1.
- Maitland F.W.* The Laws of Wales. The Kindred and the Blood Feud // *Online Library of Liberty* URL: <http://oll.libertyfund.org>.
- Morris J.E.* The Welsh Wars of Edward I. Oxford, 1968.
- Presenting Welsh Poetry*. An Antology of Welsh Verse in Translation and of English Verse by Welsh Poets / Ed. by Gwyn Williams. L., 1959.
- Pryce H.* Native Law and the Church in Medieval Wales. Ox. 1993.

- Pryce H.* Owain Gwynedd and Louis VII: The Franco-Welsh Diplomacy of the First Prince of Wales // *Welsh History Review*. 1998. Vol 19. № 1.
- Pryce H.* The Context and Purpose of the Earliest Welsh Lawbooks // *Cambrian Medieval Celtic Studies*. 2000. Vol. 39.
- Pryce H.* British or Welsh? National Identity in Twelfth-Century Wales // *English Historical Review*. 2001.
- Sheppard-Jones E.* *Welsh Legendary Tales*. Edinburgh, 1959.
- Sighjorn O.S.* *William of Malmesbury and the Ethics of History*. Woodbridge, 2012.
- Smith J.B.* *The Rebellion of Llywelyn Bren // Glamorgan County History*. Cardiff, 1971. Vol. III.
- Smith J.B.* *Edward II and The Allegiance of Wales // Welsh History Review*. 1976. Vol. 8. № 2.
- Smith J.B.* *The Sense of History in Medieval Wales*. Aberystwyth, 1994.
- The Acts of Welsh Rulers 1120—1283 / Ed. by H. Pryce*. Cardiff, 2005.
- The Annonimale Chronicle 1333 to 1381. From a Ms. Written at St. Mary's abbey, York. N.Y.*, 1970.
- The Dictionary of Welsh Biography Down to 1940*. L., 1959.
- The History of Gruffydd ap Cynan / Ed. by A. Jones*. Manchester, 1910.
- The Law of Hywel Dda / Transl. and ed. by D. Jenkins*. Llandysul, Ceredigion, 2000.
- The Mabinogion / Transl. with introd. by J. Gantz*. L. 1976.
- The Oxford Book of Welsh Verse in English, Chosen by Gwyn Jones*. Oxford, 1977.
- The Statutes of Wales / Coll. and arr. I. Bowen*. L., 1908.
- Thornton D.E.* *The Death of Hywel Dda // Welsh History Review*. 2001. Vol. 20. № 4.
- Vita Edwardi Secundi / Ed. by W.R. Childs* Oxford, 2005.
- Walker D.* *Medieval Wales*. Cambridge, 1990.
- Walsingham T.* *Historia Anglicana / Ed. by H.T. Riley*. L., 1864. Vol. II.
- Ward J.* *Women in England in the Middle Ages*. N.Y., 2006.
- Watt D.* *Medieval Women in Their Communities*. Cardiff, 1997.
- Welsh Records in Paris / Ed. by T. Matthews*. Carmarthen, 1910.
- Willelmi Malmesbeiensis Monachi Gesta Rerum Anglorum*. L., 1840. Vol. II.
- William of Malmesbury*. *Chronicle of the Kings of England / Transl. by R.J. Sharpe*. Ed. by J.A. Giles. L., 1904.
- Williams G.* *Religion, Language and Nationality in Wales*. Cardiff, 1979.

- Гальфрид Монмутский. История бриттов. Жизнь Мерлина / Пер. с лат. А.С. Бобовича М., 1984.*
- Кобрин К.Р. Политический XI век в Уэльсе // Средние века. 2007. Вып. 68 (1). С. 102—128.*
- Кобрин К.Р. Средние века: очерки о границах, идентичности и рефлексии. М.;СПб., 2016.*
- Мабиногион. Волшебные легенды Уэльса / Пер. В.В. Эрлихман. М., 1995.*
- Ненний. История бриттов / Пер. с лат. А.С. Бобович // Гальфрид Монмутский. История бриттов. Жизнь Мерлина. М., 1984.*
- Пти-Дютайи Ш. Феодальная монархия во Франции и в Англии X—XIII вв. М., 1938.*

Summary

Anglo-Welsh relationship has always been one of the most thought-provoking and engrossing aspects of British history. Welsh factor played a significant role in the Middle Ages. Wales was a turbulent region and Welsh propensity to rebel has been always regarded as their national feature.

Understanding of Welsh political history is unachievable without considering the ideology of subjugated people, the most notable part of which was ancient myth about inevitable triumph over English.

Particular attention has been paid to the analysis of the Law of Hywel Dda. Welsh native legal tradition was undoubtedly abundant and exceptional. Welsh legal tradition ascribes this compilation to Hywel Dda, a Welsh king in the X century, although the content of surviving manuscripts is more correlated with reality of the XII–XIII centuries. The Law of Hywel Dda had been the main source of Welsh native law till “The Statute of Rhuddlan” of Edward I when English criminal law was introduced in Wales. The Law of Hywel Dda was finally abrogated in XVI century.

This book might be of interest for historians and wide readership concerned about problems of medieval history and culture.

Contents

Preface.....	7
§ 1. The normans in Wales	11
§ 2. Era of Llywelyns. English conquest.....	31
§ 3. Battle of the Dragons: Welsh political mythology in XII—XIII centuries.....	55
§ 4. The unique law of the unique country: The Law of Hywel Dda	73
§ 5. Wales after English conquest	117
§ 6. Anglo-Welsh relationship in the XIV century. Owain Lawgoch.....	137
§ 7. Anglo-Welsh relationship in the beginning of XIV century. The Revolt of Owain Glyn Dwr.....	155
§ 8. “Mab Darogan” expectations: Welsh political mythology after the loss of independence.....	175
Selected bibliography	197
Summary	201

Научное издание

Мария Евгеньевна Лошкарева

Особая страна:

из политической и правовой истории
средневекового Уэльса (XII—XIV вв.)

Макет и оформление Ю.В. Балабанов

Редактор И.В. Румянцева

Корректор Н.С. Головин

Предложения и вопросы можно присылать на электронный
адрес серии:
medieval.books@mail.com

Подписано в печать 26.12.2016. Формат 70×100/16. Заказ № 149.
Тираж 500 экз. 6,5 п.л. 13,0 уч.-изд. л.

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного
оригинал-макета в Публичном акционерном обществе «Т8
Издательские Технологии»

109316, Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корпус 5.

Тел.: 8 (495) 221-89-80

По издательским вопросам обращаться:

«Центр гуманитарных инициатив»

e-mail: unikniga@yandex.ru. Руководитель центра П.В. Соснов

Комплектование библиотек, оптовая продажа в России и странах СНГ
ООО «Университетская книга-СПб».

Контакты:

в Санкт-Петербурге: Тел. (812) 640-08-71, e-mail: uknigal@westcall.net в

Москве: ООО «Университетская книга-СПб». Тел. (495) 915-32-84,

e-mail: ukniga-m@lib 1.ru

Розничные продажи:
сеть магазинов «Читай город», <https://www.chitai-gorod.ru>

Рассылка по России:
"Национальный книжный дистрибьютор "КНИЖНЫЙ КЛУБ 36.6"
<http://www.club366.ru>

Интернет-магазин Лабиринт.ру: <http://www.labyrinth.ru/>

Серия MEDIAEVALIA

Средневековье как историко-культурный феномен.

Основана в 2015 г.

Составитель и главный редактор А.К. Гладков

В 2017 г. в рамках серии
предполагается опубликовать:

А.Ю. Серегина

**Английское католическое сообщество
XVI–XVII вв.: виконты Монтегю**

Монография представляет собой первый в мировой историографии труд, исследующий механизмы, делавшие возможным сосуществование религиозного меньшинства — английских католиков — с протестантским большинством в Англии второй половины XVI—начала XVII в. Католическое сообщество рассматривается в его взаимосвязях с английским социумом на разных уровнях: от прихода и графства до двора, парламента и Тайного Совета, а также и с католическими сообществами за пределами страны. Работа следует принципам микросоциального исследования и сфокусирована на детальном анализе политических, социальных и религиозных аспектов жизни одной из структурных единиц английского католического сообщества, а именно, окружения виконтов Монтегю из графства Сассекс.

Книга основана на обширном корпусе источников, полностью охватывающем все тексты, как архивные, так и опубликованные, которые связаны с историей семьи Монтегю и ее окружения.

Для историков, культурологов, специалистов в области истории религии, и широкого круга читателей.

Предложения и вопросы можно присылать
на электронный адрес серии: medieval.books@mail.com
или электронный адрес издателя: unikniga@yandex.ru

Серия MEDIAEVALIA

Средневековье как историко-культурный феномен.

Основана в 2015 г.

Составитель и главный редактор А.К. Гладков

В 2017 г. в рамках серии
предполагается опубликовать:

С.А. Польская
Христианнейший король: образы
власти в репрезентативных стратегиях
французской монархии (IX–XV вв.)

В монографии рассматривается актуальный для современной исторической науки комплекс проблем репрезентации высшей политической власти в средневековой Франции на протяжении длительного времени: от позднекаролингского периода до окончания Столетней войны. Исследование построено на анализе разнообразных источников (коронационных *ordines*, законодательных документов и актового материала, юридических, политических, исторических и богословских трактатов, реестров и описей аббатств), в том числе протоколов инаугурационных церемоний французской монархии, благодаря привлечению которых удалось рассмотреть итоги реализации ее публично-правовой функции. Особое внимание в работе уделено анализу символов и образов власти, а также становления и развития королевского культа, опыта понимания его сакральной природы вплоть до наступления эпохи абсолютизма, матримониальных стратегий и трансформации французской модели за пределами королевства.

Для историков-медиевистов, политологов, юристов, культурологов, а также широкого круга читателей.

Предложения и вопросы можно присылать
на электронный адрес серии: medieval.books@mail.com
или электронный адрес издателя: unikniga@yandex.ru

Серия MEDIAEVALIA

Средневековье как историко-культурный феномен.

Основана в 2015 г.

Составитель и главный редактор А.К. Гладков

В 2017 г. в рамках серии
предполагается опубликовать:

**Политическая культура Средних веков
и раннего Нового времени**
Сост. и отв. ред. А.К. Гладков

В сборнике собраны работы, посвященные изучению политической культуры средневековых цивилизаций Запада и Востока. Реконструируется система представлений о верховной власти, ее происхождении и функциях, выявляются правовые механизмы ограничения полномочий государя, стратегии удержания власти и низложения правителя («тираноборчество»), анализируются формы взаимодействия различных потестарных институтов, а также авторские приемы конструирования политических образов, выработка специфических моделей ведения полемики и построения системы аргументации в политической литературе. Особое внимание уделено исследованию политических ритуалов, церемоний, обрядов и процедур, демонстрировавших реализацию на практике теоретических представлений о сакральном характере светской власти и высоком достоинстве ее служителей.

На материале истории Италии, Англии, Франции, Скандинавских стран, Древней Руси и Византии, а также Индии, Японии, Монголии обнаруживаются как общие (типологические), так и особенные (уникальные) черты в развитии политической культуры различных регионов средневекового мира.

Сборник будет полезен не только историкам-медиевистам, но и филологам, философам, политологам, культурологам, искусствоведам, а также широкому кругу читателей, интересующемуся историей и культурой средневековых цивилизаций Запада и Востока.

Предложения и вопросы можно присылать
на электронный адрес серии: medieval.books@mail.com
или электронный адрес издателя: unikniga@yandex.ru

Серия MEDIAEVALIA

Средневековье как историко-культурный феномен.

Основана в 2015 г.

Составитель и главный редактор А.К. Гладков

В 2017 г. в рамках серии
предполагается опубликовать:

**М.М. Ковалевский и его время.
Медиевистика и новистика в России
второй половины XIX – начала XX в.
Сост. и отв. ред. А.К. Гладков**

Сборник посвящен всестороннему анализу исторических трудов выдающегося российского ученого, академика М.М. Ковалевского (1851–1916), внесшего исключительный вклад не только в социологию и правоведение, но и медиевистику – «науку о Средневековье». Ведущие российские и европейские специалисты исследуют работы М.М. Ковалевского, посвященные социальной и экономической истории, политической мысли и общественным отношениям в Средние века и ранее Новое время, англоведению, а также сравнительно-историческому правоведению. Впервые в мировой историографии изучен весь комплекс медиевистических трудов ученого, проанализированы его взаимоотношения с коллегами-историками, осмыслено значение исследователя для развития отечественной науки и развития университетского образования в России. Значительная часть предлагаемых работ основана на привлечении уникальных, впервые вводимых в научный оборот архивных материалов.

Для историков, юристов, политологов, культурологов, а также широкого круга читателей, интересующихся историей и историографией Средневековья и раннего Нового времени.

Предложения и вопросы можно присылать
на электронный адрес серии: medieval.books@mail.com
или электронный адрес издателя: unikniga@yandex.ru

Серия MEDIAEVALIA

Средневековье как историко-культурный феномен.

Основана в 2015 г.

Составитель и главный редактор А.К. Гладков

В 2017 г. в рамках серии
предполагается опубликовать:

Щеглов А.Д.
Реформация в Швеции:
события, деятели, документы

В книге исследован ранний этап Реформации в Швеции (1520-е–1530-е годы), показана взаимосвязь реформ церкви и политики усиления королевской власти, которую проводил король Густав Васа (1523–1560). Особое внимание уделено ключевому событию шведской Реформации – Вестеросскому риксдагу 1527 г.: рассмотрены его ход и итоги, показаны последствия (редукция церковной собственности, конфессиональные реформы, изменения в области права). Освещена научная дискуссия о Вестеросском риксдаге. Проанализированы документы, созданные в связи с Реформацией. Рассмотрена деятельность духовного лидера шведских реформаторов – Олауса Петри, исследованы его взгляды как богослова, проповедителя и историка.

Для специалистов-гуманитариев и широкого круга читателей.

Предложения и вопросы можно присылать
на электронный адрес серии: medieval.books@mail.com
или электронный адрес издателя: unikniga@yandex.ru

Монография посвящена политической
правовой истории Уэльса в XII–XIV вв.
Англо-валлийские отношения представляют собой
одну из интереснейших сторон истории
Соединенного Королевства, ибо «валлийский» фактор играл
немаловажную роль на протяжении всего Средневековья.
Уэльс всегда оставался беспокойным регионом, склонность
к восстаниям считалась национальной чертой валлийцев,
а «валлийская карта» при любой возможности разыгрывалась
как внешними, так и внутренними врагами английской короны.
Понимание политической истории региона указанного
периода невозможно без учета идеологии завоеванного
народа, стержнем которой был политический миф
о грядущей победе бриттов

